

ГОРОДСКОЙ ПАТРИОТИЗМ КАК ОБЪЕКТ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Власова Наталья Юрьевна

Уральский государственный экономический университет (620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45)

✉ vnj@usue.ru

Петрова Лариса Евгеньевна

Екатеринбургская академия современного искусства (620012, Россия, Екатеринбург, ул. Культуры, 3)

✉ petrova@eaca.ru

Салмин Леонид Юрьевич

Уральский государственный архитектурно-художественный университет (620075, Россия, Екатеринбург, ул. К. Либкнехта, 23)

✉ leosalmin@mail.ru

Трахтенберг Анна Давидовна

Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук (620990, Россия, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16)

✉ cskiit@yandex.ru

Ахьямова Инна Анатольевна

Екатеринбургская академия современного искусства (620012, Россия, Екатеринбург, ул. Культуры, 3)

✉ innaah@yandex.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

территориальное развитие, локальная идентичность, патриотизм.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Власова Н.Ю., Петрова Л.Е., Салмин Л.Ю., Трахтенберг А.Д., Ахьямова И.А. Городской патриотизм как объект современных междисциплинарных исследований // Муниципалитет: экономика и управление. 2021. № 4. С. 6–16.

АННОТАЦИЯ:

Понятие патриотизма актуально как для практики городского социокультурного проектирования, так и для научных изысканий. Представленное исследование ставит целью описать ключевые для социально-гуманитарных наук аспекты междисциплинарного анализа феномена «городской патриотизм» в рамках экономики, социологии, культурологии и политологии.

Использованы теоретические методы (синтез и анализ, компаративный, историзма и пр.), проанализированы эмпирические данные (опросы общественного мнения, данные «Индекса качества городской среды» и пр.).

Городской патриотизм рассматривается как разновидность локального патриотизма, объектом положительных эмоций (гордость) и поведения (забота, гражданское участие, солидарность и пр.) которого является территория, в данном случае – город. Социологическая оптика обращения к исследованию городского патриотизма предполагает акцент на социальной дифференциации горожан в отношении к месту своего проживания или к месту планируемого переезда. Городской патриотизм как чувство привязанности, гордости за свой город, желание служить ему является важным фактором повышения человеческого капитала территории, основой её конкурентоспособности.

На примере Екатеринбурга описана институциональная картина формирования и укрепления городского патриотизма, начиная со стратегического проекта «Я – гражданин Екатеринбурга. Городской патриотизм», целью которого было формирование активной гражданской позиции и чувства патриотизма у жителей города. С историко-политических позиций город и патриотизм связаны в европейской культуре с момента появления данного типа поселения. Ведь именно город изначально был той единицей, вокруг которой формировалось понятие «государство». Экономический аспект рассмотрения городского патриотизма – это акцент на выгодах и издержках, которые может принести лояльность жителей и приезжих, характеристика того, к каким эффектам может привести любовь к городу. Патриотически настроенные люди принимают более выгодные для данной территории решения о покупках товаров и услуг. Важно, чтобы управленческие практики, направленные на поддержку местных производителей, не были спекулятивными, были грамотно позиционированы. Однако есть и примеры «успешной спекуляции» на патриотических чувствах (действия администрации мэра Нью-Йорка М. Блумберга по развитию Вест-Сайда Манхэттена). Культурологический аспект в изучении феномена городского патриотизма предполагает анализ формирования

и восприятия культурных продуктов как связанных собственно с землей, вассальных (как это было в эпоху феодализма) и – в противоположность этому – горизонтальных связей, ценностных ориентиров.

Обоснован междисциплинарный подход к изучению городского патриотизма, в рамках которого выделяются значимые аспекты описания экономистами, культурологами, политологами и социологами.

Термин «патриотизм» довольно хорошо известен не только в научных кругах, но и простому обывателю, жителю того или иного города. Он на слуху в нашем обычном лексиконе. Этот термин, конечно же, представлен в научной литературе. Проблемы патриотизма, а точнее – патриотического воспитания, рассмотрены в трудах отечественных учёных, таких как К. Д. Ушинский, А. Н. Радищев, В. А. Сухомлинский, А. Г. Ковалёва, В. С. Мухина, А. С. Макаренко, Д. С. Лихачёв, Л. Е. Никонова и др. Однако, как нам видится, вопрос городского, локального патриотизма малоизучен.

Мы ставим перед собой цель – изучение проблематики именно городского патриотизма и анализ перемен в культуре, политике и экономике на локальном уровне. Существует ли – и если да, то какова – технология формирования городского патриотизма? Наша ключевая идея заключается в том, что именно городской патриотизм формирует конкурентоспособность территории, отдельного города.

Термин «патриотизм», будучи употреблённым либо в узком, либо в широком значении, может иметь разные коннотации: положительную и отрицательную. Патриотизм может быть соотнесен с любовью к родине. Но любовь – это, конечно, слабонаучное и слабоизмеряемое понятие, поэтому патриотизм не просто любовь к родине, а, как минимум, служение родине: это и долг, и ответственность, и другие обязанности.

Однако патриотизм как любовь к родине – это всего лишь один уровень – самый высокий, первый уровень рассмотрения этого понятия: национальный патриотизм – любовь к нации, любовь к стране, любовь к государству.

Согласно опросу, который провел Всероссийский центр

© Фото: urai.kp.ru

Однажды екатеринбуржцы защитили городской пруд от застройки, регулярно его «обнимая». Этот снимок сделан 3 сентября 2017 года на очередной акции протеста против идеи возведения собора в акватории пруда.

изучения общественного мнения (ВЦИОМ), за 20 лет почти в два раза сократилось число тех, кто ответил положительно на вопрос «Вы патриот или нет? Вы патриот России или нет?». В 2000 году утвердительно ответили 84 %, а в 2020 году – всего лишь 46 % [1]. Показательны и вариации любви к родине (табл. 1).

Второй уровень рассмотрения феномена – это локальный патриотизм, это любовь к региону; и для России это тема довольно актуальная. Этот тезис находит своё подтверждение в политическом дискурсе, например, в словах Президента России В. В. Путина: «У нас нет никакой и не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма», а также ввиду создания федерального проекта «Патриотическое воспитание», который направлен на обеспечение функционирования системы патриотического воспитания граждан Российской Федерации.

Говоря о локальном патриотизме, интересно отметить тот факт, что идентичность на уровне региона не является устойчивым явлением, фиксируются процессы поиска себя именно на локальном уровне, никак не связанном с нынешней картой регионов. Так, по результатам переписи населения в РФ в 2010 году, более четырех тысяч

человек назвали себя сибиряками, хотя такой национальности официально не существует. То есть эти люди по самоопределению не жители конкретного города, а именно сибиряки. И так, видом локального является региональный патриотизм.

Однако объектом нашего исследования является третий уровень – городской патриотизм. Этот выбор обусловлен тем, что сегодня большинство населения Земли, конечно же, живет в городах: глобальный уровень урбанизации равен 56,4 %, а в России две трети жителей – горожане. Город для нас – больше, чем город, больше, чем территория, в некоторых случаях заменяет собой целый регион. Также есть прогноз, согласно которому в будущем именно города будут субъектами политики и экономики – 600 мировых мегаполисов заменят страны на политической, экономической и культурной карте мира.

Явление патриотизма само по себе не является частью категориального аппарата той или иной отрасли научного знания – оно является мультидисциплинарным. Рассмотрим его далее в четырех аспектах: социальном, историко-политическом, экономическом и культурологическом. Важно отметить, что феномен городского патриотизма – это не только объект научных изысканий, но и важный

объект практических преобразований, заботы о городе [2]. А любая практика основана на анализе и на теоретическом осмыслении.

Городской патриотизм как социальное явление

Классическая схема для социальных наук – это условное деление на когнитивный, эмоциональный, поведенческий уровни отношения к объекту анализа. Когнитивный уровень связан с феноменами познания, узнавания, знания, внимания. Так, мы можем и должны понимать, что наш город объективно существует. Вопрос о том, как знание о городе связано с лояльностью, любовью к нему, пока не изучен. Но знание о городе – важный индикатор городского патриотизма.

Эмоциональный уровень – собственный уровень чувств. Какие же эмоции вызывает город Екатеринбург? Гордость. Да, это одна из эмоций. Страх и ненависть, любовь и вождение, привязанность или испуг, удивление или восторг? Спектр этих эмоций, которыми мы обмениваемся друг с другом, конечно, может быть применен и к городу. Некоторые города, в которые авторы приезжают в качестве туристов, именно к этим эмоциям и склоняют.

Наконец, поведенческий уровень. Он связан с тем, что мы готовы пожертвовать часть своей физической активности,

часть своего времени, иные свои ресурсы, для того чтобы что-то сделать в этом городе, чтобы оставить что-то от себя. Далее будет показано, что классический городской патриот – герой, способный пожертвовать собой ради своего города. В современных условиях героизм заключается в принятии городского пространства как своего, реализованного в практике изменения города, волонтерстве и пр.

В качестве примера со сформировавшимся городским патриотизмом, имеющим положительный, сложившийся имидж и бренд, рассмотрим такой известный российский город, как Санкт-Петербург. Кажется, что северную столицу России любят все или хотя бы побывать, если такой возможности не предоставлялось. Но откуда возникло такое отношение к этому городу? Разве дело только в архитектуре? Разве дело только в истории? Уверены, что не только в этом; хотя, конечно, и архитектура, и богатство искусства, представленного в музеях Санкт-Петербурга, – все это важно. Однако самих питерцев характеризует острое, почти болезненное восприятие своего города – города, который нужно охранять. И в этом случае городской патриотизм можно назвать ярко выраженным городским знанием; любовь к городу заключается в боязни потерять городскую «ткань». Именно поэтому жите-

ли защищают свой город. Идентичность питерцев заключается в том, что они – жители великого города. Это символизм патриотизма, который, кстати говоря, прекрасно вписан в историю страны. Это положительный пример того, из чего складывается технология формирования, кирпичики патриотизма. Возможно, неслучайно именно в Санкт-Петербурге недавно вышла книга, посвященная обсуждаемому феномену [3].

Снова обратимся к Екатеринбургу и проанализируем место Екатеринбурга в рейтинге российских городов. Индекс качества городской среды – инструмент для оценки её качества и условий формирования. Индекс формируется Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ. Результаты формирования индекса используются при реализации положений Указа Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», национального проекта «Жилье и городская среда», в том числе для определения размера субсидии из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на поддержку государственных программ субъектов Российской Федерации и муниципальных программ формирования современной городской среды. Цели на 2030 год для на-

Таблица 1 – Результаты опроса ВЦИОМ «Что, по-Вашему, значит быть патриотом?» (закрытый вопрос, до 3-х ответов, % от всех опрошенных)

Варианты ответа	2000	2005	2006	2008	2010	2014	2018	2020
Любить свою страну	59	67	69	65	71	72	59	47
Работать и действовать во благо/для процветания страны	35	32	29	34	26	36	38	44
Стремиться к изменению положения дел в стране для того, чтобы обеспечить ей достойное будущее	24	30	29	36	26	34	39	34
Защищать свою страну от любых нападков и обвинений	25	27	27	26	27	33	29	32
Говорить о своей стране правду, какой бы горькой она ни была	12	18	17	17	18	16	19	29
Считать, что твоя страна – лучше, чем другие страны	17	16	13	16	19	24	12	8
Считать, что у твоей страны нет недостатков	4	4	5	3	5	6	3	2
Другое	3	1	1	1	1	1	3	5
Затрудняюсь ответить	9	3	4	1	2	2	2	3

шей страны поставлены четко: в 1,5 раза повысить среднее значение индекса и до 80% увеличить долю городов с благоприятной городской средой. Среди городов Российской Федерации столица Среднего Урала занимает высокое место по качеству городской среды, она признана благоприятной [4].

Данный показатель рассчитывается по группам. В группе так называемых крупнейших городов, в основном миллионников, максимально можно набрать 360 баллов. Екатеринбург (со 194 баллами) находится далеко не на первом месте – лишь на шестом среди крупнейших городов России (табл. 2). А почему город находится на шестом месте? Ответа прямого нет, хотя в Екатеринбурге работа по теме городского патриотизма началась очень давно – еще в 2003 году. Именно тогда команда муниципалитета под руководством Аркадия Чернецкого задумалась над этой проблемой, и организационной рамкой ее решения стала Стратегическая программа «Я – гражданин Екатеринбурга. Городской патриотизм».

Конечно, Екатеринбург – это очень важный город, по мнению людей. Многие люди славят его, они не уезжают отсюда. Деятели культуры со всемирной известностью предпочитают жить и работать здесь – Николай Коляда, Татьяна Баганова, Олег Богаев, Ярослава Пулинович, Ирина Васьковская, Алексей Федорченко, Сергей Айнутдинов, Дмитрий Лисс, Владимир Шахрин и др. Они городские патриоты? Эти люди – просто полюбили Екатеринбург, благодаря тому, что остались здесь и сформировали его, или это те люди, которые были вскормлены городом и теперь хотят отдать ему долг? На самом деле вопрос не тривиальный еще в том, что инвестиции в город, возвращение технологий, повышение градуса городского патриотизма, технологии,

с помощью которых люди остаются в Екатеринбурге и продолжают его славить, – всё это имеет какой коэффициент полезного действия? Действительно, когда могут окупиться инвестиции в людей для города, сколько лет должно пройти? Десятки лет? По сегодняшним меркам это таковой временной горизонт, постоянно инвестировать в течение которого невозможно.

Вернёмся к словосочетанию «городской патриотизм». На самом деле вместо него можно смело говорить о лояльности к городу, благосклонности к нему, его привлекательности, общности и гордости, которые возникают как феномены у его жителей. Все это влияет на качество жизни этого города.

Историко-политический аспект городского патриотизма

Город и патриотизм связаны теснейшим образом с момента появления и того, и другого. Во всяком случае, в европейской культуре. Будем говорить о культуре европейской хотя бы потому, что слово «патриотизм» происходит от лат. *patria* «родина». Собственно говоря, классическое определение патриотизма было также сформулировано на латинском языке Горацием в его одах и звучит так:

«Dulce et decorum est pro patria mori»

[«Сладостно и красиво умереть за родину». — лат.; Гораций, Оды III, 2, 13]. Патриотизм, город и смерть были неразрывно связаны не только у Горация, который на самом деле свою оду, посвящённую патриотизму, писал по мотивам вполне конкретного произведения – надгробной речи Перикла из книги Фукидида «История Пелопоннесской войны».

В самом начале Пелопоннесской войны (431–404 до н. э.;

Таблица 2 – Рейтинг крупнейших российских городов по индексу качества городской среды (2020 год)

Место	Город	Индекс
1	Москва	288
2	Санкт-Петербург	249
3	Казань	204
4	Нижний Новгород	201
5	Ростов-на-Дону	200
6	Екатеринбург	194
7	Уфа	189
8	Красноярск	181
9	Пермь	179
10	Воронеж	176
11	Челябинск	170
12	Самара	168
13	Новосибирск	166
14	Волгоград	159
15	Омск	113

войну Афины, как известно, проиграли), когда хоронили первых погибших на этой войне, глава Афин Перикл выступил с надгробной речью. В центре речи Перикла стоит город (др.-греч. πόλις, лат. *civitas*). Собственно, город и был той изначальной государственной единицей, вокруг которой в европейской традиции формируется и понятие «государство», и понятие «патриотизм». Кто такой патриот для Перикла? Это человек, которому [пред]стоит погибнуть за родной город, потому что неудачная война лишит его родины. То есть, основная идея – это неразрывная, теснейшая связь между гражданином и его городом. Античные города, как хорошо известно, были маленькими. Афины в Древней Греции считались гигантским городом: там в V веке жило примерно 40 тысяч человек, из которых граждан было от силы четверть. Гражданин – это взрослый совершеннолетний мужчина, это хозяин и воин. Это тот, кто в своём городе владеет собственностью, тот, кто этот город защищает. Поэтому для философа Демокрита было само собой очевидно, что «хоро-

шо управляемый город есть величайший оплот; в нём всё заключается, и пока он сохраняется, всё цело, а погибает он, [с ним вместе] и всё гибнет».

В Древних Афинах были люди, которые отвечали за безопасность города. Однако граждане полиса полицейскими не были – полицейских в Афинах покупали. Известно из различных источников, что в конце V века до н. э. впервые было куплено 300 скифских рабов для охраны общественного порядка. Гражданами они не были по определению, у них не было и быть не могло личной заинтересованности в будущем города, как и гордости за прошлое города. Они были даже не нанятые, а купленные сотрудники городской администрации. Поэтому, собственно говоря, полис, политика и патриотизм неразрывно связаны с момента своего возникновения.

Через полвека философ Аристотель в своем труде «Политика» (который, заметим, лежит в основе всей западной политической мысли) рассуждает о том, что такое гражданство. Его основной вывод: гражданина определяет не место. Гражданин является таковым не потому, что он живёт в том или ином городе. Гражданина определяет не происхождение, хотя оно, конечно, важно. В Афинах гражданином считался тот, кто родился от гражданина и гражданки. Но гражданство может быть даровано.

Лучше всего понятие гражданства может быть определено через участие во власти. Гражданин – это тот, кто голосует в народном собрании, и гражданин – это тот, кто заседает в суде. Таким образом, городской патриотизм – это неразрывное единство политики и участия во власти, готовности погибнуть за родной город (это обратная сторона гражданства, потому что каждый гражданин – воин) и любви к родному городу, которые рассматриваются как со-

вершенно естественные и неразрывно связанные.

Что изменилось в Новое время? На место вполне конкретного полиса, в котором все граждане были если не знакомы друг с другом, то, как минимум, постоянно толкаясь то на рынке, то на агоре, знали друг друга в лицо (и всегда могли счесться родством), пришли *воображаемые сообщества*. Этот термин ввёл Б. Андерсон, описывая процесс национального строительства, который в Европе происходит одновременно с появлением государства (сер. XVII в.) и одновременно с формированием современных наций. Воображаемое сообщество характеризуется тем, что подавляющее большинство его участников никогда лично не общались друг с другом, что не мешает им знать о существовании друг друга и о том, что они разделяют общие ценности и представления о мире. Например, нация. Никто не может быть знаком со всеми членами своей нации при всём желании. Андерсон пишет: «Нация является воображённой, поскольку члены даже самой маленькой нации никогда не будут

знать большинства своих собратьев по нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живёт образ их общности».

Тогда зададимся вопросом, откуда люди узнают, что они, кроме семьи и трудового коллектива, ещё и члены нации? Нации отличает друг от друга прежде всего язык, который преподают в школе и на котором говорят СМИ. А еще – национальная история и культура, которые, как и язык, воспринимаются как принадлежащие всем. Именно язык, история и культура делают разбросанных в пространстве и никогда не встречавшихся людей нацией. Иными словами, нации и национализм – результат развития средств коммуникации и школы как социального института. Мы читаем газеты и смотрим телевизор – и знаем, что у нас общая судьба, что у нас есть общие интересы. У нас формируется горизонтальное воображаемое сообщество.

Если применить данную модель к современному городу, станет ясно, что он также является классическим вообража-

Рис. 1. «Перикл произносит надгробную речь». Филипп фон Фольц (1852). «Пусть вашим взорам повседневно предстает мощь и краса нашего города и его достижения и успехи, и вы станете его восторженными почитателями. И, радуясь величию нашего города, не забывайте, что его создали доблестные, вдохновленные чувством чести люди, которые знали, что такое долг, и выполняли его... Ведь людям несчастным, влачащим жалкое существование, без надежды на лучшее будущее, нет основания рисковать жизнью, но тем подобает жертвовать жизнью за родину, кому в жизни грозит перемена к худшему, для кого неудачная война может стать роковой.»

Город – воображаемое сообщество. Нас окружают незнакомые люди, но все мы – горожане

емым сообществом. Екатеринбург не классические Афины, никто не в состоянии знать около полутора миллиона человек в лицо. Мы привыкли жить в окружении незнакомых людей, но при этом все мы – горожане и екатеринбуржцы.

Получается, что Екатеринбург существует сразу в нескольких измерениях. У нас есть Екатеринбург «из камня и известки». Вот он стоит, построен, занимает конкретное место в пространстве. А ещё у нас есть воображаемый Екатеринбург – тот набор символов, тот набор образов, то представление о прошлом, настоящем и будущем, которое присутствует у горожан. Этот самый воображаемый Екатеринбург и есть сфера городского патриотизма. Без этой символической составляющей у нас действительно останутся только камни и известка, к которым привязаться довольно трудно.

Каким образом себя выражает эта принадлежность к воображаемому сообществу? Тут мы сталкиваемся с проблемой, потому что хорошо было быть маленьким греческим полисом, где все друг друга знают, где это единство выражено наглядно. Однако, самоуправление на древнегреческий манер сейчас вряд ли удастся внедрить. Горожане всё-таки предпочитают нормальную упорядоченную администрацию. Но если решения принимает она, если право на город – её, то где тут место для городского патриотизма? Продолжают ли люди чувствовать себя в этих условиях сообществом? С полисом всё ясно: не пошёл воевать, пришли враги,

захватили полис – и всё! Вместе с падением полиса кончилась и собственная жизнь. Гражданин перестал быть человеком, он стал рабом. Здесь не так. Где место городскому патриотизму в правильно управляемом современном городе?

Когда мы говорим о городском патриотизме, мы оказываемся среди вопросов, над которыми европейская политическая мысль бьётся со времён Платона с Аристотелем. «Как организовать разумно общегородское?» – задавался вопросом Аристотель. Как определить, в чём состоит общее благо? Как осуществлять совместную деятельность? Городской патриотизм формируется только в процессе совместной деятельности. Через неё, через совместную жизнь мы приобретаем эту характеристику – «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам». И, наконец, это уже проблема новоевропейская: как научиться принадлежать сразу к нескольким воображаемым сообществам так, чтобы между ними не возникало противоречий. Все это – проблемы не только теоретические, но и практические. И решаются они через вовлечение граждан в реализацию городских инициатив.

В Екатеринбурге с развитием городского патриотизма и городского активизма всё обстоит очень неплохо – можно сказать, что на мировом уровне. Екатеринбург – как воображаемое сообщество – безусловно, существует, в том числе благодаря многообразию городских инициатив, служащему залогом того, что сообщество будет развиваться дальше.

Городской патриотизм и экономика

Исследователи выделяют феномен «экономического патриотизма» [5]. С нашей точки зрения, городской патриотизм в контексте экономического понятия следует рассматривать прежде всего с точки зрения выгод и издержек, эффектов и эффективности. Поэтому необходимо определить, какие выгоды может приносить патриотизм обществу (в том числе локальному городскому сообществу) и какие издержки обусловлены формированием патриотизма. Термин «экономический патриотизм» связан с такими понятиями, как экономическая психология и поведенческая экономика. Экономическая психология – это установки, стереотипы экономического мышления индивидов и различных социальных групп, так или иначе оказывающие влияние на восприятие ими экономической действительности и экономическое поведение [6]. Поведенческая экономика также рассматривает влияние когнитивных и эмоциональных факторов на принятие экономических решений различными субъектами, а также последствия этого для экономики [7].

Возникает вопрос: выгоды и издержки – для кого, для каких субъектов? В научной литературе ведутся дискуссии о выгодах патриотизма для общества в целом, для определенных групп и для отдельного человека. Издержки также могут накладываться на различные субъекты.

Говоря о патриотизме в увязке с экономикой, мы предполагаем, что патриотически настроенные люди принимают более выгодное решение для отдельных сообществ и государства в целом. Это может выражаться в выборе определенных товаров или услуг (например, «Покупай отечественное!»), в поддержке определенных про-

ектов, в инвестиционном или миграционном поведении и т. п. Экономический патриотизм нации может проявляться, например, в том, что уехавшие из страны люди, проживая в других странах, продолжают поддерживать родную страну, инвестируют в нее. В этом же контексте можно рассматривать поведенческие стратегии известных людей («гениев места»), которые уехали из родных мест, но продолжают поддерживать их экономическое, культурное и социальное развитие.

В. Vollaп сравнил результаты исследования обзора мировых ценностей [8] (*World Values Survey*) со средними темпами экономического роста для 55 стран (по данным Всемирного банка) и выявил положительную корреляцию между патриотизмом и экономическим ростом [9].

Со стороны органов власти различных уровней могут предприниматься попытки своего рода спекуляции чувствами граждан, призывая быть патриотичными и платить налоги, покупать отечественные товары. На национальном уровне экономический патриотизм чаще всего рассматривается как протекционизм, оправдывая поли-

«Поглаживая» демонстративный патриотизм, власть развивает в обществе цинизм

тику защиты собственных товаропроизводителей и товаров или политику определенных санкций [10].

Однако на патриотизме можно успешно спекулировать и на уровне регионов и городов. Так, J. Brash в своей статье описывает попытки администрации мэра Нью-Йорка М.Блумберга использовать концепцию городского патриотизма для формирования поддержки проектов по развитию Вест-Сайда Манхэттена, обвиняя своих противников как недостаточных патриотов города. В этих дебатах на карту была поставлена не только политика городского развития, но и жизненные ценности населения. Городская идентичность, которую поддерживали администрация и ее союзники, продвигала город как место для амбициозных, инновационных, космополитичных и конкурентоспособных людей и приводила к формированию новой глобализованной корпоративной элиты, что не совпадало с

жизненными ценностями большинства жителей Нью-Йорка [11].

Если говорить о выгодах патриотизма для конкретного человека, то необходимо различать настоящих патриотов и тех, кто использует патриотизм как элемент жизненной стратегии, понимая, что патриотом быть выгодно и что, соблюдая какие-то правила игры, можно получить определенные бонусы на политической или экономической арене. Истинные патриоты зачастую не очень удобны для общества и для государства, потому что их видение патриотизма заключается не только в пассивной любви к Родине, но и понимании всех проблем, недостатков и активной жизненной позиции по их устранению. Они борются за сохранение исторического наследия городов, выступают против различных проектов, наносящих ущерб (например, экологический) тому или иному месту, вступая в противоречие с инвестиционными компаниями, с органами власти различных уровней.

Для формирования городского патриотизма важно, чтобы он базировался на городской идентичности, социальном доверии и социальном капитале. Простой пример: лояльность к местным товарам или услугам должна не просто декларироваться через акции типа «Покупай местное!», а формироваться через инструменты поддержки местных товаропроизводителей, систему оценки качества товаров и услуг, систему отбора наиболее качественных товаров.

Издержки патриотизма можно также рассматривать в двух аспектах. Во-первых, это прямые государственные издержки

Рис. 2. В Челябинске запустили движение в поддержку российских производителей. Челябинские промышленники запустили движение под названием «Россия, покупай отечественное!», целью которого является поддержка отечественных производителей. Участники проекта уверены, что спасти российскую экономику может спрос, который направлен на внутреннее потребление, а не субсидии или дотации из бюджета.

на программы и проекты по формированию патриотизма, в том числе и молодежной политики. Однако нужно принимать во внимание и косвенные издержки: потери от принятия экономических решений гражданами или их группами, если они не являются патриотами; потери от утечки мозгов и эмиграции в целом, от вывоза капитала, от покупки товаров и услуг зарубежных компаний и т. п.

Необходимо отметить, что население достаточно чувствительно реагирует на сигналы государства. Если власть декларирует необходимость патриотизма, но при этом отсутствуют механизмы, обеспечивающие реализацию начинаний истинного патриотизма (а зачастую такие проявления даже наказываются), и только формируются инструменты «поглаживания» проявлений демонстративного патриотизма, то в обществе постепенно развивается позиция цинизма и социального недоверия.

Феодализм городского патриотизма

Сегодняшняя культура, оперирующая множеством понятий, и реальная средневековая культура, возникшая в европейском сознании в

XII–XIV вв., имеют, как это парадоксально бы ни звучало, много общего. Структурно – то, в чем живет современное общество, можно сравнить с вполне феодальной реальностью. Причем и в то, и в сегодняшнее время имел и имеет место быть «паблик-арт». Мы не будем заострять внимания на истории возникновения этого понятия. Нам прежде всего любопытно сравнить фигуру художника, которого можно назвать «художником паблик-арта» тогда и сейчас. В научной литературе мало осмыслена проблема связи визуально воспринимаемых символов (ландшафт) со знаками и другими элементами («неландшафтный текст»), включаемыми в семиотический механизм формирования городского патриотизма, а также влияние знаков и символов города на сознание жителей, роль архитектурных символов, планировки города, праздников, музеев, краеведения в консолидации горожан и восприятию ими городского пространства [12]

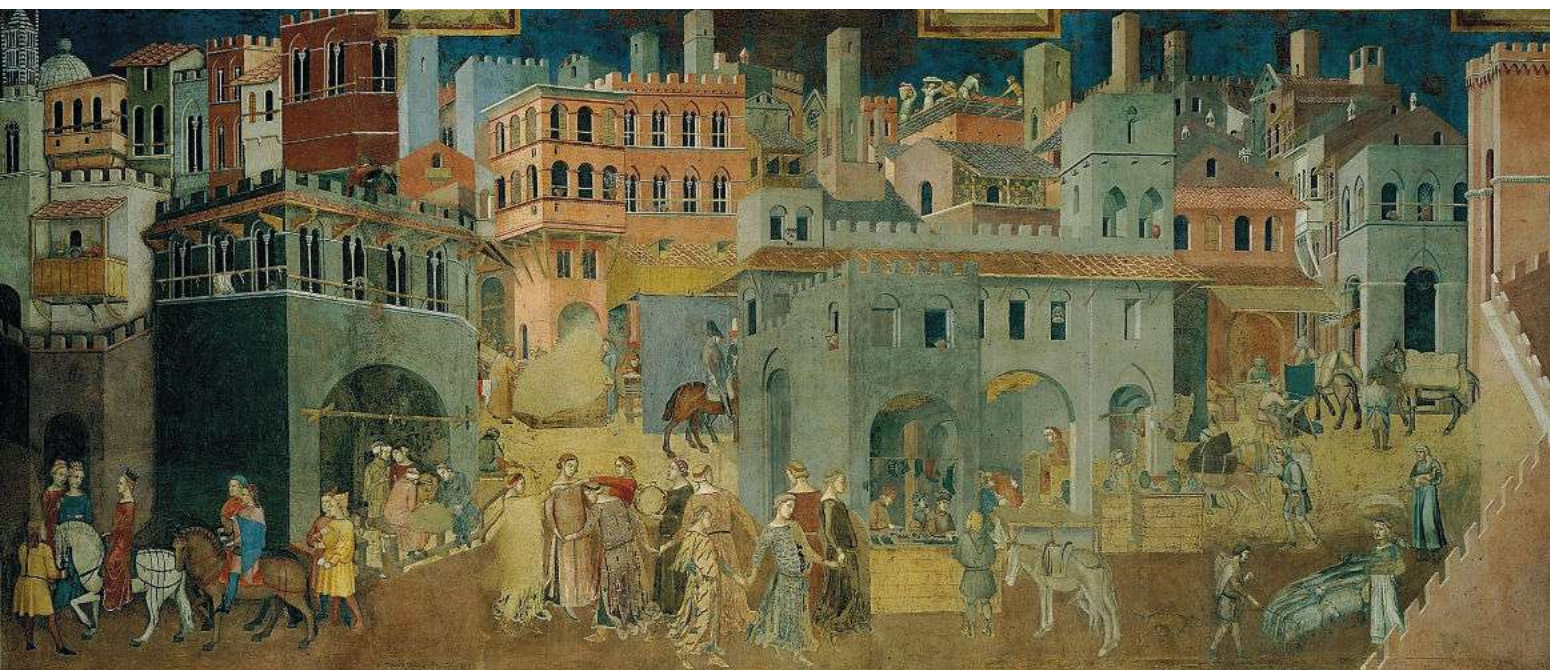
По большому счету, любой художник в эпоху феодализма – это художник паблик-арта в том смысле, что посыл искусства (в тех условиях абсолютно религиозного) – это посыл религи-

озной идеологии, направленный на паству, на верующих, на неопределенную количественную аудиторию, но у которой есть определенные точки в пространстве, где такой посыл возможен для его воплощения, визуализации. В те времена весьма распространенным явлением была невысокая грамотность, отсутствие читающих людей. Вместо этого люди просто смотрели, наблюдали; поэтому роль визуальности была уже чрезвычайно высока. Все техники и технологии визуализации используются для того, чтобы воплотить некие сакральные, религиозные тексты, библейские и евангельские мифы, жития святых – все, что сопровождает религиозного человека. Поэтому фигура художника – совершенно особенная, художник – это медиатор, медиум, через которого проговаривается божественный текст. Это и есть предмет паблик-арта (рис. 3).

Сегодняшний же художник не атеист, он не связан ни с богом, ни с церковью никакими особыми обязательствами, даже в каком-то смысле с властью не связан, со светской властью. Возникает вопрос: где в феодальной истории место городского патриотизма? Ведь

Рис. 3. Амброджо Лоренцетти. «Плоды доброго правления». Фреска. 1337–1339 гг. Сиена, Палаццо Публико.

Автор вложил в произведение представления о счастливой мирной жизни: жизнь в городе бьет ключом – идет строительство, торгуют лавочки, люди развлекают себя играми, а в центре сцены беспечные, модно одетые девицы водят хоровод.

ранее нами было показано, что патриотизм возник задолго до этой эпохи.

Городской патриотизм в том контексте – это нечто в общем противоположное феодальному устройству, прежде всего связанному с землей, с земельным наделом, который передается вместе с вассалитетом. Но сеньор при этом не теряет контроля на территории, и, собственно говоря, эти вассальные права передаются до того момента, пока вассал не прекратит служить сеньору.

Отношения и с вассалами, и с церковной властью, и с зарождающимся классом горожан, который представляет мастерское и торговое сословие (в т. ч. художническое) – это та среда, в которой начинает зарождаться то, что можно назвать впоследствии городским патриотизмом; то, что мы сейчас обозначаем как городские сообщества, причем необязательно профессиональные, каковым это было в обязательном порядке в Средневековье. Сегодня это скорее соседские сообщества, территориальные сообщества, может быть, какие-то сообщества по интересам и так далее. Это те, кто может генерировать городской патриотизм, если воспользоваться все-таки термином «патриотизм». В этом смысле городской патриотизм находится все время против течения и в те, и в сегодняшние времена. Он связан с инициативой и с той деятельностью, которую может осуществлять локальное сообщество, в том числе по посланию неких «горизонтальных» сообщений, воплощающих какие-то важные для людей, живущих здесь, ценности. Насколько это является художественной функцией – большой вопрос. Средневековое общество – абсолютно феодальное общество с иерархически подчиненными отношениями – в итоге перед богом. То общество было с эсхатологической перспективой: ко-

Рис. 4. Покрас Лампас. Супрематический крест на площади Первой Пятилетки. 2019 г. Екатеринбург. Образец современного публич-арта. Площадь – 6686 кв. м. В крест была вписана цитата художника Казимира Малевича «Я развязал узлы мудрости и освободил сознание краски. Я преодолел невозможное и пропасти сделал своим дыханием. Мы, супрематисты, – бросаем вам дорогу». Работа вызвала неоднозначную реакцию среди населения, что повлекло реконструкцию креста. На новом изображении автором был «замаскирован» другой лозунг – «Товарищ, помни: Цензура не должна влиять на искусство», который долгое время оставался незамеченным. В настоящее время работа почти не сохранилась.

нец света настанет, и придется предстать, и за каждое деяние ответить. В этом смысле любой гражданин тогда – это нравственный человек, носитель нравственного сознания.

У современного человека нет эсхатологических перспектив, он ничего не боится. Все трещит, рушится, пандемия, но у людей сегодня нет ощущения конца света. Мифологией живут, сейчас – сильнее, чем тогда, именно потому, что нет носителя нравственных критериев.

Заключение

Городской патриотизм рассмотрен как часть конкурентоспособности территории. Чем больше приверженцев города, чем более лояльны жители и гости к городу, тем, конечно, более высокий человеческий капитал город себе обеспечивает, это влияет на более высокий уро-

вень жизни и качество жизни населения и, безусловно, в целом характеризует привлекательность города.

Рассуждая о городском патриотизме в Екатеринбурге, можно сказать, что это естественно связано с идентичностью, но в некоторых странах мира идентичность определяется как раз как городская, на втором месте – некая региональная, а только на третьем месте – национальная. Например, флорентиец или тосканец, а только после этого итальянец. А как мы про себя говорим? Екатеринбургец или уралец, россиянин или россиянка, уралочка или екатеринбурженка. Что для нас главное? Как человек себя определяет? Это, конечно, очень важная точка отсчета, и это одно из тех оснований, на которых можно строить работу по измерению и формированию городского патриотизма.

Патриотизм – социальный феномен, имеющий разные «этажи» изучения и воздействия – национальный, региональный, городской, местный.

Пока в этой иерархии нет глобального патриотизма: «Мы – патриоты планеты Земля». Но освоение новых мест обитания человека во Вселенной идет ак-

тивно, поэтому появление патриотов Луны, Марса, Венеры и Земли – наше будущее. ■

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

- [1] Патриотизм сегодня: не только любить, но и работать! // ВЦИОМ Новости. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-segodnya-ne-tolko-lyubit-no-i-rabotat> (дата обращения: 11.11.2021).
- [2] Валов Р.Ю., Долженко Р.А. (2021). Интервью с главой администрации городского округа Сухой Лог // Муниципалитет: экономика и управление. № 1 (34). С. 5–12. URL: <https://municipality.expert/issue/2021/01/01> (дата обращения: 11.11.2021). DOI: 10.22394/2304-3385-2021-1-5-12.
- [3] Кром М. (2020). ПАТРИОТИЗМ или Дым отечества. СПб.
- [4] Индекс качества городской среды – инструмент для оценки качества материальной городской среды и условий её формирования // Индекс качества городской среды. URL: <https://xn----dtbcccdtsypabxk.xn--p1ai/> (дата обращения: 11.11.2021).
- [5] Орнина Л.В. (2015). Феномен экономического патриотизма учащейся молодежи в социокультурных условиях современной России // Новая наука: Современное состояние и пути развития. № 4-2. С. 79–81.
- [6] Della Vigna S. (2009). Psychology and economics: Evidence from the field, *Journal of Economic literature*, vol. 47, iss. 2, pp. 315–372.
- [7] Cartwright E. (2018). *Behavioral Economics*. Routledge.
- [8] World Values Survey Wave 7 (2017–2020). URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp> (accessed 11.11.2021).
- [9] Vollan B. The Economics of Patriotism. URL: <https://behavioraldevelopmentblog.wordpress.com/2017/07/16/the-economics-of-patriotism/> (accessed 11.11.2021).
- [10] Clift B. (2013). Economic patriotism, the clash of capitalisms, and state aid in the European Union, *Journal of Industry, Competition and Trade*, vol. 13, iss. 1, pp. 101–117.
- [11] Härtel H.H. (2006). The threat of economic patriotism, *Intereconomics*, vol. 41, iss. 2, pp. 58–59.
- [12] Brash J. (2006). Re-scaling patriotism: Competition and urban identity in Michael Bloomberg's New York, *Urban Anthropology and Studies of Cultural Systems and World Economic Development*. Pp. 387–432.
- [13] Капицын В.М. (2014). Семиозис городского патриотизма: опыт осмысления теории и практики // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. № 3 (44). С. 20–34.

URBAN PATRIOTISM AS AN OBJECT OF MODERN INTERDISCIPLINARY RESEARCH

ABSTRACT:

The concept of patriotism is relevant both for urban socio-cultural design practice and for scientific research. The purpose of the given research is to describe the aspects, key for social sciences and humanities, of the interdisciplinary analysis of the “urban patriotism” phenomenon in the framework of economics, sociology, cultural studies and political science.

The authors used theoretical methods (synthesis and analysis, comparative, historicism, etc.) and analyzed empirical data (public opinion polls, “Urban Environment Quality Index” data, etc.).

Urban patriotism is considered as a kind of local patriotism, where the object of positive emotions (pride) and behavior (care, civic participation, solidarity, etc.) is the territory, the city in this case. The sociological optics of exploring urban patriotism implies emphasizing social differentiation of city dwellers in relation to their place of residence or to the place of the perspective moving. Urban patriotism as a feeling of affection, pride in one's city, a desire to serve it, is an important factor of increasing the human capital of a territory, the foundations of its competitiveness.

AUTHORS' INFORMATION:

Natal'ya Yu. Vlasova

Ural State University of Economics
(62/45, 8 Marta/Narodnoy Voli St., Ekaterinburg, 620144, Russia)

✉ vnj@usue.ru

Larisa E. Petrova

Ekaterinburg Academy of Contemporary Art (3, Kultury St., Ekaterinburg, 620012, Russia)

✉ petrova@eaca.ru

Leonid Yu. Salmin

Ural State University of Architecture and Art (23, K. Liebknecht St., Ekaterinburg, 620075, Russia)

✉ leosalmin@mail.ru

Anna D. Trakhtenberg

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (16, S. Kovalevskaya St., Ekaterinburg, 620990, Russia)

✉ cskiit@yandex.ru

Inna A. Akhyamova

Ekaterinburg Academy of Contemporary Art (3, Kultyury St., Ekaterinburg, 620012, Russia);

✉ innaah@yandex.ru

KEYWORDS:

territorial development, local identity, patriotism.

FOR CITATION:

Vlasova N.Yu., Petrova L.E., Salmin L.Yu., Trakhtenberg A.D., Akhyamova I.A. (2021). Urban patriotism as an object of modern interdisciplinary research, *Municipality: Economics and Management*, no. 4, pp. 6–16.

Through the example of Ekaterinburg, the institutional picture of the urban patriotism formation and strengthening is described, beginning with the “I am a citizen of Ekaterinburg” strategic project, aiming at active civic position and sense of patriotism development among the city residents. From the historical and political positions, the city and patriotism have been linked in European culture since the emergence of this type of settlement. It was the city that originally was the point around which the concept of “state” was formed.

The economic aspect of considering urban patriotism is the emphasis on the benefits and costs that residents’ and visitors’ loyalty can bring, characterizing the effects of love for the city. Patriotically minded people make decisions to purchase goods and services that are more beneficial for a given territory. It is important that management practices aimed at supporting local producers are not speculative but well positioned. However, there are also examples of “successful speculation” on patriotic feelings (Mayor M. Bloomberg’s New York administration actions to develop West Side of Manhattan). The culturological aspect of researching the phenomenon of urban patriotism implies analyzing the formation and perception of cultural products as related to the land itself, vassal (as in feudalism epoch) and, in contrast, horizontal connections, values.

The interdisciplinary approach to exploring urban patriotism is justified, of with significant aspects of the description by economists, culturologists, political scientists and sociologists highlighted in its framework.

REFERENCES:

- [1] Patriotism today: not only to love, but also work! VTsIOM News. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheski-obzor/patriotizm-segodnya-ne-tolko-lyubit-no-i-rabotat> (accessed 11.11.2021).
- [2] Valov R.Yu., Dolzhenko R.A. (2021). Interview with the Head of the Sukhoi Log Municipal District Administration, *Municipality: Economics and Management*, no. 1 (34), pp. 5–12. URL: <https://municipality.expert/issue/2021/01/01> (accessed 11.11.2021). DOI: 10.22394/2304-3385-2021-1-5-12.
- [3] Krom M. (2020). Patriotism, or Smoke of the fatherland. St. Petersburg.
- [4] The quality index of the urban environment is a tool for assessing the quality of the material urban environment and its conditions of formation. The quality index of the urban environment. URL: <https://xn----dtbcccctsyapbxk.xn--p1ai/> (accessed 11.11.2021).
- [5] Orinina L.V. (2015). The phenomenon of economic patriotism of students of young people in sociocultural conditions of modern Russia, *New Science: Current state and development paths*, no. 4-2, pp. 79–81.
- [6] Della Vigna S. (2009). Psychology and economics: Evidence from the field, *Journal of Economic literature*, vol. 47, iss. 2, pp. 315–372.
- [7] Cartwright E. (2018). *Behavioral Economics*. Routledge.
- [8] World Values Survey Wave 7 (2017–2020). URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp> (accessed 11.11.2021).
- [9] Vollan B. The Economics of Patriotism. URL: <https://behavioraldevelopmentblog.wordpress.com/2017/07/16/the-economics-of-patriotism/> (accessed 11.11.2021).
- [10] Clift B. (2013). Economic patriotism, the clash of capitalisms, and state aid in the European Union, *Journal of Industry, Competition and Trade*, vol. 13, iss. 1, pp. 101–117.
- [11] Härtel H.H. (2006). The threat of economic patriotism, *Intereconomics*, vol. 41, iss. 2, pp. 58–59.
- [12] Brash J. (2006). Re-scaling patriotism: Competition and urban identity in Michael Bloomberg’s New York, *Urban Anthropology and Studies of Cultural Systems and World Economic Development*. Pp. 387–432.
- [13] Kapitsyn V.M. (2014). Semiosis of urban patriotism: an experience of comprehending theory and practice, *Bulletin of the Ryazan State University named after S. A. Yesenin*, no. 3 (44), pp. 20–34.

АРТ-КОЛЛАБОРАЦИЯ: ЭФФЕКТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ ГОРОДСКОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

АННОТАЦИЯ:

Формирование конструктивного городского патриотизма является условием и следствием успешного позиционирования территории не только на всероссийском, но и международном уровне. Истинный патриотизм воспитывается в человеке посредством приобщения к культурным ценностям, хранить и распространять которые, в первую очередь, призваны учреждения культуры, формирующие в совокупности единое городское культурное пространство. Конкурентная среда, в которой развиваются города, требует не только сохранения культурного наследия, но и насыщения досуговой жизни интересными, оригинальными культурными событиями, эффективным инструментом реализации которого является арт-коллорация. Задачей исследования является раскрытие возможностей арт-коллорации в создании новых культурных продуктов, которые помогут сделать городское пространство более креативным и конкурентоспособным и развить у жителей региона местный патриотизм, которые позволят решить многие муниципальные социально-экономические проблемы.

В статье рассматриваются понятия «патриотизм», «арт-коллорация», «городское культурное пространство», приводятся современные методы классификации арт-коллораций, анализируется екатеринбургский опыт их создания, особенности применения в целях развития городского культурного пространства, моделируются возможные проблемы их реализации. Выявлены и проанализированы две формулы взаимодействия партнеров в создании продуктов культуры: «искусство и искусство» (например, открытие художественной галереи «Эгида» в Свердловской Филармонии), и «искусство и бизнес» (совместные проекты телекоммуникационной компании «Теле2» и «Екатеринбургского музея изобразительных искусств»).

В статье используются результаты актуальных научных исследований, теоретические методы исследования: классификация, моделирование, анализ, синтез, обобщение, сравнение.

Результаты проведенного исследования показывают, что применение арт-коллораций на данный момент является перспективным вектором развития городского культурного пространства, в создании которого авторы принимают активное участие и планируют продолжить данное исследование в плане изучения возможных организационных форм партнерства, алгоритма арт-коллорации.

Сохранить и укрепить

Конкурентоспособное позиционирование территорий является современной задачей менеджмента субъектов РФ, которая актуализировалась в связи с ограничениями на выезд граждан страны за границу в условиях пандемии и возможностью при-

влечь к себе путешественников. Кроме развитой социальной инфраструктуры, территория может привлечь к себе внимание интересными оригинальными арт-объектами и арт-событиями, создание которых требует новых подходов и форматов. Их появление решает еще одну важную задачу – формирование

и развитие городского патриотизма местных жителей.

В своем исследовании Ш. Пирогланов, Д. Сабалин и Н. Бережной назвали старшее поколение инициатором городского патриотизма, выделив при этом необходимость приобщения молодежи к этому процессу, развития ее территориальной активности

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Аликперов Игорь Мирзамович

Екатеринбургская академия современного искусства (620012, Россия, Екатеринбург, ул. Культуры, 3)

✉ aigor55@mail.ru

Мезюров Алексей Александрович

Екатеринбургская академия современного искусства (620012, Россия, Екатеринбург, ул. Культуры, 3)

✉ a.mezurov@eaca.me

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

арт-коллорация, партнерство, сотрудничество, городское культурное пространство, городской патриотизм, муниципальное учреждение культуры, культурное событие.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Аликперов И.М., Мезюров А.А. Арт-коллорация: эффективный инструмент развития городского культурного пространства // Муниципалитет: экономика и управление. 2021. № 4. С. 17–25.

Слепой патриотизм – это чувство привязанности к родине с ее беспрекословной положительной оценкой

посредством применения неких педагогических и воспитательных технологий. Авторы пришли к выводу, что сегодня особенно важно создавать все необходимые условия для «формирования городского патриотизма в молодежной среде как базовой ценности, позволяющей сохранить и украсить территорию проживания» [1].

Е. Панина, изучая социокультурный потенциал городского пространства как фактор формирования патриотического сознания у подростков и молодежи, уделяя особое внимание процессу познания историко-культурного наследия города, упоминала о том, что способствовать решению задач по формированию патриотического сознания может использование социокультурных ресурсов города: памятников истории и культуры, исторической застройки, характера городской среды, традиционных промышленных производств и ремесел, народных обычаев, духовности и самобытности [2].

Инструмент развития

Мы считаем, что успешное формирование конструктивного городского патриотизма сегодня во многом зависит от состояния городского культурного пространства, чье совершенствование нуждается в применении эффективных инструментов развития, таких как арт-коллаборации, которые, хотя и требуют преодоления различных барьеров в партнерстве, приносят новые возможности.

Целью данной статьи является рассмотрение возможно-

стей арт-коллаборации как инструмента развития городского культурного пространства в контексте формирования конструктивного городского патриотизма и успешного позиционирования территории.

Сегодня существует множество определений термина «патриотизм». Так, П. Попов, проанализировав различные дефиниции данного понятия, выделил следующие его аспекты: патриотизм 1) как сильное устойчивое чувство, 2) как социальный долг, 3) как уважение к культуре и национальным традициям, 4) как готовность к служению родине, 5) как нравственный принцип, подкрепленный сознательной гражданской позицией и находящийся на уровне устойчивого состояния личности [3].

Таким образом, объектом патриотизма может быть все, что укладывается носителем в понятие «родина»: государство, регион, область, республика, город, район и т. д. В контексте данной статьи мы преимущественно будем рассуждать о патриотизме городском (местном).

Люби или проваливай

Говоря о патриотизме, нельзя также не затронуть разновидности данного чувства.

Наиболее точную, на наш взгляд, его классификацию предложили исследователи Р. Шатц, Э. Стауб и Г. Лавин. Они выделили два основных вида патриотизма: слепой и конструктивный. К первому было отнесено чувство привязанности к родине с ее беспрекословной положительной оценкой. Ко второму – чувство любви к родине с анализом и критикой ее настоя-

щего положения и стремлением изменить его к лучшему. Если деятельность носителей конструктивного городского патриотизма направлена на сохранение каких-либо присущих конкретной местности ценностей и развитие городского пространства в целом, то поступки приверженцев слепого патриотизма влекут укоренение пагубного принципа «люби свою родину такой, какая она есть, либо оставь ее» [4].

Н. Савкин назвал две основных разновидности патриотизма, мешающих формированию подлинного: мнимый и показной [5].

Мнимый, или «фальшивый», проявляется в превознесении всего своего и в неприятии всего чужого, ненависти к нему. Носителям данной разновидности присущи невежество, недостаток осведомленности о реальных достижениях другой страны, пренебрежительное к ней отношение.

Показной, «ура-патриотизм», характеризуется стремлением носителя продемонстрировать свою «любовь к родине» и способность ее защитить, даже в тех случаях, когда на самом деле ей ничто не угрожает. Типичным является наличие общего «якобы врага» и его активное порицание. Так или иначе, подобные псевдо-патриотические проявления препятствуют развитию цивилизованного, истинного патриотизма. Поэтому сегодня особое внимание стоит уделить проблеме формирования подобного социального чувства, а именно – тому, каким образом мы можем способствовать развитию конструктивного и деятельного патриотизма среди населения и воспрепятствовать возникновению слепого, мнимого и показного.

Конструктивный городской патриотизм воспитывается в гражданине посредством постепенного приобщения к локальным культурным ценностям,

истории и достижениям региона, его жителей. Наблюдая примеры созидания, испытывая гордость за культурные достижения своих сограждан, человек начинает осознавать идентичность и ощущать негласную обязанность «сохранить и преумножить» достоинства своей родины. Стремление «внести свою лепту», как правило, возникает вследствие насмотренности человека. Именно поэтому необходимо обеспечить горожанина возможностью обогащения культурного опыта.

Основными носителями и распространителями культурных ценностей на данный момент являются различные учреждения культуры, развитие которых нуждается в новых идеях, технологиях и людях. Их совокупность формирует собой единое городское культурное пространство, которое, в свою очередь, должно безостановочно совершенствоваться, чтобы оставаться интересным и привлекательным для современного городского жителя. Интерес к территории должен стимулироваться новыми яркими креативными событиями, такими как международная акция «Ночь музеев», международный музыкальный фестиваль «Уральская ночь музыки», международная выставка современного искусства «Уральская индустриальная биеннале современного искусства» и др.

Партнерство 2+

Таким образом, благоприятствовать росту конструктивного патриотизма среди населения возможно, постоянно демонстрируя культурный потенциал города, развивая и расширяя культурное пространство. Одним из наиболее эффективных инструментов, направленных на решение данной задачи, сегодня является арт-коллаборация различных субъектов городского культурного пространства.

Музей изобразительных искусств в Екатеринбурге запустил совместный проект с оператором связи «Теле2». Каждый посетитель музея, являющийся клиентом компании, имеет возможность пройти по выставкам бесплатно. А с помощью смартфона можно построить маршрут с дополненной реальностью.

За последнее время термин «коллаборация» успел прочно закрепиться в бизнес-среде. Этому понятию можно найти и более привычные для носителя русского языка синонимы, такие как «сотрудничество», «партнерство» или «взаимодействие». Суть коллабораций заключается в совместной деятельности двух и более участников для достижения определенных целей.

Так, коллаборации используются в совместном производстве товаров или услуг в целях уменьшения рисков и нагрузки каждого партнера или разработки инновационных технологий, оригинальных продуктов, услуг и т. д. К современным примерам реализации подобного рода проектов можно отнести сотрудничество компаний *Apple* и *MasterCard*, результатом которого стало внедрение системы мобильных платежей *Apple Pay*, подарившей миру возможность бесконтактной оплаты с помощью смартфона. *MasterCard* имеет обширную клиентскую базу в США. Такое сотрудничество позволило *Apple* популяризовать

новый платежный сервис, не дожидаясь, пока другие банки и ритейлеры смогут интегрироваться с ним. *MasterCard*, в свою очередь, стала первопроходцем в предоставлении своим клиентам подобного рода услуги [6].

Также сегодня коллаборации широко применяются в маркетинговой деятельности компаний через кобрендинг, что повышает ценность создаваемых продуктов и, соответственно, их капитализацию, узнаваемость брендов среди перекрестных аудиторий и доверие как к продуктам, так и к этим компаниям.

Подобным примером стало сотрудничество музыкального сервиса *Spotify* и онлайн-коллекции текстов песен *Genius*, воплощенное в создании плейлистов, каждая музыкальная композиция которых была дополнена текстом. Изначально тексты готовились сообществом *Genius* по принципу краудсорсинга. Далее команда сотрудников компаний наложила эти тексты на звуковую дорожку. Результатом сотрудничества стало не только внедрение удобной

для меломанов услуги, но и привлечение широкой пользовательской аудитории [7].

Таким образом, коллаборационный формат проектной деятельности зарекомендовал себя как эффективный инструмент достижения общих целей, будь то создание и внедрение оригинального продукта, услуги или же расширение аудитории.

Развиваемся вместе

Арт-коллаборацией сегодня принято называть креативное партнёрство в сфере культуры и искусства с целью совместного продвижения собственных брендов. Несмотря на то, что данная концепция выглядит очень современно, наглядными примерами подобных проектов могут послужить многочисленные произведения искусства, создаваемые в соавторстве испокон веков.

Полезные качества коллабораций, описанные выше в контексте бизнеса, распространяются и на сотрудничество в сфере культуры. Сегодня формат арт-коллабораций приобретает популярность по разным причинам. Е. Дробышева и Ю. Сماعيلов предложили следующую их классификацию:

1. Экономические. Во-первых, сотрудничество участников на одной территории снижает затраты на инфраструктуру. Во-вторых, участники обеспечивают друг друга аудиторией, получают большую прибыль.

2. Социальные. Аудитория участников расширяется не только количественно, но и качественно, так как к узко заточенным потребительским группам добавляются косвенно заинтересовавшиеся зрители.

3. Ментальные. В коллективном опыте участников арт-коллабораций формируется актуальный запрос на тот или иной контент, а также осваиваются определенные приемы его производства [8].

Словом, арт-коллаборации, так или иначе способствуют взаиморазвитию их участников, что особенно важно в контексте совершенствования городского культурного пространства, ведь его равномерной модернизации, внедрению в его процессы инновационных технологий способствует опыт, приобретаемый учреждениями культуры в процессе сотрудничества.

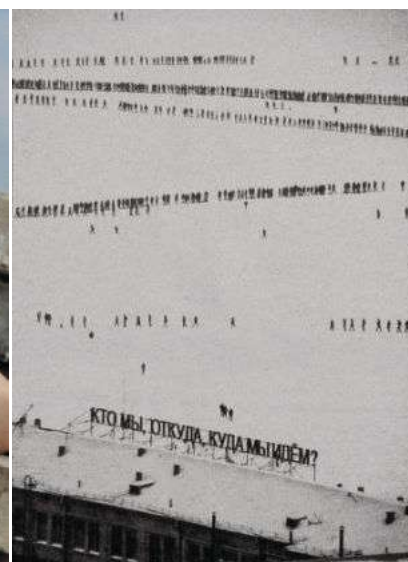
Кроме того, арт-коллаборация часто сама по себе является полноценным культурным про-

дуктом и содействует просвещению населения. А множество вариантов комбинаций участников и технологий позволяет организовать это содействие наиболее эффективным образом, добиться конкретного результата.

Для примера, представим, что горожанин спонтанно решает посетить художественный музей, и по удачному стечению обстоятельств в этот день там проходит камерный музыкальный концерт. Он видит не только картины, но и слышит музыку – значит одновременно он приобретает не только визуальный опыт, но и опыт слушателя, формируется его лояльность к музею и к выступающим музыкантам.

Е. Байков и Л. Хакимова выделили несколько обязательных условий реализации успешной коллаборации: общность целевой аудитории (клиенты должны быть заинтересованы в приобретении товаров или услуг, созданных в сотрудничестве); удовлетворение какой-либо определенной потребности людей, и не только в рекламных целях; взаимовыгодность сотрудничества для всех участников (результат должен быть позитивен, цели – достигнуты) [9].

Успешной может считаться коллаборация, результатом ко-

Уральский бренд *Urals* в коллаборации с уличным художником Тимофеем Радя и фотографом Викторией Халиуллиной выпустил футболки, на которых размещена фотография екатеринбуржцев, идущих по заснеженной Исети. Также на снимке видна знаменитая фраза, созданная в 2017 году Тимофеем Радя: «Кто мы, откуда, куда мы идём?».

торой стало: увеличение продаж, прибыли или доходов; улучшение имиджа; расширение аудитории; достижение определенных задач индивидуально для каждой организации.

На данный момент можно выделить две основные схемы сотрудничества, в соответствии с которыми теперь реализуется большинство арт-коллабораций: «бизнес и искусство», «искусство и искусство».

Бизнес зачастую рассматривает арт-коллаборации в качестве уникальной возможности выйти за рамки привычных форматов взаимодействия, достичь необходимых целей в сфере социальной ответственности или увеличить охват и количество упоминаний бренда в СМИ с помощью культурных событий, которые принесут определенные эмоции публике и позволят ассоциировать полученные эмоции с бизнесом, который помог организовать данное мероприятие. Кроме того, подобное сотрудничество может стать важной частью истории организации, а накопившийся контент – использоваться для продвижения, выполнения других приоритетных задач.

Деловой разговор

Существует множество форматов арт-коллабораций по схеме «бизнес и искусство»: лимитированные коллекции (художник разрабатывает собственный оригинальный дизайн для продукта), арт-объекты (создание брендированных произведений искусства), арт-ивенты (организация фестивалей или выставок на территории организации, с участием бренда), digital-арт (сотрудничество в социальных сетях, представление художника в качестве амбассадора бренда, специальные проекты, розыгрыши). Выбор формата зависит от целей, задач участников.

© Фото: Александр «Еж» Осипов

Ежегодно Ural Music Night (Уральская ночь музыки) превращает Екатеринбург в большую музыкальную платформу. Более 100 учреждений, расположенных в деловом центре города в шаговой доступности друг от друга, становятся бесплатными концертными площадками.

Так, например, в октябре 2021 года уральский бренд *Urals*, совместно с уличным художником Тимофеем Радя и фотографом Викторией Халиуллиной, выпустил футболки, на которых была размещена фотография людей, идущих по заснеженной Исети. Примечательно, что в кадр попал арт-объект «Кто мы? Откуда, куда мы идем?». Снимок был сделан во время несанкционированного митинга в Екатеринбурге 31 января 2021 года местным фотографом. Коллекция футболок была выпущена ограниченным тиражом [10].

Согласно муниципальной программе «Развитие культуры и искусства в муниципальном образовании „город Екатеринбург“ на 2021–2025 годы», для Екатеринбурга все еще остается актуальной проблема недостаточных темпов модернизации культурной инфраструктуры [11]. На решение этой проблемы могут быть направлены арт-коллаборации в формате сотрудничества учреждений культуры и коммерческих предприятий.

Ярким примером арт-коллаборации по схеме «бизнес и искусство» является сотрудничество международной телекоммуникационной компании «Теле-2» и «Екатеринбургского му-

зея изобразительных искусств». Данные партнерские отношения заметно усовершенствовали музей, сделали его более удобным для современного посетителя: обеспечили его бесплатными зонами Wi-Fi, возможностью удобной подзарядки смартфонов и аудио-гидами. Кроме того, каждое воскресенье абоненты данной сети могут посетить «Музей ИЗО», «Музей наивного искусства» и центр «Эрмитаж-Урал» совершенно бесплатно.

Еще одним важным результатом сотрудничества стал музейный маршрут с дополненной реальностью. Так, посетителям музея предлагается с помощью смартфона и специального приложения пройти уникальный маршрут и увидеть, как картины русских художников и Каслинский чугунный павильон «оживают и рассказывают о себе и своих создателях увлекательные истории». Всего в маршрут вошли 10 объектов экспозиции Екатеринбургского «Музея ИЗО» [12].

Описанная выше арт-коллаборация не только способствовала модернизации музея, но и сделала его посещение более доступным. Компания же, в свою очередь, заручилась лояльностью местной аудитории.

Семь нот

Следующим важным примером арт-коллаборации для Екатеринбурга является ежегодный международный музыкальный фестиваль «Уральская ночь музыки». Если рассматривать историю фестиваля до 2020 года (до начала пандемии и введения ограничительных мер), то его важнейшая особенность заключалась в том, что концерты проходили одновременно на множестве расположенных по всему центру города площадок, вход на каждую из которых был свободным. Масштабность событий может проиллюстрировать пример 2018 года, когда фестиваль прошел на 104 площадках, его посетили 2 000 музыкантов и 200 000 зрителей [13].

Площадками фестиваля становились не только площади, скверы, парки, музеи, театры, но и заведения общепита, для которых подобные мероприятия – возможность привлечения широкой аудитории, продвижения бренда, освежения имиджа компании. Всё это значительно преобразило город, стало образцом взаимодействия и коворкинга, ярким примером масштабного музыкального события.

Далее следует обратить внимание на не менее интересную формулу арт-коллаборации – «искусство и искусство». Разновидностей проектов подобно-

го формата, в силу широкого спектра художественных направлений и еще более широкого спектра их комбинаций, существует великое множество. Их следует подразделить на коллаборации в одном направлении искусства (участниками могут быть, например, представители разных жанров одного вида искусства) и коллаборации в различных направлениях искусства (участниками могут быть любые деятели искусства: художники и писатели, танцоры и музыканты и т.д.).

К первой разновидности можно отнести совместный концерт в формате музыкального пединка екатеринбургских рок-групп «Сансара VS Курара». Он состоялся в символическом месте – кинотеатре «Коллизей» – и привлек особое внимание прессы. Подобные мероприятия помогают музыкантам создавать не только новые оригинальные программы, но способствовать их продвижению: необычный формат концерта привлекает новых слушателей, а совместное выступление способствует обмену аудиториями.

Эффект визуала

Вероятно, самым привычным для зрителя форматом арт-коллабораций сегодня являются выставочные проекты. Множество учреждений культуры, не связанных

напрямую с визуальным искусством, предлагают художникам свои пространства в качестве демонстрационных площадок. Такое взаимодействие стало настолько популярным, что некоторые учреждения культуры открывают в своих стенах постоянные галереи.

Так, например, в 2001 году в «Свердловской филармонии» была открыта художественная галерея «Эгида», выставки которой размещаются в нескольких филармонических пространствах: большом фойе, малом фойе и камерном зале. Несмотря на то что меняющиеся экспозиции предназначены, прежде всего, для посетителей концертных залов филармонии, они стали заметной частью художественной жизни Екатеринбурга. Часто в галерее можно увидеть работы малоизвестных уральских художников, что можно назвать проявлением городского патриотизма.

Особое внимание необходимо уделить ежегодной международной акции «Ночь музеев», приуроченной к Международному дню музеев. Основная цель акции – продемонстрировать публике возможности и потенциал современных музеев, привлечь в музеи молодежь. Екатеринбургские музеи присоединились к акции в 2007 году. С тех пор организации ежегодно готовят для посетителей спе-

Летом 2021 года здание общежития филиала РАНХиГС в Екатеринбурге украсила работа известного художника-граффитиста Роберто Сиредца из Сардинии. Это результат арт-коллаборации вуза, итальянской компании *Technipova* и городского фестиваля «Стенограффия». Площадкой для договоренностей стал «Иннопром».

циальные программы: экскурсии, выставки, квесты, творческие занятия, лекции, мастер-классы и спектакли. Нередко эта акция становится площадкой реализации арт-коллабораций в музейных пространствах.

Так, например, программа «Ночи музеев 2021» Екатеринбургского Музея ИЗО, в дополнение к привычным экскурсиям, включала выступления сторонних творческих коллективов различных направлений. Театральная студия «Шутки в сторону» представила спектакль «Время всегда хорошее», а дуэт «Эйфория» выступил в стенах музея с музыкальной программой. В рамках той же акции программа Культурного центра «Эрмитаж-Урал» включила показ вошедшего в лонг-лист Российской Национальной театральной премии и фестиваля «Золотая маска» спектакля Инклюзивного театра-студии Ога «Цирк Принтинпрам имени Даниила Хармса» [14]. На площади перед «Эрмитаж-Урал» студенты Екатеринбургской академии современного искусства реализовали перформанс «оживших картин» по мотивам картины Казимира Малевича «Спортсмены». Эта картина была выбрана неслучайно: Екатеринбург славится коллекцией художественного авангарда из Музея изобразительных искусств, в собрание которого входят и полотна знаменитого К. Малевича. Перформанс ЕАСИ представил собой дань уважения живописному авангарду как источнику творческих экспериментов, энергии и креативности [15].

«Ночь музеев» за годы существования подтвердила свой успех среди аудитории: только в 2021 году ее посетило приблизительно 70 тыс. человек. Эта акция привлекает людей не только возможностью побывать в музее в ночное время, но и стать свидетелем партнерских проектов между организациями куль-

Арт-коллаборации развивают их участников и совершенствуют культурное пространство города

туры, творческими объединениями, деятелями искусства, любительскими студиями, художниками и т. д. Проекты подобного масштаба демонстрируют потенциал городского культурного пространства, заставляя человека гордиться достижениями своей малой родины, невольно испытывать сопричастность и желание их сохранить и преумножить.

Территориям данный формат арт-партнерства также важен, так как они получают многочисленные выгоды:

- благоустройство территории, наполнение арт-объектами;
- рост посещаемости культурных/образовательных/спортивных организаций;
- повышение качества услуг смежных отраслей, задействованных на обслуживании культурных событий (гостиничный, ресторанный, розничный бизнес);
- продвижение дестинации за ее пределами через отзывы участников мероприятий, продажу сувенирной продукции);
- развитие локального бизнеса;
- рост доходов в муниципальном бюджете;
- формирование горизонтальных связей и сообществ в области социального предпринимательства;
- повышение уровня лояльности жителей к своей территории.

Принято единогласно

Однако стоит отметить, что при взаимодействии различных учреждений и субъектов культуры возможно возникновение некоторых проблем, таких как ведомственные и организационно-правовые барьеры, несогласованность партнерского взаимодействия, сложность в совмест-

ном поиске подходящих площадок и финансовых ресурсов, преодоление эстетических, экономических, культурных разногласий, пути организации и реализации сотрудничества. Поэтому в процессе проектирования и реализации арт-коллабораций решения должны приниматься исключительно единогласно путем нахождения творческого и организационного компромисса и закрепляться документально.

Местные власти способны содействовать популяризации взаимодействий в формате арт-коллабораций посредством принятия муниципальных программ, напрямую или косвенно поддерживающих подобные инициативы. Одной из основных задач Муниципальной программы «Развитие культуры и искусства в муниципальном образовании „город Екатеринбург“ на 2021–2025 годы» является создание условий для новых творческих проектов. Это должно стать еще одной формой партнерства между муниципальной властью и инициативными творческими силами города.

Таким образом, конструктивный городской патриотизм воспитывается в человеке посредством его постепенного приобщения к локальным культурным ценностям. Основными носителями и распространителями данных ценностей сегодня являются учреждения культуры и деятели искусства, чья совокупность формирует собой городское культурное пространство, развитие которого в настоящий момент является приоритетной задачей территории, эффективным инструментом решения которой являются арт-коллаборации. ■

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

- [1] Пирогланов Ш.Ш., Сабадин Д.А., Бережной Н.А. (2020). Воспитание городского патриотизма в молодежной среде как предиктор формирования системы ценностей: гендерный аспект // Проблемы современного педагогического образования. № 66-3. С. 219–224. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vospitanie-gorodskogo-patriotizma-v-molodezhnoy-srede-kak-prediktor-formirovaniya-sistemy-tsennostey-gendernyy-aspekt> (дата обращения: 10.10.2021).
- [2] Панина Е.А. (2016). Социокультурный потенциал городского пространства как фактор формирования патриотического сознания у подростков и молодежи // Вестник Майкопского государственного технологического университета. С. 39–46. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnyy-potentsial-gorodskogo-prostranstva-kak-faktor-formirovaniya-patrioticheskogo-soznaniya-u-podrostkov-i-molodyozhi> (дата обращения: 10.10.2021).
- [3] Попов П.М. (2016). О патриотизме // Евразийский Союз Ученых. № 30-3. С. 93–97. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-patriotizme> (дата обращения: 10.10.2021).
- [4] Ивченков С.Г., Сайганова Е.В. (2020). Ценностные ориентиры и их влияние на восприятие патриотизма у молодежи // Вестник Института социологии. Т. 11. № 2. С. 106–125. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-orientiry-i-ih-vliyanie-na-vostriyatie-patriotizma-u-molodyozhi> (дата обращения: 10.10.2021).
- [5] Савкин Н.С. (2018). Философия патриотизма: патриотизм мнимый, показной и подлинный // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. № 2 (42). С. 197–204. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-patriotizma-patriotizm-mnimyy-pokaznoy-i-podlinnyy> (дата обращения: 10.10.2021).
- [6] MasterCard сотрудничает с Apple для интеграции Apple Pay // Mastercard. URL: <https://newsroom.mastercard.com/ru/press-releases/mastercard-sotrudnichestvo-s-apple-dlya-integratsii-apple-pay/> (дата обращения: 10.10.2021).
- [7] 9 примеров успешных кобрендинговых программ // NGM. URL: <https://ngmsys.com/blog/9-best-co-branding-programs> (дата обращения: 10.10.2021).
- [8] Дробышева Е.Э., Смекалов Ю.А. (2019). Арт-коллаборация в архитектонике современной культуры // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. № 3 (34). С. 53–62. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/art-kollaboratsiya-v-arhitektonike-sovremennoy-kultury> (дата обращения: 10.10.2021).
- [9] Байков Е.А., Хакимова Л.Р. (2018). Коллаборация брендов как эффективный инструмент инновационных процессов современной экономики // Петербургский экономический журнал. № 3. С. 39–46. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kollaboratsiya-brendov-kak-effektivnyy-instrument-innovatsionnyh-protseessov-sovremennoy-ekonomiki> (дата обращения: 10.10.2021).
- [10] Уральский бренд одежды выпустил футболку в коллаборации с уличным художником // Global City. URL: <https://globalcity.info/news/08/10/2021/36294> (дата обращения: 10.10.2021).
- [11] Об утверждении Муниципальной программы «Развитие культуры и искусства в муниципальном образовании „город Екатеринбург“ на 2021–2025 годы» : Постановление администрации города Екатеринбурга № 2170 от 26.10.2020 (с изменениями на 31.08.2021) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/570970383> (дата обращения: 10.10.2021).
- [12] На связи с искусством // TELE2. URL: <https://ekt.tele2.ru/promo/izo> (дата обращения: 10.10.2021).
- [13] Ночь музыки – 2018 // Областная газета. URL: <https://www.oblgazeta.ru/subject196/> (дата обращения: 10.10.2021).
- [14] Ночь музеев. Инклюзив // Ночь Музеев в Екатеринбурге. URL: <http://nmekb.ru/programms/i147625/> (дата обращения: 10.10.2021).
- [15] Перформанс «Ожившие картины» – «Спортсмены» Казимира Малевича // Ночь Музеев в Екатеринбурге. URL: <http://nmekb.ru/programms/i147626/> (дата обращения: 10.10.2021).

ART COLLABORATION AS AN EFFICIENT TOOL OF THE URBAN CULTURAL SPACE DEVELOPMENT

AUTHORS' INFORMATION:

Igor' M. Alikperov

Ekaterinburg Academy of Contemporary Art (3, Kultury St., Ekaterinburg, 620012, Russia)

✉ aigor55@mail.ru

AUTHORS' INFORMATION:

Aleksey A. Mezyurov

Ekaterinburg Academy of Contemporary Art (3, Kultury St., Ekaterinburg, 620012, Russia)

✉ a.mezurov@eaca.me

ABSTRACT:

The formation of constructive urban patriotism is a condition and consequence of the successful positioning of the territory not only on the national level, but also internationally. True patriotism is fostered in a person through exposure to cultural values, which, in the first place, are intended to be preserved and disseminated by cultural facilities that form together a single urban cultural space. The competitive environment in which cities develop requires not only the preservation of cultural heritage, but also filling the leisure time with interesting, original cultural events, an efficient tool for the implementation of which is art collaboration. The research objective is to reveal the possibilities of art collaboration in creating new cul-

tural products that will help make the urban space more creative and competitive and develop local patriotism among the region residents, which will solve lots of municipal socio-economic problems.

The article examines the concepts of “patriotism”, “art collaboration” and “urban cultural space”, provides modern methods of classifying art collaborations, analyzes the Ekaterinburg practice of their creation, specific features of their application for the urban cultural space development, and simulates possible problems of their implementation. Two formulas of partners interaction for the creation of cultural products are identified and analyzed: “art and art” (for example, opening of the “Aegida” art gallery in the Sverdlovsk Philharmonic), and “art and business” (joint projects of “Tele2” telecommunications company and 'Ekaterinburg Museum of Fine Arts').

The article uses the results of the current scientific research, theoretical research methods: classification, modeling, analysis, synthesis, generalization, comparison.

The research results demonstrate that the current use of art collaboration is a perspective vector for the urban cultural space development, in the creation of which the authors take an active part and plan to continue the given research in terms of exploring potential organizational forms of partnership, art collaboration algorithm.

KEYWORDS:

art collaboration, partnership, cooperation, urban cultural space, urban patriotism, municipal cultural facility, cultural event.

FOR CITATION:

Alikperov I.M., Mezyurov A.A. (2021). Art collaboration: an efficient tool of the urban cultural space development, *Municipality: Economics and Management*, no. 4, pp. 17–25.

REFERENCES:

- [1] Piroglanov Sh.Sh., Sabadin D.A., Berezhnoy N.A. (2020). Education of urban patriotism in a youth environment as a predictor of the formation of a value system: a gender aspect, *Problems of modern pedagogical education*, no. 66-3, pp. 219–224. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vospitanie-gorodskogo-patriotizma-v-molodezhnoy-srede-kak-prediktor-formirovaniya-sistem-tsennostey-gendernyy-aspekt> (accessed 10.10.2021).
- [2] Panina E.A. (2016). Socio-cultural potential of urban space as a factor in the formation of patriotic consciousness in adolescents and young people, *Bulletin of Maykop State Technological University*, no. 4, pp. 39–46. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnyy-potentsial-gorodskogo-prostranstva-kak-faktor-formirovaniya-patrioticheskogo-soznaniya-u-podrostkov-i-molodyzhi> (accessed 10.10.2021).
- [3] Popov P.M. (2016). On patriotism, *Eurasian Union of Scientists*, no. 30-3, pp. 93–97. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-patriotizme> (accessed 10.10.2021).
- [4] Ivchenkov S.G., Saiganova E.V. (2020). Value landmarks and their influence on the perception of patriotism in young people, *Bulletin of the Institute of Sociology*, vol. 11, no. 2, pp. 106–125. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-orientiry-i-ih-vliyanie-na-vospriyatie-patriotizma-u-molodyzhi> (accessed 10.10.2021).
- [5] Savkin N.S. (2018). Philosophy of patriotism: patriotism imaginary, showing and genuine, *Humanitarian: current problems of humanitarian science and education*, no. 2 (42), pp. 197–204. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-patriotizma-patriotizm-mnimyy-pokaznoy-i-podlinnyy> (handling date: 10.10.2021).
- [6] MasterCard collaborates with Apple to integrate Apple Pay. MasterCard. URL: <https://newsroom.mastercard.com/ru/press-releases/mastercard-%D1%81%D0%BE%D1%82%D1%80%D1%83%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D1%87%D0%B0%D0%B5%D1%82-%D1%81-apple-%D0%B4%D0%BB%D1%8F-%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8-apple-pay> (accessed 10.10.2021).
- [7] 9 examples of successful co-branding programs. NGM. URL: <https://ngmsys.com/blog/9-best-co-branding-programs> (accessed 10.10.2021).
- [8] Drobysheva E.E., Smekalov Yu.A. (2019). Art-collaboration in the architectonics of modern culture, *Culture and education: scientific and information journal of universities of culture and arts*, no. 3 (34), pp. 53–62. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/art-kollaboratsiya-v-arhitektonike-sovremennoy-kultury> (accessed 10.10.2021).
- [9] Baikov E.A., Khakimova L.R. (2018). Collaboration of brands as an effective tool for innovative processes of the modern economy, *St. Petersburg Economic Journal*, no. 3, pp. 39–46. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kollaboratsiya-brendov-kak-effektivnyy-instrument-innovatsionnyh-protessov-sovremennoy-ekonomiki> (accessed 10.10.2021).
- [10] Ural clothing brand released a T-shirt in collaboration with a street artist. Global City. URL: <https://globalcity.info/news/08/10/2021/36294> (accessed 10.10.2021).
- [11] On approval of the municipal program “Development of culture and art in the municipality ‘City of Yekaterinburg’ at 2021–2025”. Decree of the administration of the city of Yekaterinburg no. 2170 dated 26.10.2020 (as amended by 31.08.2021). Electronic fund of legal, and regulatory, and technical documents. URL: <https://docs.cntd.ru/document/570970383> (accessed 10.10.2021).
- [12] In touch with art. Tele2. URL: <https://ekt.tele2.ru/promo/izo> (accessed 10.10.2021).
- [13] Music Night – 2018. Oblastnaya Gazeta. URL: <https://www.oblgazeta.ru/subject196/> (accessed 10.10.2021).
- [14] Night of Museums. Inclusion. Night of Museums in Yekaterinburg. URL: <http://nmekb.ru/programms/i147625/> (accessed 10.10.2021).
- [15] Performance “Revived Paintings” – “Athletes” by Kazimir Malevich. Night of Museums in Yekaterinburg. URL: <http://nmekb.ru/programms/i147626/> (accessed 10.10.2021).

ЕКАТЕРИНБУРГ

РАВЕН ВСЕМУ УРАЛУ

И в этом проблема...

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Литовская Мария Аркадьевна

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19)

✉ nufimceva@yandex.ru

Белимов Виктор Николаевич

Уральский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66)

✉ belimov-vn@ranepa.ru

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Литовская М.А., Белимов В.Н. Екатеринбург равен всему Уралу. И в этом проблема. Интервью // Муниципалитет: экономика и управление. 2021. № 4. С. 26–33.

Каковы родовые признаки екатеринбургского патриотизма? Может ли заводская землянка прошлого века культивировать чувство гордости? Почему депрессивное территориальное пространство с заведной регулярностью воспроизводит сильных остроумных личностей? Всегда ли комфортная городская среда обеспечивает рост патриотических настроений и, напротив, как долго можно оставаться патриотом в условиях упадка экономики родного края?

Эти вопросы касаются самых разных сфер и отраслей – экономики, географии, психологии, социологии, истории. Но объединяющим началом является гуманитарный фактор и производство впечатлений. Влияние воображения на локальные патриотические чувства граждан трудно переоценить. А признанным генератором образов является литература.

Поэтому мы пригласили к разговору о патриотизме доктора филологических наук, профессора Уральского федерального университета Марию Литовскую, которая к тому же является профессором отделения славянских языков и литератур государственного университета Чжэнчжи (Тайвань) и за годы работы на далеком от Урала острове смогла лично ощутить силу и специфику уральского патриотизма.

РАЦИОН ПАТРИОТИЗМА

Виктор Белимов: Мария Аркадьевна, принято считать, что новый век будет веком городов. Технологический прорыв в сфере транспорта и связи поможет соединить городских жителей в режиме «здесь и сейчас» и сделает незаметным пространство между ними. Как, учитывая это, может измениться палитра социальных чувств – станем ли мы все жителями одного «городского общежития» или у каждого города будут свои группы патриотов, готовых ради него к любым жертвам?

Мария Литовская: С одной стороны, урбанистический глобализм несомненен. Но проблема в том, что в нашей стране города чрезвычайно неравноценны. Есть город первого порядка – столица, есть второго – Санкт-Петербург, есть города-миллионники и есть все остальные. Мне кажется, что на уровне миллионников с городским патриотизмом все более или менее в порядке, а дальше, если он и есть, то его открыто выражает очень небольшая часть населения – чаще всего это музейщики, краеведы, которые действительно могут рассказывать про свои города сколько угодно долго и с восторгом, в остальном – пустота. И это объяснимо. Патриотизм же питается не столько словами, сколько отношением к территории, конкретными «плюсами», которые люди получают от места проживания. И это не потребительство, а элементарное и законное стремление к лучшей жизни.

Из-за всеобщей «медийности» люди четко понимают разницу в качестве жизни. Да, асфальт в Екатеринбурге вряд ли сильно отличается от московского, но я точно знаю, что в родном городе никогда не получу доступ к культурным шедеврам того уровня, к которым спокойно и в любое время может

Литовская Мария Аркадьевна,
советский и российский филолог,
литературовед, литературный критик.
Доктор филологических наук,
профессор.

приобщиться любой москвич или петербуржец. Особенно остро это ощущается сейчас, в период пандемии, когда нет привычной свободы передвижения. Словом, пространство городов качественно очень сильно отличается. Знаете, когда я смотрю новости на телеканале «Культура» и там анонсируют события, то почти не звучит Екатеринбург, Новосибирск, Красноярск. Изредка промелькнет какая-нибудь новая оперная постановка, рожденная на периферии. И все. Это, надо сказать, очень меняет отношение к месту пребывания. Не возникает того единства, на которое мы рассчитываем и о котором вы спрашиваете. И появляется обида за собственное городское пространство. Разница в уровне культурной обеспеченности людей в разных местах страны, что и говорить, чрезвычайно велика и болезненна. Да не только о культуре речь: общественный транспорт в Екатеринбурге на порядки хуже ра-

ботает, чем в столице. Чего уж говорить о маленьких городах. Не удивительно, что люди ищут возможность оттуда уехать.

В.Б.: В самом деле, не трудно быть патриотом комфортного города, с ровными дорогами, красивыми заданиями, запахом свежей выпечки, добрыми приветливыми лицами прохожих. А как заставить себя полюбить окружающую убогость и безнадегу?

М.Л.: Предмет любви состоит из многих факторов. Есть, казалось бы, непререкаемые точки страсти международного уровня – Париж, Стамбул, Нью-Йорк. В этот же ряд в советское время можно было поставить, например, Одессу. Но, знаете, я в свое время изучала одесскую литературную школу и могу вам сказать, что в начале XX века никто ведь «Одессу пыльную» особенно не любил. Да, там хороший климат, близость к морю. Это важно. Но смешение культур, неправильности речи и так

Одесса расцвела и похорошела благодаря писателям-одесситам, которые эстетическими средствами минусы города превратили в плюсы.

Образ Екатеринбурга как города создан не был. Его масштаб приравняли ко всему региону. Поэтому лицо осталось невнятным, без яркого выражения

далее – это все было предметом высмеивания. И то, что в городе есть порт, это тоже минус – ухудшает криминогенную обстановку. Но нашлись писатели-одесситы, которые эстетическими средствами минусы превратили в плюсы, и вдруг Одесса превратилась в воображении всех в необычайно интересное пространство.

В.Б.: И это сделала литература?

М.Л.: В тот момент это сделала литература, потом включились сами горожане. Потому что всегда приятно почитать про город Черноморск, и любой одессит вдруг проникается: «Чёрт возьми! Да это же все мы, это же наша Одесса!». Появляется много разных Одесс – бабелевская, катаевская, Олеша, Ильфа и Петрова – и в принципе любой житель может найти свою Одессу. Про город пишут с любовью и ностальгической нежностью (замечу, к тому времени никто из больших писателей-одесситов в родном городе уже не живет), а это всегда живо отзывается в душах людей, которые там остались. И когда у этих людей появляется возможность, они продолжают «гнуть линию»: в Одессе был и, надеюсь, сейчас существует потрясающий литературный музей с богатейшим архивом, собственными книжными изданиями, с очень профессиональными и увлеченными сотрудниками. Музей, по сути, полностью посвящен образу Одессы в мировой культуре. При том, что проблем там всю первую половину прошлого века было много.

В.Б.: Очень интересный пример. Выходит, что патриотизм питается прежде всего не финансовым, а символическим капиталом?

М.Л.: В случае с Одессой именно символический капитал сработал в очень большой степени. Местные писатели уехали, когда началась украинизация Одессы. К тому же это была действительно глубокая провинция. Уехав, они из своей северной Москвы вспоминали южную Одессу просто как праздник. У Катаева даже стихотворение по этому поводу есть. Поскольку мимо его дачи в Переделкино проходил поезд «Москва – Одесса». Он пишет, что всякий раз хочет бросить все и уехать назад. Я считаю, что это истинный, глубокий патриотизм людей, которые, уехав, все-таки сделали славу родному городу. Потом уже в 60-е годы ее подкрепили КВНщики. А дальше – больше. Все это вылилось во вполне конкретную городскую мифологию, в названия улиц, архитектурные решения. Один только памятник мадам Стороженко, которая и будучи в бронзе, все еще торгует своей рыбой на Привозе, чего стоит.

НЕ НАДО ЛИРИКИ

В.Б.: А Екатеринбург...

М.Л.: Нашему городу в этом смысле повезло значительно меньше. Во-первых, климат далеко не южный. В Екатеринбурге есть свои достоинства, судя по той же «ностальгической» литературе. Но тут важно отметить другое: ведь по сути образ Ека-

теринбурга как города, создан не был. То есть Екатеринбург – это город, про который очерки писать, а не поэмы. Собственно Екатеринбург в творчестве Мамина-Сибиряка – это буквально один очерк. Все остальное – про Урал в целом. То есть в силу странного статуса Екатеринбурга как города с особенной судьбой, города, который изначально не был ни уездным, ни губернским, название которого звучит почти также, как Петербург, было достаточно, чтобы фантазия местных жителей назначила Екатеринбург столицей всего Урала. И памятники писателям в центре города – это памятники скорее «певцам Урала», а не Екатеринбурга. У Бажова про него сказано куда меньше, чем про регион. Словом, традиции создавать образ города у нас попросту не было. Потом с легкой руки Маяковского стали развивать тему про царя и «коронованную Катюку», на груди у которой переливались изумруды, которые, если быть точным, не в Екатеринбурге и добывались. То есть вновь создан образ центра края. И город стал равносильным региону. Поэтому его лицо, образ осталось невнятным, без яркого выражения. Так вышло. И ты должен сначала полюбить весь регион, ну а потом уж и город заодно, как его часть.

В.Б.: И все же у Екатеринбурга всегда был строгий функционал.

М.Л.: Абсолютно верно. Ему назначали функции, которые он исправно выполнял в отечественной истории: центр металлургии, опорный край державы, столица военно-промышленного комплекса, тыловой город и т. п. Все время город связывается с функционалом, за который отвечала территория всего региона. В итоге для сугубо городской лирики, по сути, не нашлось места: огоньки из популярной песни горят строго над «Уктусом и ВИЗом» – Верх-Исетским металлургическим заводом.

В.Б.: В чем особенность уральского характера, на ваш взгляд?

М.Л.: Люди недоверчивые. Настороженные. Еще и этот знаменитый уральский говор «с закрытым ртом», сквозь зубы, который всегда удивляет студентов-иностранцев: почему мы в университете всех понимаем, а на улице или в транспорте вообще не можем разобрать, что говорят местные. Люди более сдержанные и замкнутые, чем во многих других местах, и очень критикански настроенные по большому счету. Это не критика власти, а скорее критика обстоятельств, себя, всех других.

В.Б.: Поперешность...

М.Л.: Точно. Любят поговорить о том, что у нас все плохо. Когда появляются такие произведения, как «Петровы в гриппе и вокруг него», фильм «Страна Оз» по остроумному сценарию В. Сигарева и А. Ильенкова, то они работают на образ города довольно мрачного, загадочного, населенного фриками. При этом в городе ощущается дикая энергия, своего рода производство талантливых самородков. Славниковы, балабановы, бутусовы, кормильцевы здесь зафонтанировали, потом уехали в другое пространство и растворились в нем. Слава «особенного города» уже не часть их жизни. Но они приняли участие в ее создании, и эта слава, является основой для городского патриотизма: мы не такие, как все, мы – другие.

КАПИТАЛ МЕСТА**В.Б.: Из чего, в частности, состоит эта основа?**

М.Л.: В ней много всего. Например, рок-музыка, архитектурные объекты, события, кинофестивали – «Кинопроба», «Россия», индустриальная биеннале. Это же все надо было придумать, сконструировать буквально на пустом месте. Все это сделали и продолжают делать мест-

ные жители. Многие остаются здесь, имея возможность в любые ближайшие три часа сесть в самолет и уже через два часа гулять по Москве. Хотя, конечно, санитарные ограничения последних лет наносят удар по этой приятной возможности.

В.Б.: А власти, на ваш взгляд, в достаточной степени ценят этот ресурс энергии личностей?

М.Л.: Они начинают его ценить, когда им это вкладывают в головы. Они, по-моему, часто не понимают потенциал того, что есть. Я работаю в главном гуманитарном университете Тайваня и несколько раз, когда местные профессора узнавали, что я из Екатеринбурга, они говорили, что да, мы слышали про ваш город, это же, мол, крупный архитектурный центр. Представляет? Потому что у нас много памятников конструктивизма. И на мировой культурной карте мы заметны в том числе этим. Казалось бы, где мы и где великая архитектура? А для образованных иностранцев мы, оказывается, – музей конструктивизма под открытым небом. А сами мы об этом почему-то не догадываемся. Или не хотим догадываться. Поэтому, когда у нас уничтожают памятники, связанные с этой своеобразной архитектурой, на которую люди из-

далека специально приезжают смотреть и книги про нее покупают, то, конечно, понимаешь, что это недосмотр. Властей, прежде всего. И недостаточная информированность горожан. Ясно, что, если на всю Европу сохранилось всего восемь зданий довоенных аэропортов, то вряд ли стоит ломать наш аэропорт Уктус тридцатых годов постройки ради позолоченного чего-то, в чем в мире недостатка нет. Аэропорт и «нечто» позолоченное, наконец, прекрасно можно совместить. Увы, многие влиятельные люди просто не понимают значимость исторического ресурса, символического капитала места.

В.Б.: А ведь на том же Тайване много зданий было уничтожено и во время Второй мировой войны, и после...

М.Л.: Теперь они кусают локти и берегут каждый домик, который является живым свидетелем истории и позволяет увидеть, как далеко страна рванула вперед за относительно короткое время. Про эти старые колониальные постройки тебе начнут рассказывать уже в аэропорту Тайбэя. Ты еще до города не доехал, но уже планируешь – ага, значит, надо посетить этот музей бумаги, который находится в здании старой японской фабрики. Еще вчера

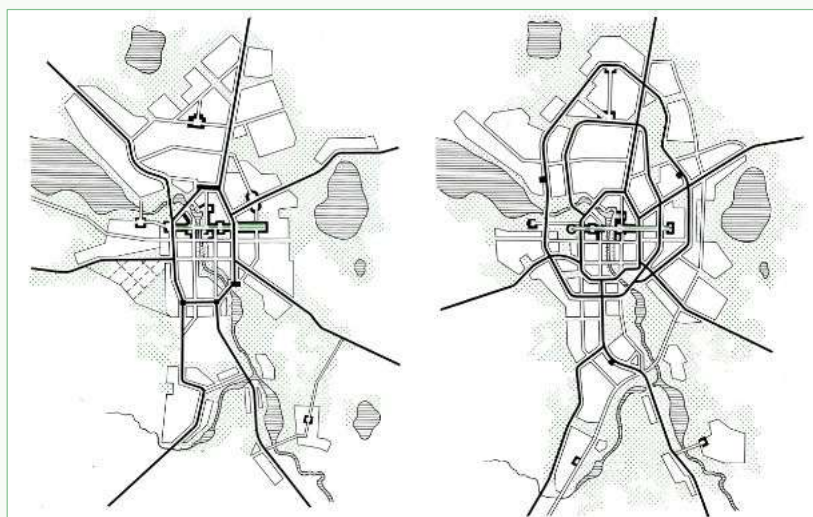
Аэропорт местных воздушных линий «Уктус». Его официальным днём рождения считается 1 января 1932 года. Здание аэропорта было снесено 26 ноября 2021 года для строительства на его месте торгово-транспортной развязки.

тебя не интересовали ни история бумаги, ни тем более японские фабрики, но, если местные так настойчиво и увлеченно объясняют, ты невольно выкроишь время и туда отправишься. У них вокруг этих маленьких домишек, старых производств выстраивается целая инфраструктура. Тайванцы теперь понимают, что уничтожать это нельзя ни при каких условиях. Это просто опасно для города: у него должна быть всем известная история, своя классика. К тому же мы ведь не можем знать, в каких направлениях общество будет развиваться. И легко растаемся с домишками, цехами и плотинами, потому что не видим в них ценности. А она есть, и в мире есть знание о ней, значит, правильная организация работы с такими объектами – это то, на чем рождается самоуважение и уважение других к тебе.

В.Б.: Возможно, Екатеринбург есть смысл заявить о себе как о городе экспериментов?

М.Л.: Почему нет? К тому же он изначально был экспериментальным. Мы в свое время с коллегой Сергеем Леонидовичем Кропотовым (д-р филос. наук, проф., ректор Екатеринбургской

Схема генерального плана Свердловска 1936 и 1939 гг.

академии современного искусства в 2007–2013 гг. — Прим. ред.) написали статью про три утопии Екатеринбурга. И с печалью увидели, что наши прогнозы сбылись.

ТРИ УТОПИИ ЕКАТЕРИНБУРГА

В.Б.: Что за утопии?

М.Л.: Первая утопия – это горный город-крепость с самобытной системой управления, где центром города является завод, плотина. Но город быстро выходит за пределы крепости,

приоритет был отдан производству, а жители расселялись в своих посадах как придется. Красивый план был нарушен, город безудержно распался. Но следы замысла сохранились.

Потом начинаются грандиозные архитектурные эксперименты 1920–1930-х годов. Был придуман и начал реализовываться проект красивого города с принципиально новой организацией жизни людей. Сохранились чертежи, про конструктивизм в Свердловске написаны тома научной литературы. Но проект не был доведен до конца: распалась Уральская область, исчезли источники финансирования, потом война. Задача тоже не была выполнена, но сохранились фрагменты ансамблей, городки и жилкомбинаты.

Затем, уже в постсоветское время, предпринимается попытка предъявить Екатеринбург как третью столицу, но все опять заглохло. Хотя заработали консульства иностранных держав. И оформлялись заявки на крупные мероприятия, и все флаги в гости к нам. И рисуют планы новых районов, и придумывают новую транспортную систему... Но вторую линию метро и ветки скоростных трамваев в итоге строить все-таки не будем, потому что денег нет. Вместо со-

Мемориальный музей бумаги Сухо (Тайбэй, Тайвань).

здания удобной транспортной системы мы покупаем зеленые малогабаритные автобусы, в которых страшно неудобно ездить, и ставим их на популярные и длинные маршруты. В них не протолкнуться, летом душно, кондиционеров нет. Очередной красивый план снова не выполнен. Но небоскребы и кое-какие следы усовершенствований городской среды остались. Я не думаю, впрочем, что это повод для какого-то безудержного песимизма, потому что, наверное, во многих городах происходит нечто подобное. Здесь интересен именно революционный характер экспериментов, которые каждый раз разбивались о житейские потребности живых людей. При этом сам эксперимент, несмотря на его незавершенность, впоследствии становился поводом для патриотической гордости горожан.

В.Б.: Тем не менее, несмотря на эти упущенные возможности, мы видим, что сувенирные лавки завалены вполне креативными вещами, позиционирующими Екатеринбург. Фантазия такого уровня, тонкую самоиронию, отличную графику я не встречал, скажем, на приморских улочках модной нынче Калининградской области – там все, как правило, весьма примитивно...

М.Л.: Конечно же, в Екатеринбурге много талантливых людей. Работают вузы и творческие институты. Город собирает по региону самых креативных людей. Живых, интересных. Идет обмен творческой энергией, идеями. Происходит огромное количество всяких событий, это помогает увлеченным людям объединяться, находить друг друга, что-то делать. Ведь та же биеннале началась с идеи, которая сначала оформилась в студенческих головах при поддержке университетских преподавателей. А сейчас это событие вполне себе международного уровня. И многие специалисты из

Екатеринбург, несомненно, не пафосный город. И в этом его преимущество.

разных стран знают о биеннале, вносят Екатеринбург в свои планы, проектируют «под нас» свои новые творческие работы. Хотя многие екатеринбургские обыватели вряд ли вообще что-то слышали о биеннале. Как центр туристического притяжения биеннале выполняет свою роль. Но внутри городского сообщества работает не вполне, мягко скажем.

ПАМЯТНИК МЕЖДОМЕТИЮ

В.Б.: В какой степени самоирония – родовой признак жителя Екатеринбурга?

М.Л.: Так она родная дочь той самой поперешности и независимости. «Страна Оз», «Петровы в гриппе...», интерпретации классики Коляда-театром рождаются из самоиронии – позитивной стороны критиканства. Человек, который умеет посмеяться над собой, всегда находит поддержку. Местные (и не только) ценят шутки «Уральских пельменей», «Красной бурды»,

в том числе и о самих себе. Скажем, жители Екатеринбурга любят критиковать памятник Пушкину в Литературном квартале. Студенты-филологи придумали ему имя «Чу!» – как в русской поэзии. И все встало на свое место. Чем памятник таинственному междометию «чу» хуже памятника Человеку-невидимке? Екатеринбург, несомненно, не пафосный город. И в этом его большой плюс.

В.Б.: В Ярославле, помню, я прошелся по набережной и изучил их сувенирные кепки-футболки: все дико серьезно. Мы – богатыри. Русь. Копье пронзает змея. Нет даже намека на стёб.

М.Л.: У них есть неотменяемая красота великого искусства. В городе немало мест, где можно испытать подлинный восторг. В Екатеринбурге, согласитесь, даже добротной видовой площадки, по существу, нет. Единственное место для обзора – Вознесенская горка. Всё. Знаменитый Каслинский павильон и то не у нас сделан, а в со-

Памятник Пушкину в Литературном квартале Екатеринбурга стал объектом для упрямлений в остроумии.

седней области (Челябинской. — Прим. ред.). Но у нас немало своего красивого, и многие проекты работают на городской патриотизм, как ни крути. Мне всегда казалось, что есть некие символические вещи, которые повышают статус города. Возьмем программу по созданию у нас филиала Эрмитажа. Свердловск во время войны спас огромное количество шедевров Эрмитажа, потому что они были сюда эвакуированы и вернулись назад без потерь. То, что Эрмитаж теперь в знак благодарности раз в полгода предоставляет один свой шедевр для показа жителям и гостям Екатеринбурга, однозначно связано с патриотизмом: это предмет для гордости.

В.Б.: А если взять политическую историю города — она ведь тоже отражает жизнь во всем ее многообразии: чего у нас только не было. Но почему-то не возникает целостности восприятия города, всё фрагментарно, история великих жителей распадается на атомы, газетные зарисовки...

М.Л.: Мне трудно говорить о властной элите, политике, я не социолог и не политолог. Но, когда я читаю ведущие городские порталы, у меня складывается ощущение, что Екатеринбург — это место, где бесконечно происходят транспортные аварии, а начальство думает больше всего про внутренние интриги. Об этом же, но с еще большей одержимостью пишут известные политические порталы города. У меня нет к ним претензий — у каждого своя повестка. Но на положительный имидж города в повседневной жизни как-то никто, по-моему, не работает. Общими усилиями создают ощущение нервного и в целом неблагоприятного пространства. А если и возникает у нас какое-нибудь биеннале, то в общей череде скандалов и слухов это воспринимается едва ли не как аномалия. И как будто никого это не заботит.

В.Б.: А были какие-то достойные инициативы ранее?

М.Л.: Конечно, были. В свое время в городском управлении

культуры был период энтузиазма. Всерьез обсуждался вопрос создания музейной набережной, организации комплексного пространства. Привлекались широкие круги общественности, которые предлагали идеи, как можно историю города представлять. По-моему, хотя я не уверена, ни одна из идей так и не была воплощена.

ЗЕМЛЯНКА КАК ЦЕННОСТЬ

В.Б.: Какие, например, предлагались идеи?

М.Л.: Сделать музей быта рабочих по примеру того, как это реализовали, например, в городе Тампере в Финляндии. Там в квартале аутентичных зданий, переходя из помещения в помещение, можно увидеть, как с конца XIX века и до 70-х годов XX века жили финские рабочие. Что это дает? Четкое понимание того, насколько лучше ты, обитатель Тампере, живешь сегодня. Это послыл не только к гостям города, но и к самим горожанам, молодым прежде всего.

Финские рабочие бараки мало чем отличались по комфорту от уральских...
На фото: рабочий квартал в городе Тампере (Финляндия, сер. XX века).

Похожие музейные решения я видела на Тайване: они сохранили кварталы домишек, в каморках которых и жить, кажется, невозможно. Но люди там еще в середине прошлого века жили годами и создавали процветающее государство. Как ни странно, в этих жутковатых музейных коммуналках формируется чувство гордости за свой народ, который не только выстоял, преодолел и т. п., но и старался, как мог, украсить свою жизнь.

К сожалению, у нас потоком идет нагнетание – сейчас плохо и будет еще хуже, это еще не кризис, кризис за углом и так далее. Разумная, как мне кажется, политика властей заключается в том, чтоб дать людям возможность своими глазами убедиться, что же, собственно, произошло, какой колоссальный рывок в качестве жизни был совершен: от избышек ВИЗа и землянок Уралмаша до современных домов. Полезно зримо ощутить, в каких обстоятельствах наши предки создавали славу и ценность родного города. И если бы сейчас на углу улиц Декабристов и Чапаева в Екатеринбурге существовал в виде музея тот барачный «микрорайон», удивительным образом сохранившийся сквозь десятилетия – с сараями, дровяниками, бельевыми веревками, грядками под окнами с зеленью для прокорма и цветочками для красоты, мы могли бы, уверяю, рассказать о самих себе и о своем городе много нового, вызвать новую гамму патриотических чувств и ощущений. И в свои дома и квартиры мы вернулись бы из такого музея с другим ощущением и пониманием, что такое «достаточно». Но района такого не возникло. На углу Декабристов и Чапаева всё вычистили ради псевдоклассического здания ныне уже не существующего банка...

Наша общая удивительная неблагодарность по отношению

к прошлым поколениям меня лично очень огорчает.

В.Б.: Тем не менее, и в Екатеринбурге, и в маленьких городах и селах есть одержимые люди, которые сами стараются показать красоту своего места. В столице Урала есть немало оригинальных туристических маршрутов, которые открыли за последние годы настоящие подвижники и патриоты.

М.Л.: Конечно. Это было и будет. Пару лет назад я ездила в одну из деревень Талицкого района. Так там местные жители в пустующей комнате детского сада собрали по домам предметы быта прошлых веков. Чего там только нет. Это трогательно и красиво. Люди создали для себя живое интересное место памяти, где вокруг каждого сбереженного предмета можно найти удивительные истории. В Екатеринбурге тоже немало подобных практик.

В.Б.: Да уж, с историями на Урале все в порядке. Хотя мы далеко не Ярославль и не Суздаль...

М.Л.: На самом деле мы и «Ярославль», и «Суздаль», но только другого типа. Вот что хорошо бы понять. Екатеринбург – уникальный по многим позициям город. Да, не было у нас великих иконописцев и древнерусских зодчих. Но, в конце концов, уникальные изделия за номером таким-то придумывали и делали именно здесь, а не в каком-то другом месте. Неразумно стесняться своей истории и рассказов о том, как жили трудовые люди, обеспечившие нам промышленные активы, которыми мы сейчас пользуемся как раз-таки без стеснения. ■

...в городе Тампере они превращены в музей, где современный горожанин может увидеть себя счастливым.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ГОРОДСКОМ ПАТРИОТИЗМЕ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ КАК СУБКУЛЬТУРНЫЙ ИНДИКАТОР ВЕКТОРА МУНИЦИПАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Дудина Марина Михайловна

Екатеринбургская академия современного искусства (620012, Россия, Екатеринбург, ул. Культуры, 3)

✉ dudinamm@gmail.com

Смирнова Наталья Андреевна

Екатеринбургская академия современного искусства (620012, Россия, Екатеринбург, ул. Культуры, 3)

✉ smirnovana07@mail.ru

Смирных Анастасия Юрьевна

Уральский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66)

✉ ms.smirnykh@yandex.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

патриотизм, городской патриот, конкуренция городов, городское пространство, молодежная аудитория, молодежная субкультура, студенты.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Дудина М.М., Смирнова Н.А., Смирных А.Ю. Представления о городском патриотизме среди молодежи как субкультурный индикатор вектора муниципальных перемен // Муниципалитет: экономика и управление. 2021. № 4. С. 34–40.

АННОТАЦИЯ:

В статье представлены результаты анализа работ студенческой молодежи, созданные на основе субъективных характеристик городского патриота. Исследование было обусловлено, с одной стороны, актуальностью поиска путей формирования патриотических настроений молодежи не только на уровне страны, но и в городском пространстве, с другой – обесцениванием данного качества в отдельных слоях населения, в том числе обучающихся. Изучение представлений студентов о проявлении городского патриотизма позволяет определить направления усилий муниципальных властей по созданию условий для формирования патриотично настроенной молодежи, в частности в Екатеринбурге.

Исследование основывалось на изучении опубликованных результатов научных статей, посвященных проблеме патриотизма, его проявлениях в различных аспектах, на различных возрастных этапах, в различных территориальных условиях. Использован метод контент-анализа. Отдельные результаты были апробированы в рамках IV Международного симпозиума Екатеринбургской академии современного искусства «Городской патриотизм: экономика, политика и культура локальных перемен» (27–30 сентября 2021 года).

Были определены дескрипторы, позволяющие фиксировать представления студенческой молодежи о патриотичном горожанине. Выявлена система взглядов молодежи на развитие городского пространства, способного вызывать психологическую комфортность проживания в городе, формирование привязанности к нему, желание остаться и конструктивно проявлять свою гражданскую позицию. Статья адресована научным и практическим работникам, связанным с развитием различных городских систем.

Pro et contra

Тема патриотизма достаточно активно обсуждается в проблематике различных наук: философии, культурологии, социологии, филологии, психологии и др. Это неслучайно, так как исследователи отмечают, с одной стороны, обесценивание патриотизма с позиций эмоционального от-

ношения к Родине, с другой – необходимость его формирования с позиций активного гражданина, способного развивать различные социальные структуры: общество, экономику, политику, культуру.

В осмыслении понятия «патриотизм» выделяют как прогрессивные смыслы, так и деграционные. В высказываниях

известных мыслителей встречается мнение о патриотизме как позитивной социальной ценности, так и проявлении негативного нивелирования. Приведем известные афоризмы [1].

«Любовь к Родине – первое достоинство цивилизованного человека» (Наполеон).

«Только два сорта и есть, податься некуда: либо патриот

своего отечества, либо мерзавец своей жизни» (А. Островский).

«Никогда не будет в мире покоя, пока вы не выколотите патриотизм из человеческого рода» (Б. Шоу).

«Нападки на недостатки и пороки народности есть не преступление, а заслуга, есть истинный патриотизм» (В. Белинский).

Подобные высказывания, вырванные из соответствующих контекстов, цитируются современной молодежью, но не всегда понимаются на сущностном уровне и являются ориентиром их отношения к патриотизму в целом, формированию поверхностных позиций, а также мотивации любой активности (в том числе, основанной на алогичных парадоксах типа: «Настоящий долг патриота – защищать страну от ее правительства» (Т. Пейн) [2, с. 17]).

«Мое, кровное»

Актуализация проблемы наличия патриотизма среди населения страны связана с ростом конкурентоспособности не только на внешнем международном уровне, (в этом случае патриотизм рассматривается как любовь к Родине, стране в целом), но и на региональном уровне – конкуренцией областей и различных городов.

Современные ориентиры в явлении патриотизма направлены, прежде всего, на территориальную идентификацию как средство повышения экономического благополучия региона или города. В этом случае патриотизм соотносят с любовью к малой Родине, городу [3].

Проблема осмысления городского патриотизма связана с конкуренцией современных городов России, которая обусловлена стремлением в дихотомии «столица – провинция» занять более привлекательное положение, ассоциирующееся с приближением к столичным ценно-

стям, столичному образу жизни [4]. Отсюда желание ряда городов использовать в своей характеристике понятие «столица»: «Санкт-Петербург – культурная столица», «Казань – третья столица», «Екатеринбург – столица Урала» и т. д.

Отмечается, что конкуренция среди городов обусловлена борьбой за привлечение инвестиций, создание новых рабочих мест, что будет способствовать эффективному развитию экономики города, а значит, и повышению уровня комфортности проживания и взаимодействия населения с городом [5; 6].

В целом конкурентоспособность зависит от многих факторов и рассматривается как система, способная удовлетворять потребности жителей региона, в которую входят различные параметры, в том числе активность населения, его человеческий капитал [7].

Человеческий капитал является одним из приоритетных, так как именно он реализует и использует конкурентные преимущества города. Несомненно, динамичные человеческие ресурсы в настоящее время связываются с молодежью, которая в отличие от взрослых склонна к перемене мест, поиску преимуществ в других городах, в частности в столице нашей Родины и в городах других стран. При этом одним из действен-

ных рычагов сдерживания оттока населения является городской патриотизм. Известно, что патриот той или иной территории не часто стремится поменять место жительства, а если и меняет, то старается вернуться обратно и самореализоваться на «малой родине» [6; 8].

Молодежная аудитория имеет особенную систему взглядов, ценностей, стиль поведения, отличающиеся от доминирующей культуры горожан и влияющие на представления о городском патриоте. Молодежная субкультура все больше влияет на социальные процессы в современной России, и именно молодое поколение в какой-то степени определяет приоритеты будущего [9]. В связи с этим в настоящее время актуализируются исследования представлений о городском патриотизме именно молодежной аудитории как самой динамичной части общества, быстро реагирующей на малейшие изменения в социуме и культуре [10; 11].

Как следствие, целью исследования было выявить доминирующие характеристики городского патриотизма у современных студентов старших курсов, через год или два заканчивающих вуз и приступающих к поиску рабочих мест.

Исследование строилось на изучении субъективного мнения студентов, полученного в

В 2019 году в Екатеринбурге 4 тысячи человек зажгли «Свечи памяти» как символ света, которым освещались землянки в годы войны.

результате опроса, и выяснении наиболее значимых дескрипторов городского патриота. Для опроса использовалось задание, заключающееся в описании характера городского патриота, через подражание описанию характеров людей античным философом Феофрастом. В опросе приняли участие 28 студентов третьего курса Екатеринбургской академии современного искусства, обучающихся по направлению «Искусства и гуманитарные науки». Использование качественного метода сбора данных позволяет считать данную выборку адекватной целям и задачам анализа.

История одного города

В ходе обработки описаний были выявлены 59 дескрипторов городского патриота, которые затем были обобщены по степени повторяемости и смысловой близости и создали 16 групп характеристик.

Прежде всего, следует отметить, что все 28 студентов (100 %) определили городской патриотизм как любовь к городу, что свидетельствует о едином понимании описываемого феномена.

Наиболее популярными стали две группы дескрипторов, набравших более 60%: «История» (68 %) и «Гражданская активность» (61 %). Группа дескрипторов «История» включала в себя следующие показатели: знание истории появления своего города, его становление, происхождения названия улиц, желание делиться интересными историями о зданиях, мостах, парках, улицах и о своей малой родине в целом, знание традиций и особенностей города. Следовательно, молодежь нуждается, прежде всего, в системном и систематическом получении информации о городе из различных источников. В настоящее время данную информацию подрастающее поколение получает не системно, а в

виде разрозненных сведений за счет самообразования, от родителей и родственников, отдельных воспитательных мероприятий, локальных СМИ, единичных экскурсиях, посещениях местных учреждений культуры. Безусловно, есть примеры систематического знакомства молодежи с историей Екатеринбурга. Например, муниципальное учреждение культуры «Библиотечный центр „Екатеринбург“», являясь хранилищем уникальной литературы по краеведению Урала и Екатеринбурга, регулярно проводит мероприятия для горожан, в том числе для молодежи и школьников, на которых вопросы истории родного края рассматриваются с самых различных сторон городской жизни. Другой пример. В Екатеринбургской академии современного искусства ведется преподавание дисциплины «Екатеринбурговедение». Однако данный опыт слабо поддерживается в других учебных заведениях города, в том числе общеобразовательных. При этом незнание истории Екатеринбурга, знаковых его событий, известных личностей и достижений не позволяет сформировать в сознании молодежи це-

лостный образ уникального современного мегаполиса, заслуживающего уважение и чувство гордости за проживание в нем. Это формирует у молодых горожан устойчивое чувство отчуждения от «малой родины».

В «гражданскую активность» вошли такие характеристики, как участие в различных мероприятиях и событиях города, волонтерская деятельность, распространение информации и новостей о городе в социальных сетях. Этот дескриптор позволяет увидеть в представлениях о локальном патриотизме стремление молодежи принести пользу городу и тем самым проявить себя, внести свой вклад в его развитие и иметь счастье гордиться результатами труда в местном сообществе. В настоящее время в городах и в крупных населенных пунктах активно функционируют волонтерские молодежные организации, деятельность их направлена как на оказание помощи горожанам (особенно актуальна в современных эпидемиологических условиях), так и на решение экологических задач (субботники, очистка территории, раздельный сбор мусора). В основном инициатива организации тех или

Таблица 1 – Результаты опроса студентов с целью выявления наиболее значимых дескрипторов городского патриота

№	Название дескриптора	Кол-во человек	Доля
1	История	19	68 %
2	Гражданская активность	17	61 %
3	Привязанность к городу	13	46 %
4	Защита интересов граждан, репутация города, культура	13	46 %
5	Внутренняя власть	10	38 %
6	Архитектура, памятники, достопримечательности	9	32 %
7	Гордость	9	32 %
8	Поддержание чистоты и порядка в городе	9	32 %
9	Желание чествовать город	9	32 %
10	Проявляет восхищение каждой мелочью	4	15 %
11	Уважает город, традиции	4	15 %
12	Имеет собственное видение правильного горожанина	3	11 %
13	Желает проводить все время в городе	3	11 %
14	Не выделяет себя среди других горожан, живет как другие	3	11 %
15	Ощущает гармонию и счастье в городе	3	11 %
16	Готов принести себя в жертву ради города	3	11 %

Патриотизм стал рычагом сдерживания оттока населения с бедных территорий

иных волонтерских акций принадлежит молодежным организациям, близким к органам городской власти, хотя известны примеры молодежных инициатив, имеющих неформальный характер.

Мирное сусло

Очевидно, что для молодежи свойственно стремление к ярким и необычным обстоятельствам [12]. В советское время молодежь участвовала в покорении целины, строительстве БАМа и заводов в экстремальных условиях, в стройотрядовском движении «Молодежный жилой комплекс» и др. Молодым людям в обыденной жизни не хватает экстремальности, риска, драйва, поэтому они нередко участвуют в сомнительных с точки зрения законности и правопорядка мероприятиях – от политических акций до экстремальных автогонок и вандалистских граффити. Следует сформулировать прямой запрос к муниципальной власти на создание условий для реализации нестандартных инициатив молодежного населения города с установлением правил, позволяющих направить энергию молодых горожан на пользу города.

Еще два дескриптора имеют значимый характер, так как их указали почти половина опрошенных. Они набрали по 46 % ответов. К ним относятся «Привязанность к городу» и «Защита интересов граждан, репутация города, культура».

«Привязанность к городу» студенты охарактеризовали как желание вернуться в город или прожить в нем всю жизнь, теплые воспоминания о городе, его событиях и особенностях. Дан-

ный дескриптор связан с положительным отношением к городу как близкой и родной территории; ожиданием эмоциональной поддержки и защиты со стороны городских властей, его жителей и сообществ; предложением, что реализуемые формы молодежного поведения будут приняты. Исследования показывают, что привязанность к городу, прежде всего, связана с эмоционально-смысловыми значениями города для молодых людей (место силы, эмоционально заряженный, эмоционально комфортный и др.) и функционально-содержательными возможностями для них (перспективное построение карьеры, комфортное проживание, разнообразный досуг, ресурсные источники саморазвития и др.) [13]. Поэтому городские события не должны формировать у молодежи потребительское отношение к городу, но создавать условия для появления чувства сопричастности к происходящему, к городской жизни, давать возможности заявить и проявить себя, идентифицироваться с активным городским сообществом. Это будет гарантированно формировать эмоциональные связи молодежи с пространством их жизни, с городом.

Известны примеры поддержки муниципалитетами молодежных инициатив через создание условий для реализации социально-психологических потребностей личности, которые связаны с городской средой [12]. Среди них: грантовая поддержка молодежных проектов, ориентированных на улучшение городского пространства; развитие культуры и искусства, предпринимательских инициатив, образовательных программ.

Достижение успеха, признание, долгосрочные перспективы – именно на это рассчитывает молодежь, оставаясь в городе. Часто отсутствие вовлеченности властей в реализацию молодежных интересов и потребностей создает впечатление, что эта возрастная группа является чужой и инородной для города.

Еще один дескриптор «Защита интересов граждан, репутация города, культура» связан с отстаиванием чести своего города, организацией культурного просвещения горожан. В целом данный дескриптор отражает имидж города, его значимость среди других городов страны, предоставление возможностей для реализации различных видов не только профессиональной, но и досуговой деятельности, создание комфортного проживания, высокооплачиваемых рабочих мест, эффективного использования свободного времени. Данный дескриптор характеризует нравственное отношение к городу, связанное с чувством гордости, восхищением от впечатляющих и вполне заслуженных перспектив его пространственного развития, отрицанием даже намека быть отчужденным от жизни городского сообщества.

Защита репутации города предполагает высокую активность за признание высокого статуса города в сознании его жителей. Екатеринбург имеет достаточно противоречивый имидж. С одной стороны, это вызывающие гордость периоды, связанные с индустриализацией страны, героическим трудом горожан в годы Великой Отечественной войны на нужды фронта [14]. С другой – это место расстрела царской семьи, граница Европы-Азии – своеобразная черта на краю континентов, искусственно уничтожающие оценки («Город босов», «Грязебург» – дискуссионные и сложные для восприятия, иногда противоречивые с точки зрения обще-

Серийное появление комфортных мест для самореализации молодежи станет триггером городского патриотизма

ственной оценки и культивирования чувства уважения к городу (дескрипторы).

Перспектив молодости

Тем не менее, за последние годы в Екатеринбурге появилось достаточно много заманчивых культурных событий, отражающих особенности города и создающих его привлекательный образ среди других городов-миллионников. К ним относятся: Уральская индустриальная биеннале современного искусства, Филармонические фестивали, Царские дни, Уральская ночь музыки, Венский фестиваль музыкальных фильмов, Иннопром, Форум 100+, различные фестивали современного танца и др. В городе работают и реализуют неповторимые проекты учреждения культуры и искусства – Ельцин центр, Музей наивного искусства, Музей Э. Неизвестного, Музей военной техники, Театр Н. Коляды, Театр «Урал Опера Балет» и др.

Культурная жизнь играет в настоящее время очень значимую роль в привлечении внимания к городу и формировании городского патриотизма. Студенты абсолютно правомерно связывают развитие культуры города с защитой его интересов, чести и достоинства. Именно культурная жизнь является инструментом формирования городского патриотизма среди молодежи как наиболее активной аудитории культурных событий. Скудная, однообразная жизнь не привлекает молодежь. Кроме того, расширение возможностей для проведения досуга, создание так называемых

«третьих мест» для комфортного общения и творческой самореализации молодежи безусловно станет триггером городского патриотизма.

Еще один блок дескрипторов городского патриота составили характеристики, набравшие около трети голосов участников опроса. В него вошли: «Внутренняя власть» (38 %), «Архитектура, памятники, достопримечательности» (32 %), «Гордость» (32 %), «Поддержание чистоты и порядка в городе» (32 %), «Желание чувствовать город» (32 %). Эти характеристики патриотичного горожанина также связаны с его активной деятельностью.

«Внутренняя власть»: общение с администрацией города, доверие к городским властям, способность влиять на изменения и предлагать пути решения различных городских проблем, уверенность в том, что его голос будет услышан, желание внести свой вклад в развитие города.

«Архитектура, памятники, достопримечательности». Сохранение культурного наследия, наличие фотографий с достопримечательностями, посещение культурных событий города.

«Гордость»: понимание уникальности города, его особенностей, исторических достижений горожан, конкретных людей, проживающих в городе и прославляющих его своими достижениями (особенно в сфере культуры и искусства).

«Поддержание чистоты и порядка в городе»: участие в субботниках, соблюдение порядка, создание новых парков, объектов, украшающих город.

«Желание чувствовать город»: восхваление города, «хвастовство», воспевание города как лучшего места на земле – все это должно присутствовать в городском пространстве, в городском сообществе. Если не обращать внимания на лучшие стороны, то горожане и не будут знать, что же хорошего в том городе, где они родились и живут. Многие, только переехав, начинают осознавать свою идентичность с родным городом.

Другие дескрипторы не набрали большого количества голосов. Максимальное значение у них колеблется между 10 % и 15 %. Это такие, как «Проявляет восхищение каждой мелочью», «Уважает городскую историю, традиции», «Имеет собственное видение правильного горожанина», «Желает проводить все время в городе», «Не выделяет себя среди других горожан, живет как другие», «Ощущает гармонию и счастье в городе», «Готов принести себя в жертву ради города». В основном: эти дескрипторы являются частными случаями рассмотренных выше. Тем не менее, их можно использовать как уточняющие в понимании сущности патриотично настроенного горожанина.

Гении места

В целом, исходя из полученных описаний, можно обозначить наиболее значимые характеристики городского патриота с позиций современной молодежи и определить пути формирования данного качества усилиями городских властей и сообществ.

Данное исследование, безусловно, не может претендовать на всеобъемлющее представление городского патриота у молодежной аудитории, но дает ценностные ориентиры в создании условий для развития такого качества. Возможно, требуется более широкая аудитория, так как опрошенные студенты

осваивают профессии в сфере культуры и искусства, поэтому на их описание чувств городского патриота достаточно часто влияет выбранная ранее сфера профессиональных интересов.

Кроме того, формирование чувства городского патриотизма не может рассматриваться изолированно от других уров-

ней проявления данного качества – глобального, национального, локального (район, улица), так как они вполне могут вступать в конфликт друг с другом [15]. Однако, делая акцент на формировании основы для национального или глобального патриотизма, не стоит недооценивать силу энергии патри-

отизма городского. Становление ценностных качеств, к которым принадлежит и патриотизм, невозможно представить без трепетного чувства любви к тому месту, где живешь. А задача городских властей – создать условия для выражения этого чувства с поправкой на «молодежную специфику». ■

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

- [1] Борохов Э. (2000). Энциклопедия афоризмов (Мысль в слове). М.: ООО «Издательство АСТ». 720 с. С. 372–373.
- [2] Кузнецова А.М., Кузнецов А.Е. (2015). Антиномии смыслов: патриотизм VS космополитизм // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 14А. С. 10–17.
- [3] Какие формы народного творчества рождает патриотизм? // ПостНаука. URL: <https://postnauka.ru/video/52639> (дата обращения: 11.11.2021).
- [4] Галактионова Н.А. (2015). Соотношение центра и периферии в провинциальной идентичности // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». № 3. С. 94–98.
- [5] Чупров А.С. (2003). О принципе конкурентоспособности в управлении городом // Вестник Челябинского государственного университета. Т. 7. № 1. С. 5–7.
- [6] Молочников Н.Р. (2005). Региональная конкурентоспособность: предметы конкуренции и методы оценки // Российское предпринимательство. № 1. С. 19–24.
- [7] Фатхутдинов Р.А. (2005). Стратегический менеджмент: Учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Дело. 448 с. С. 141.
- [8] Нифаева О.В. (2014). Цивилизованная модель экономических отношений в России: институциональный подход // Научные труды Вольного экономического общества России. Т. 184. С. 361–368. С. 362.
- [9] Александров Р.Ю. (2009). Автономность молодежной субкультуры // Научная мысль Кавказа. № 1 (57) С. 58–62.
- [10] Шогенова Ф.З. (2018). Современные ценностные ориентации молодежи (социологический аспект) // Вестник АГУ. Вып. 2 (219). С. 126–131.
- [11] Ружа В.А. (2009). Формирование патриотизма у студенчества: социологический анализ // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. № 3-4. С. 150–154.
- [12] Харзинова В.М. (2016). Социально-психологическая характеристика молодежи и причины ее становления объектом вовлечения в экстремистские и террористические группы // Общество: социология, психология, педагогика. № 2. С. 72–75.
- [13] Резниченко С.И. (2016). Феноменология привязанности к дому в разные возрастные периоды: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук: 19.00.13. Психология развития, акмеология. Москва. 29 с.
- [14] Ефремова У.П., Дудина М.М., Хаматнуров Ф.Т. (2017). Исследование трудового подвига страны в годы Великой Отечественной войны как условие формирования патриотизма молодежи // Современные проблемы науки и образования. № 2. С. 188.
- [15] Папба Д.А. (2015). Интегративный потенциал патриотизма: политико-семантический анализ // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. № 3. С. 87–97.

THE PERCEPTIONS OF URBAN PATRIOTISM AMONG THE YOUTH AS A SUBCULTURAL INDICATOR OF THE MUNICIPAL CHANGES VECTOR

ABSTRACT:

The article presents the results of the analysis of the works by the student youth, based on the subjective characteristics of an urban patriot. The research was preconditioned by the relevance of the search for ways of developing patriotic sentiments of the youth not only at the country level, but also in the urban space, and on the other hand, by the devaluation of this quality in certain popu-

AUTHORS' INFORMATION:

Marina M. Dudina

Ekaterinburg Academy of Contemporary Art (3, Kultury St., Ekaterinburg, 620012, Russia);

✉ dudinamm@gmail.com

Natal'ya A. Smirnova

Ekaterinburg Academy of Contemporary Art (3, Kultyury St., Ekaterinburg, 620012, Russia);

✉ smirnovana07@mail.ru

Anastasiya Yu. Smirnykh

Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (66, 8 Marta St., Ekaterinburg, 620144, Russia);

✉ ms.smirnykh@yandex.ru

KEYWORDS:

patriotism, urban patriot, competition between cities, urban space, youth audience, youth subculture, students.

FOR CITATION:

Dudina M.M., Smirnova N.A., Smirnykh A.Yu. (2021). The perceptions of urban patriotism among the youth as a subcultural indicator of the municipal changes vector, *Municipality: Economics and Management*, no. 4, pp. 34–40.

lation segments, including students. The research of the students' perceptions of the urban patriotism manifestation allows for the identification of the directions of the municipal authorities' efforts to create conditions for the patriotic youth formation, in Ekaterinburg in particular.

The research was based on studying the published results of scholarly articles on the issue of patriotism, its manifestations in various aspects, at different age stages, in different territorial conditions. The method of content analysis was employed. Certain results were tried out in the context of the IV International Symposium of the Ekaterinburg Academy of Contemporary Art "Urban patriotism: economics, politics and culture of local changes" (September 27–30, 2021).

Descriptors were identified, which allow for registering the perceptions of the student youth about a patriotic city resident. The system of young people's views on the urban space development is revealed, which is able to make living in the city psychologically comfortable, the formation of attachment to it, the desire to stay and constructively demonstrate their civic position. The article is addressed to scientific and practical specialists connected with various urban systems development.

REFERENCES:

- [1] Borokhov E. (2000). Encyclopedia of aphorisms (thought in the word). Moscow: LLC "Publishing AST". 720 p, pp. 372–373.
- [2] Kuznetsova A.M., Kuznetsov A.E. (2015). Antinomy of meanings: Patriotism VS Cosmopolitanism, *Bulletin of the Buryat State University*, vol. 14A, pp. 10–17.
- [3] What forms of folk creativity gives rise to patriotism? PostNauka. URL: <https://postnauka.ru/video/52639> (accessed 11.11.2021).
- [4] Galaktionova N.A. (2015). The ratio of the center and periphery in the provincial identity, *Bulletin of the Omsk University. Series: Economics*, no. 3, pp. 94–98.
- [5] Chuprov A.S. (2003). On the principle of competitiveness in the management of the city, *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, vol. 7, no. 1, pp. 5–7.
- [6] Molochnikov N.R. (2005). Regional competitiveness: Competition objects and evaluation methods, *Russian Entrepreneurship*, no. 1, pp. 19–24.
- [7] Fathutdinov R.A. (2005). Strategic Management. Textbook. 4th ed., red. and add. Moscow: Delo. 448 p. Pp. 141.
- [8] Nifaeva O.V. (2014). A civilized model of economic relations in Russia: an institutional approach, *Scientific works of the Volga Economic Society of Russia*, vol. 184, pp. 361–368, p. 362.
- [9] Alexandrov R.Yu. (2009). Autonomy of youth subculture, *Scientific thought of the Caucasus*, no. 1 (57), pp. 58–62.
- [10] Shogenova F.Z. (2018). Modern value orientations of young people (sociological aspect), *Bulletin of AGU*, vol. 2 (219), pp. 126–131.
- [11] Ruzha V.A. (2009). Formation of patriotism in students: sociological analysis, *Bulletin of the Vyatka State Humanitarian University*, no. 3-4, pp. 150–154.
- [12] Harzinova V.M. (2016). Socio-psychological characteristics of young people and the reasons for its formation as an object of involvement in extremist and terrorist groups, *Society: Sociology, psychology, pedagogy*, no. 2, pp. 72–75.
- [13] Reznichenko S.I. (2016). Phenomenology of attachment to the house in different age periods. Abstract of Ph. D. thesis. Moscow. 29 p.
- [14] Efermova U.P., Dudina M.M., Khamaturov F.T. (2017). The study of the country's labor feat during the Great Patriotic War (Eastern Front) as a condition for the formation of youth patriotism, *Modern problems of science and education*, no. 2, p. 188.
- [15] Papba D.A. (2015). Integrative potential of patriotism: political and semantic analysis, *Bulletin of Moscow University. Series 12. Political sciences*, no. 3, pp. 87–97.

КУЛЬТУРНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПАТРИОТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ: АНАЛИЗ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ПРОГРАММ

АННОТАЦИЯ:

Статья посвящена изучению роли культурных механизмов в формировании патриотических ценностей молодежи. На основе данных традиционного анализа документов муниципальных программ патриотического воспитания городов Кургана и Екатеринбурга проводится анализ направленности, целей, задач и ожидаемых итогов реализации. Делается вывод о зависимости процессов целенаправленной патриотизации молодежи на местном уровне от многообразия культурных механизмов, формирующих патриотические ценности, степени свободы от государственного патриотизма, развития групповой солидарности местных сообществ.

При рассмотрении вопросов формирования патриотических ценностей дается понятийный анализ культурного механизма. Последний понимается как организованное взаимодействие элементов культуры, благодаря которому обеспечивается социокультурное функционирование и развитие. Цель культурного механизма – воспроизводство элементов культуры через сохранение ее носителей (социальных групп).

Патриотизм, как проявление общественного сознания, представляет собой социокультурную ценность. Культурные механизмы, формирующие патриотические ценности молодежи, направлены на институционализацию нормативно-ценностной системы патриотизма и призваны выработать групповую солидарность. Социологический анализ культурного механизма в данном случае включает выявление явных и латентных функций патриотических ценностей в обществе.

В статье делается попытка рассмотреть патриотическое воспитание как культурный механизм формирования патриотических ценностей молодежи. Вместе с тем предполагается, что только многообразие и динамичность культурных механизмов формирования патриотических ценностей молодежи может обеспечить устойчивость последних, реализовать интересы муниципальных образований наряду с интересами государства.

Популярной темой последних десятилетий в отечественной науке является формирование патриотичности российских граждан, равно как и российской идентичности. Предлагаются различные подходы к уточнению границ патриотизма граждан России, выявлению особенностей различных этнических, профессиональных, возрастных групп; кроме того предлагаются результаты глубоких эмпирических исследований, а также мониторингов общественного мнения.

Дилеммы регулирования патриотизма

Уточнение границ феномена патриотизма и патриотичности российских граждан – отдельное глобальное направление отечественной науки, которое затрагивает различные области знаний. Со стороны государственных и муниципальных органов власти формируется запрос на получение актуальных данных о его природе, характере протекающих внутри него процессов, факторах, оказыва-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Горбунов Алексей Владимирович

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19)

✉ alex-glass@yandex.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

культурный механизм, механизм культуры, патриотизм, патриотизация, система ценностей, патриотические ценности.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Горбунов А.В. Культурные механизмы формирования патриотических ценностей: анализ муниципальных программ // Муниципалитет: экономика и управление. 2021. № 4. С. 41–48.

ющих влияние на его функционирование. Данный запрос имеет различный предмет анализа, поскольку и интересы государственных и муниципальных структур в области патриотических явлений существенно различаются и могут находиться в состоянии конкуренции.

В отношении молодежи на федеральном уровне процесс «патриотизации» пошел по пути институционализации [1], завершившись получением официального правового статуса в июле 2020 г. с внесением изме-

нений в Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». В п. 2 ст. 2 этого закона воспитание определяется как деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самореализации и социализации обучающихся на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства, формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, природе и окружающей среде [2]. Важным этапом данного процесса также стало образование официальных федеральных объединений: общероссийской общественно-государственной детско-юношеской организации «Российское движение школьников» в 2015 г. и всероссийского детско-юношеского военно-патриотического общественного движения «ЮН-АРМИЯ» в 2016 г.

Важным аспектом реализации положений федерального закона в отношении патриотического воспитания граждан в социокультурном контексте российских регионов и конкретных муниципальных образований стала вариативность содержания соответствующих программ, которая позволяет оценить различия местных сообществ в понимании феномена патриотизма и в задачах патриотизации их молодежи.

Итак, актуальность дискурса о патриотизме в настоящее время зафиксирована и в научной сфере, и в сферах государственного и муниципального регулирования.

Устойчивость патриотическим ценностям дает лишь одно – культурное многообразие

Роль культурных механизмов в формировании патриотизма

Термин «патриотизм» широко используется в обыденной и официальной коммуникации [3], поэтому многие авторы стремятся конкретизировать его содержание через различные субъектные признаки: «гражданский», «государственный»¹, «национальный» или «патриотическая идентичность» и пр. Объединяет все подходы то, что патриотизм трактуется как сложная нормативно-ценностная система с признаками самоидентификации и групповой солидарности через общность истории и (или) территориальной принадлежности. То есть патриотизм как проявление общественного сознания представляет собой некую социокультурную ценность.

Необходимо обозначить, что как и в случае с «ценностью» и «ценностной ориентацией», понятия «патриотические ценности» и «патриотические ценностные ориентации» не идентичны. Патриотические ценности, в отличие от ценностных ориентаций, – это реально действующие имманентные образования, выступающие регуляторами поведения индивидов вне зависимости от их отражения в сознании [4].

Патриотические ценности формируются как культурные артефакты, имеющие соответствующее объективное и символическое содержание [5], а также как паттерны поведения ин-

дивидов в ситуациях, символически отраженных в общественном сознании в качестве значимого опыта социальной группы. Соответственно, патриотические ценности различных социальных групп будут различаться. Социокультурная динамика и межкультурное взаимодействие унифицируют многие культурные ценности, но не способны сделать системы патриотических ценностей идентичными в различных социальных группах. Ярким примером данного тезиса может служить практика оскорбления национальных и (или) религиозных чувств представителей различных государственных, профессиональных или национальных общностей при уничтожении или осквернении культурных артефактов (национальных флагов, объектов религиозного культа, героической символики). В каждом случае, несмотря на схожесть многих элементов, системы патриотических ценностей различных социальных групп остаются различными, в том числе из-за вариативности их исходного значения для общей системы ценностей данной социальной группы.

Приведенный пример ярко отражает патриотические феномены на макроуровне – уровне государственного патриотизма – и значительно менее актуален для уровня муниципальных образований в рамках российской действительности, поскольку противостояния городов, в том смысле, как это было характерно для исторической традиции, например, городов Европы, не имеют мейнстримного характера.

Таким образом, возвращаясь к тезису о социокультурном

¹ Далее для обозначения уровня анализа (макроуровня) в статье будет использоваться термин «государственный патриотизм», без попытки анализа его глубинного содержания и выделения в качестве приоритетного по отношению к другим конкурирующим терминам.

контексте вариативности программ патриотического воспитания граждан на местном уровне, мы обнаруживаем существенные различия в понимании феномена патриотизма и в вытекающих из этого понимания задачах, которые ставит перед собой местный истеблишмент при реализации единой, казалось бы, цели по патриотизации российского населения.

Нельзя не упомянуть, что в сознании российских граждан «патриотизм» как лексическая единица достаточно однороден. По данным эмпирических исследований, полученных авторитетными структурами по мониторингу общественного мнения, толкование патриотизма имеет аффективную природу и устойчиво ассоциируется с понятием «любовь к Родине». Так, по данным опроса, проведенного Центром исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ в декабре 2020 г. при выборке из 2 003 человек, 67 % опрошенных на вопрос «Что значит «быть патриотом»?» ответили «любить свою страну», 26% – «работать/действовать во благо/для процветания страны» [6]. С ними коррелируют данные, полученные

Всероссийским центром общественного мнения, который в феврале 2020 г. опросил 1 600 россиян методом телефонного интервью: 85% опрошенных отметили, что «человек, не испытывающий любви к Родине, не может быть патриотом» [7].

Очевидно, что в этом смысле аффективная сторона патриотичности российских граждан при однородности ответов респондентов не может иметь существенных вариаций социокультурного контекста традиций патриотизма, с одной стороны, направлений патриотизации граждан, с другой.

О социокультурном контексте мы должны говорить, рассматривая прочие структурные элементы патриотичности.

Представляется, что культура создает и поддерживает некоторые ценностные системы, к которым мы можем отнести и «патриотизм». В онтологическом смысле эти ценностные системы призваны обеспечить функционирование самой культуры. В этом случае термин «механизм культуры» (объективация, отчуждение, интеграция, трансляция, пролепсис и др.) отличается от «культурного механизма». Последний в данной

статье понимается как организованное взаимодействие элементов культуры, благодаря которому обеспечивается социокультурное функционирование и развитие. Культурный механизм задает правила и границы, направленные на воспроизводство элементов культуры через сохранение ее носителей, т. е. обеспечивает в узком смысле, воспроизводство социальной группы, а не культуры.

В целях реализации конкретных положений закона «Об образовании» в России реализуется Федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» национального проекта «Образование» на 2021–2024 гг., в котором конкретизируется понятие патриотического воспитания как воспитания патриотической личности, характеризующегося развитием в гражданине фундаментальной личностной установки, которая определяет оценочную позицию человека по отношению к социокультурной действительности и мотивирует общественно значимую деятельность, в которой эта позиция выражается. Патриотизм как приобретенное качество, является предметом передачи – темой воспитания [8].

Культурные механизмы формирования патриотических ценностей в качестве объекта социологического анализа выступают как способ воспроизводства социальной группы посредством институционализации нормативно-ценностной системы патриотизма. Задача культурных механизмов формирования патриотических ценностей – помочь обеспечить самоидентификацию индивидов и выработать групповую солидарность, обеспечив общность целей в развитии социальной группы. Кроме того, социологический анализ данного объекта будет включать выявление латентных функций патриотических ценностей в обществе (например, влияние на

Волонтеры Конституции. Агитация за присвоение Екатеринбургу звания «Город трудовой славы».

Сравнительная характеристика муниципальных программ по патриотическому воспитанию в Кургане и Екатеринбурге

Название:

Патриотическое воспитание граждан и подготовка допризывной молодежи города Кургана к военной службе (утв. пост. адм. г. Кургана от 10.11.2020 № 6840 [12]).

Реализация молодежной политики и патриотическое воспитание граждан в муниципальном образовании «город Екатеринбург» на 2021–2025 годы (утв. пост. адм. г. Екатеринбурга от 26.10.2020 № 2168 [13]).

Цели:

Создание условий для эффективного развития системы патриотического воспитания граждан, проживающих на территории города Кургана, повышения уровня консолидации общества для решения задач обеспечения национальной безопасности, укрепления чувства сопричастности граждан города Кургана к великой истории и культуре России, обеспечения преемственности поколений, воспитания гражданина, уважающего память защитников Отечества и подвиги Героев Отечества, закон и правопорядок, человека труда и старшее поколение, имеющего активную жизненную позицию.

Создание условий для успешного развития потенциала молодежи и ее эффективной самореализации, развитие системы гражданско-патриотического воспитания горожан в интересах социально-экономического, общественно-политического и культурного развития муниципального образования «город Екатеринбург».

Задачи:

- 1) совершенствование процесса патриотического воспитания граждан города Кургана, формирование чувства патриотизма и гражданственности, уважительного отношения к старшему поколению, к исторической памяти и традициям народа России;
- 2) обеспечение подготовки допризывной молодежи города Кургана в Вооруженных Силах Российской Федерации;
- 3) обеспечение условий для развития добровольческого (волонтерского) движения и деятельности общественных объединений патриотической направленности.

- 1) реализация проектов по приоритетным направлениям работы с молодежью;
- 2) реализация проектов и мероприятий, направленных на формирование активной гражданской позиции, толерантного сознания, семейных ценностей, национально-государственной идентичности и на профилактику экстремизма;
- 3) развитие сети и обеспечение деятельности муниципальных учреждений, реализующих молодежную политику;
- 4) развитие системы повышения компетенций специалистов муниципальных учреждений, реализующих молодежную политику, и патриотического воспитания;
- 5) поддержка и развитие позитивного информационного пространства для молодежи.

Финансирование:

1,1 млн руб. из бюджета муниципального образования.

2 879,0 млн руб., из которых 99,95% – средства бюджета муниципального образования, 0,05% – средства бюджета Свердловской области.

Ожидаемые результаты:

Реализация программы обеспечит совершенствование нормативного и организационно-методического сопровождения патриотического воспитания, формирование у граждан города Кургана чувства патриотизма, увеличение числа граждан, в том числе молодежи, вовлеченных в мероприятия по патриотическому воспитанию, увеличение числа граждан, направляемых на службу в вооруженные силы РФ, увеличение численности обучающихся, вовлеченных в деятельность общественных объединений патриотической направленности и др.

Реализация программы обеспечит увеличение количества участников проектов и мероприятий в сфере молодежной политики и гражданско-патриотического воспитания, в том числе в качестве организаторов мероприятий, увеличение охвата подростков и молодежи деятельностью общественных объединений, волонтерских сообществ, трудовой занятостью, предпринимательской деятельностью, повышение информационной доступности по вопросам реализации молодежной политики и патриотического воспитания, повышение квалификации специалистов и совершенствование материально-технической базы муниципальных учреждений, реализующих молодежную политику и т. д.

демографические процессы, экономическое и политическое поведение индивидов, развитие духовной сферы) и девиантные проявления, энтропийный потенциал сформировавшейся нормативно-правовой системы.

Сравнительный анализ муниципальных программ

С точки зрения тезиса о значимости культурных механизмов формирования патриотических ценностей был проведен сравнительный анализ муниципальных программ патриотического воспитания городов Кургана и Екатеринбурга (методом анализа документов).

Два города достаточно сильно различаются между собой. При том, что Курган и Екатеринбург расположены друг от друга на расстоянии всего 332 километра и расположены на территории Уральского федерального округа, жители традиционно относят себя к разным географическим территориальным группам. Курганцы называют себя зауральцами, а екатеринбуржцы – уральцами. Достаточно существенно различаются демографические показатели городов² и их экономический потенциал³. Города Кургана и Екатеринбург – столицы субъектов Российской Федерации, но Курган традиционно относится к провинции, тогда как Екатеринбург является центром

² По данным официальной статистики, население Кургана на 1 января 2021 г. составляло 309,3 тыс. чел., в возрасте до 18 лет – 66,2 тыс. (21,4%), старше 60 лет – 75,9 тыс. (24,5%). Население Екатеринбурга составляло 1 527,5 тыс., в возрасте до 18 лет – 319 тыс. (20,8%), старше 60 лет – 308,5 тыс. (20,2%). Для обоих городов характерна естественная убыль населения, правда, в Кургане она более внушительная – 6,7%, в Екатеринбурге – 1,9%. Для Кургана характерен миграционный отток, который в 2020 г. составил 944 чел., для Екатеринбурга миграционный прирост в 2020 г. составил 4 336 человек. В национальном составе обоих муниципальных образований преобладают русские, большие диаспоры татар, украинцев, башкир, в Кургане – также и казахов из-за того, что Курганская область соседствует с Республикой Казахстан [9].

федерального округа и имеет статус «столицы Урала».

Проведём детальное сравнение программ по патриотическому воспитанию в обоих муниципалитетах.

Программы утверждены почти одновременно, принимались в одинаковом общественно-политическом пространстве российского социума. Обе программы выделяют в отдельную тему молодежь как объект воздействия, вместе с тем кардинально различается декларируемая направленность работы с молодежью по границе противопоставления «военный – гражданский».

Конечно, необходимо отметить и влияние властей субъектов Российской Федерации, в которых «живут» анализируемые муниципальные образования. Так, в Курганской области действует государственная программа «Патриотическое воспитание граждан, допризывная подготовка граждан, допризывная подготовка молодежи и развитие добровольчества (волонтерства)», утвержденная постановлением Правительства Курганской области от 08.04.2021 № 80 со сроком реализации до 2026 г. В Свердловской области действует государственная программа «Реализация молодежной политики и патриотического воспитания граждан в Свердловской области до 2024 года», утвержденная постановлением Правительства Свердловской области от 29.12.2017 № 1047-ПП. Кроме того, в 2019 г. утверждена Стратегия молодежной политики и патриотического вос-

В противовес курганцам, Екатеринбург преломляет тему патриотического воспитания через призму собственных интересов

питания граждан в Свердловской области на период до 2035 г.

Цель, сформулированная курганским истеблишментом, дается в терминах, характерных для государственного патриотизма и прямо отсылает нас к федеральному законодательству [1], цитируя положения федерального закона № 273-ФЗ «Об образовании». Тем самым, фиксируется отсутствие субъектности местного сообщества, отсутствие декларации о наличии его собственных интересов.

В противовес курганцам, программу патриотического воспитания граждан Екатеринбург преломляет через призму собственных интересов, и, более того, выводит ее на главную роль.

Маркерной в Программах является и терминология об объекте воздействия и конечной цели реализации интересов по границам противопоставления «гражданин – горожанин», «страна – город».

По сути, Курган не декларирует интересы местного сообщества, а Екатеринбург именно в конкретизации указанных задач переходит от муниципального уровня на макроуровень, обращаясь не только к общероссийским, но и общечеловеческим ценностям.

В программе Курганского муниципалитета характеристика проблемы отсутствует, заменена информацией о проведенных ранее мероприятиях, а также увязывается с изменениями положений федерального закона № 273-ФЗ «Об образовании» в части введения законодателями термина «воспитание».

В Екатеринбурге наряду с положительной оценкой проведенных в прошлые годы мероприятий отмечается потребность в консолидации деятельности общественных организаций, реализующих системные долгосрочные проекты в сфере воспитания патриотизма, гражданственности и ответственного городского гражданства, межведомственного взаимодействия органов местного самоуправления, общественных организаций и объединений в сфере допризывной подготовки и патриотического воспитания детей, подростков и молодежи, модернизации методов и форм работы с молодыми семьями.

Кроме того, отмечается ухудшение состояния здоровья, несоответствие жизненных установок, ценностей и моделей поведения молодых людей потребностям общества, недостаточная численность патриотично настроенной молодежи, а также молодежи со сформированным чувством уважения к культурному и историческому прошлому России, традициям ее народов.

Вероятно, главным противопоставлением двух программ является осознание проблем местным сообществом. Не пытаясь дать оценку репрезентативности обозначенных или не обозначенных проблем, мы констатируем разный уровень субъектности (осознания себя как социума, отделенного от других социокультурных общностей), заложенного потенциала реализации, разного уровня самоанализа и, как следствие, структу-

³ Бюджет Кургана на 2021 г. запланирован в объеме: доходы – 6,5 млрд. руб., из которых 3,9 млрд. (60%) – поступления от других бюджетов бюджетной системы РФ, расходы – 6,7 млрд. Планируемые доходы и расходы на 2022 г. – по 6,6 млрд., на 2023 г. – по 6,5 млрд. [9].

Бюджет Екатеринбурга на 2021 г. запланирован в объеме: доходы – 47,2 млрд. руб., из которых 23,8 млрд. (50,4%) – объем межбюджетных трансфертов из областного бюджета, расходы – 48,8 млрд. Планируемые доходы и расходы на 2022 г. – 44,7 и 46,4 млрд., на 2023 г. – 41,3 и 42,8 млрд. [11].

Власть считает, что формирование комфортной городской среды – задача каждого жителя. Патриотические слоганы входят в моду среди молодёжи.

рирования проблемного поля, в том числе по субъектам (молодежь, не молодежь, общественные организации, органы власти, специалисты муниципальных учреждений). В программе Екатеринбурга вновь разделяется уровень патриотизации в виде «гражданственности» и «ответственного горожанства», хотя в данном случае два термина не противоборствуют, а консолидируются.

Сравнение финансирования программы патриотического воспитания двух городов является некорректным, поскольку их задачи не совпадают. Однако можно отметить нематериальные дивиденды в виде потенциального имиджа города. На мероприятия, так или иначе связанные с «патриотизацией», или декларируемые, как таковые, в 2021–2023 гг. Курган потратит 0,005 % запланированных доходов, в то время как Екатеринбург – 2,1 %. Конвертирование информационных ресурсов патриотизации в экономические или политические выгоды – тема отдельного изучения, однако предполагаем, что она реальна и измерима.

Каждая из программ планирует достичь определенных целей, выраженных в качествен-

ных и количественных показателях, которые в данном случае оставлены за рамками и с которыми более подробно можно ознакомиться в официальных документах. Ожидаемые результаты привязаны к обозначенным целям и задачам и воспроизводят их логику. Повторимся: для Кургана характерно обращение к государственному патриотизму, реализуются его интересы, интересы местного сообщества не выделены.

Екатеринбург в то же время планирует получить собственную выгоду, реализуя «местный» патриотизм, который был обозначен в муниципальной программе, в том числе, как «ответственное горожанство».

Запрос на многообразие культурных механизмов

Нормативно-ценностные системы «местного» патриотизма позволяют запустить процессы положительной самоидентификации человека, если в местном сообществе действуют многообразные культурные механизмы, преодолевающие силу культурных механизмов, действующих на государственном уровне. Групповая солидарность местных сообществ должна в таком случае

получить определенную социокультурную ценность в глазах членов местного сообщества.

При этом патриотичность членов конкретного местного сообщества в отличие от государственного патриотизма не может существовать только как аффективная категория «любви к малой родине (зоне комфорта, территории с высоким показателем качества жизни и т. п.)».

Это конкурирующая величина, поскольку и другие местные сообщества могут предложить свою привлекательную концепцию малой родины, зоны комфорта и т. д. При этом переезд человека из одного российского города в другой практически не воспринимается в массовом сознании как непатриотичность, «маленькое» предательство к сообществу (в сравнении с переездом в другую страну). Переезд из города в другой город, вероятно, может породить эффект «множественного», «переменного», «маятникового», «ностальгического» патриотизма и множество других его феноменов. Культурные механизмы формирования патриотических ценностей поэтому более динамичны, чем сами патриотические ценности.

Таким образом, патриотическое воспитание как культурный механизм формирования патриотических ценностей, в первую очередь молодежи, сегодня признан и используется на государственном и муниципальном уровнях. Другие культурные механизмы пока не получили соответствующей оценки и нуждаются в осмыслении. Их многообразие наталкивает на вывод о том, что повышение положительного влияния работающих культурных механизмов, а также привлечение и создание новых могут более эффективно формировать патриотические ценности различных групп населения, обеспечивать устойчивость этих социальных групп. ■

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

- [1] Коровникова Н.А. (2018). Патриотизация как условие инновационного развития // Россия: тенденции и перспективы развития. № 13-1. С. 170–172. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/patriotizatsiya-kak-uslovie-innovatsionnogo-razvitiya> (дата обращения: 07.11.2021).
- [2] Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 07.11.2021).
- [3] Санина А.Г. Формирование российской идентичности: гражданско-государственный подход. URL: <https://ecsocman.hse.ru/data/2013/04/04/1251448439/Sanina.pdf> (дата обращения: 07.11.2021).
- [4] Леонтьев Д.А. (1996). Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. № 4. С. 15–26.
- [5] Коул М. Культурные механизмы развития. URL: <https://www.psychology-online.net/articles/doc-1126.html> (дата обращения: 07.11.2021).
- [6] Патриотизм: эмоции или действие? // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <https://www.hse.ru/news/science/446471871.html> (дата обращения: 07.11.2021).
- [7] Россияне объяснили, как они понимают патриотизм // ВЦИОМ. Новости. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiyane-obyasnili-kak-oni-ponimayut-patriotizm> (дата обращения: 07.11.2021).
- [8] О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы» : Постановление Правительства Российской Федерации от 30.12.2015 № 1493. URL: <http://static.government.ru/media/files/8qqYUwvzHUxzVkhHjsKAErrx2dE4qOws.pdf> (дата обращения: 07.11.2021).
- [9] Основные показатели социально-экономического положения муниципальных образований // Управление Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области. URL: https://sverdl.gks.ru/main_indicators (дата обращения: 07.11.2021).
- [10] О бюджете города Кургана на 2021 год и плановый период 2022 и 2023 годов : Решение Курганской городской Думы от 28.12.2020 № 195. URL: <https://www.kurgan-city.ru/newclerk/1/225702/> (дата обращения: 07.11.2021).
- [11] О бюджете муниципального образования «город Екатеринбург» на 2021 год и плановый период 2022 и 2023 годов : Решение Екатеринбургской городской Думы седьмого созыва от 22.12.2020 № 37/45 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/571053795> (дата обращения: 07.11.2021).
- [12] Об утверждении муниципальной программы «Патриотическое воспитание граждан и подготовка допризывной молодежи города Кургана к военной службе» : Постановление Администрации города Кургана от 10.11.2020 № 6840 // Муниципальное образование город Курган. URL: <https://www.kurgan-city.ru/newclerk/6319/224669/> (дата обращения: 07.11.2021).
- [13] Об утверждении муниципальной программы «Реализация молодежной политики и патриотическое воспитание граждан в муниципальном образовании „город Екатеринбург“ на 2021–2025 годы» : Постановление Администрации города Екатеринбурга от 26.10.2020 № 2168 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/570970379> (дата обращения: 07.11.2021).

CULTURAL MECHANISMS OF THE PATRIOTIC VALUES FORMATION: MUNICIPAL PROGRAMS ANALYSIS

AUTHORS' INFORMATION:

Aleksey V. Gorbunov

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russia)
✉ alex-glass@yandex.ru

KEYWORDS:

cultural mechanism, mechanism of culture, patriotism, patriotization, system of values, patriotic values.

ABSTRACT:

The article is devoted to examining the role of cultural mechanisms in the formation of patriotic values of the youth. Based on the data of the traditional analysis of documents of municipal programs of patriotic education in the cities of Kurgan and Ekaterinburg, the direction, goals, objectives and the expected implementation results are analyzed. The conclusion is made about the dependence of the processes of purposeful patriotization of the youth at the local level on the variety of cultural mechanisms forming patriotic values, on the degree of freedom from national patriotism, the development of group solidarity of local communities.

Considering the patriotic values formation, a conceptual analysis of the cultural mechanism is provided, which is understood as organized interaction of cultural elements, due to which socio-cul-

tural functioning and development is ensured. The purpose of cultural mechanism is the reproduction of elements of culture through the preservation of its bearers (social groups).

Patriotism, as a manifestation of public consciousness, is a socio-cultural value. The cultural mechanisms, forming the patriotic values of the youth, are focused on the normative-value patriotism system institutionalizing and called on to develop group solidarity. The sociological analysis of cultural mechanism in this case includes revealing of explicit and latent functions of patriotic values in society.

The article attempts to consider patriotic education as a cultural mechanism of the formation of patriotic values of the youth. At the same time, it is assumed that only the diversity and dynamism of cultural mechanisms for the formation of patriotic values of the youth can provide for the stability of the latter, to realize the municipal interests along with the national ones.

FOR CITATION:

Gorbunov A.V. (2021). Cultural mechanisms of the patriotic values formation: municipal programs analysis, *Municipality: Economics and Management*, no. 4, pp. 41–48.

REFERENCES:

- [1] Korovnikova N.A. (2018). Patriotization as a condition of innovative development, Russia: trends and development prospects, no. 13-1, pp. 170–172. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/patriotizatsiya-kak-uslovie-innovatsionnogo-razvitiya> (accessed 07.11.2021).
- [2] On education in the Russian Federation. Federal Law no. 273-FZ dated 29.12.2012 (rev. from 02.07.2021). ConsultantPlus. URL: <http://www.consultant.ru/> (accessed 07.11.2021).
- [3] Sanina A.G. Formation of Russian identity: civil-state approach. URL: <https://ecsocman.hse.ru/data/2013/04/04/1251448439/Sanina.pdf> (accessed 07.11.2021).
- [4] Leontiev D.A. (1996). Value as an interdisciplinary concept: the experience of multidimensional reconstruction, Questions of philosophy, no. 4, pp. 15–26.
- [5] Cole M. Cultural mechanisms of development. URL: <https://www.psychology-online.net/articles/doc-1126.html> (accessed 07.11.2021).
- [6] Patriotism: emotions or action? National Research University Higher School of Economics. URL: <https://www.hse.ru/news/science/446471871.html> (accessed 07.11.2021).
- [7] Russians explained how they understand patriotism. VTsIOM. News. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/rossiyane-obyasnili-kak-oni-ponimayut-patriotizm> (accessed 07.11.2021).
- [8] On the State Program "Patriotic Education of Citizens of the Russian Federation for 2016–2020". Decree of the Government of the Russian Federation no. 1493 dated 30.12.2015. URL: <http://static.government.ru/media/files/8qqYUwwzHUxzVkhHjsKAErrx2dE4q0ws.pdf> (accessed 07.11.2021).
- [9] The main indicators of the socio-economic situation of municipalities. Office of the Federal State Statistics Service in the Sverdlovsk Region and the Kurgan region. URL: https://sverdl.gks.ru/main_indicators (accessed 07.11.2021).
- [10] On the budget of the city of Kurgan for 2021 and the planning period of 2022 and 2023. Decision of the Kurgan City Duma no. 195 dated 28.12.2020. URL: <https://www.kurgan-city.ru/newclerk/-1/225702/> (accessed 07.11.2021).
- [11] On the budget of the municipality "city of Ekaterinburg" for 2021 and the planning period of 2022 and 2023. Decision of the Ekaterinburg City Duma of the seventh convocation no. 37/45 dated 22.12.2020. Electronic Fund of legal, and regulatory, and technical documents. URL: <https://docs.cntd.ru/document/571053795> (accessed 07.11.2021).
- [12] On the approval of the municipal program "Patriotic education of citizens and the preparation of the pre-examination youth of the city of Kurgan to military service". Resolution of the administration of the city of Kurgan no. 6840 dated 10.11.2020. Municipal formation of the city of Kurgan. URL: <https://www.kurgan-city.ru/newclerk/6319/224669/> (accessed 07.11.2021).
- [13] On approval of the municipal program "Realization of youth policy and patriotic education of citizens in the municipality 'City of Ekaterinburg' for 2021–2025". Decree of the administration of the city of Ekaterinburg no. 2168 dated 26.10.2020. Electronic fund of legal, and regulatory, and technical documents. URL: <https://docs.cntd.ru/document/570970379> (accessed 07.11.2021).

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

АННОТАЦИЯ:

Актуальность. Современные государства сталкиваются с рядом вызовов и угроз, изменяющих требования к инструментам и качеству государственного управления. На это оказывают влияние как ситуативные факторы, например, пандемия новой коронавирусной инфекции, так и системные – усложнение социальной структуры общества. Достижение высокой эффективности государственного управления в таких условиях возможно только путем вовлечения общества в деятельность органов публичной власти. Наличие институционально предусмотренных форм участия позволяет гражданской активности не выплескиваться в виде протестных акций, но абсорбироваться государством и использоваться для формирования повестки. Как общественный контроль, имеющаяся система не учитывает всю полноту запросов и социально-политической специфики интересов общества. Предлагается использовать социальный контроль.

Цель. Проанализировать влияние социального контроля на развитие патриотического потенциала муниципального образования.

Методы. Для достижения цели авторы используют сочетание политологических, социологических и междисциплинарных методов, таких как системный и институциональный, а также обращаются к описанию функционального значения политических институтов. В статье применяется анализ нормативно-правовых актов и иных управленческих документов, регулирующих общественный контроль на федеральном, региональном и муниципальном уровне. Для анализа муниципальной компоненты использованы материалы Общественной палаты Березовского городского округа, в том числе не опубликованные в открытом доступе.

Результаты. В ходе работы делается основополагающий вывод, что нормативные задачи Общественной палаты не соответствуют ее реальному функционалу. Предусмотренные функции по общественному контролю не являются востребованными на уровне местного самоуправления. Общественная палата решает ряд значимых управленческих задач, функционируя в режиме самоактуализации. Их описание и систематизация приводится в рамках данной статьи. Идентификация задач позволила выявить различия между понятиями «общественный контроль» и «социальный контроль», что позволяет проанализировать не институциональную основу деятельности институтов общественного контроля, а реальную управленческую практику.

Научная новизна. Использование понятия «социальный контроль» не является новым для отечественной управленческой науки, однако его концептуализация и применение в контексте анализа патриотического потенциала выполняется впервые.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Исаков Александр Сергеевич

Уральский институт управления,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ (620144, Россия,
Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66)

✉ as.isacov@gmail.com

Никитина Алёна Сергеевна

Уральский институт управления,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ (620144, Россия,
Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66)

✉ star-of-russia@yandex.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

социальный контроль, общественный контроль, общественная палата, патриотизм, местное самоуправление.

БЛАГОДАРНОСТИ:

Работа подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук МК-5062.2021.2.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Исаков А.С., Никитина А.А. Социальный контроль как способ повышения патриотического потенциала муниципального образования // Муниципалитет: экономика и управление. 2021. № 4. С. 49–59.

Патриотизм 1:4

Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации является значимым приоритетом системы государственного и муниципального управления. Высокая значимость обусловлена не только необходимостью обеспечения лояльности граждан как способа превенции делинквентного поведения, но и как способа повышения информированности об общих целях и задачах развития, солидаризации с ними, обеспечения гармоничного развития социума и экономики. В целях развития патриотического воспитания, в рамках национального проекта «Образование» принят федеральный проект «Патриотическое воспитание». Его ключевым показателем является вовлечение не менее 24 % граждан РФ в систему патриотического воспитания.

Для реализации этой задачи предусмотрен ряд мероприятий, ответственность за которых возложена на Министерство Просвещения РФ. Можно сказать, что данные меры составляют государственную институциональную инфраструктуру для развития патриотического потенциала страны. В соответствии с принципами федерализма, такая политика находит свою деконпозицию на уровне субъектов и муниципальных образований. Однако интенции в рамках стратегического планирования представляют собой развитие по методу «сверху вниз», т. е. инициатива действий находится в компетенции государства, выступающего ключевым стейкхолдером данного процесса.

В то же время существует запрос на развитие патриотического потенциала «снизу вверх». Подобный запрос предполагает, что цели патриотического воспитания лежат не в области политической интеграции государственного уровня, но локализируются до места проживания человека. Поскольку государствен-

Арт-объект «Сейчас» первоначально должен был быть установлен в одном из городских парков Екатеринбурга, но, прислушавшись к общественности, творческий коллектив из трёх городов – Екатеринбурга, Нягани и Берёзовского – решил реализовать его в последнем.

ные инициативы носят преимущественно директивный характер, стейкхолдером локальных инициатив должны выступать внесударственные акторы, которые, однако, реализуют свою деятельность в легальной институциональной плоскости. В отличие от государственных акторов они обладают рядом преимуществ. Во-первых, нормативная свобода – отсутствие регулирования деятельности и возможность свободного функционирования в рамках самоактуализации. Во-вторых, инициативный вовлеченный характер деятельности – реализующие субъекты выполняют данные функции на добровольной основе и согласно собственному желанию, потребности в соучастии социальному развитию.

Стук снизу

Вроли таких акторов на муниципальном уровне выступают институты функционального представительства. Наиболее значимые из них реализуют свои социальные функции в рамках системы общественного контроля. Архитектура данной системы создана как продолжение инициативы Президента РФ, озвученной в рамках послания Федеральному Собранию РФ в 2004 году [1].

Актуальность этой системы подчеркнута и в последующих посланиях, например, в 2012 году. В её основе лежит создание нового способа представительства интересов граждан, основанного на инициации «снизу». Основными создаваемыми институтами стали общественные палаты разных уровней. Вместе с тем, суть данной системы не исчерпывалась ими. Определяющее значение имела идентификация общественного контроля как особой сферы управления, в которой граждане привлекаются для участия в процессах государственного и муниципального управления.

Дух демократии

Логика общественного контроля предполагает создание институтов-посредников между гражданином и государством, основной функцией которых является синхронизация их интересов, в процессе которого они выступали как равнозначные субъекты с собственными властными позициями. Сейчас же государство рассматривается как структура, которая должна адаптироваться под требования общества для того, чтобы обеспечить полноценную реализацию прав и свобод граждан [2].

Подобная логика максимально расширяет понимание общественного контроля и требует иной терминологической маркировки. Данная потребность возникает еще и потому, что «из-за отсутствия разделения на государственный и общественный контроль порой искажался смысл рассмотренных понятий. В результате происходило отождествление общественного контроля с понятием «общественный» [3]. Оба понятия означают организованные усилия общества и его структур, направленные на контроль за деятельностью органов государственного управления. Также в него может включаться контроль государства за своими органами и институтами [4].

В советские годы понятие «социальный контроль» составляло совокупность институтов народного контроля, а его объектом были нарушения как закона, так и дисциплины, а нарушители могли быть подвержены разным видам взысканий, в т. ч. дисквалификации [5]. В 90-е годы на смену понятию «социальный контроль» пришло понятие «демократический контроль», а также «гражданский контроль». Демократический контроль предполагал обновление концепта, актуализацию институтов народного контроля в рамках демократического устройства. В частности, демократический контроль может пониматься либо как совокупность всех форм контроля общества за деятельностью органов публичной власти, что является широким трактованием, либо – в узком значении – как отождествление «с функцией обратной связи, посредством которой объект (общество) регулирует деятельность управляющего им субъекта (государство)» [6]. В такой трактовке наличие демократического контроля является критерием устойчивости государства, возможностью воспроизводства поли-

тической системы. Гражданский же контроль является синонимичным понятием и описывает создание институтов вовлечения общества в процесс контроля за деятельностью государственных институтов в рамках соответствия их действия духу и сути демократического политического режима [7–8], что является критерием построения демократии как таковой [9]. Реализация гражданского контроля может осуществляться посредством гражданских инициатив [4].

Стук сверху

Иной взгляд предполагает, что понятие «гражданский контроль» является синонимом понятия «общественный контроль» [10, с. 13]. В то же время понятие общественного контроля широко освещено в отечественной научной литературе. Так, одно из его определений гласит следующее: «Негосударственный контроль общественных объединений и отдельных граждан (т. е. субъектов, не наделенных государственными полномочиями) за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, их должностных лиц» [11]. Данное определение подчеркивает, что реализация общественного контроля происходит вне государства и в отсутствии государственных полномочий. Реализация контроля лежит на плечах, прежде всего, общественных организаций и иных негосударственных акторов [12]. В такой интерпретации подав-

ляющее большинство структур общественного контроля должно создаваться «снизу» по инициативе граждан.

Понятие «общественный контроль» является единственным из концептуального ряда, имеющим нормативное закрепление.

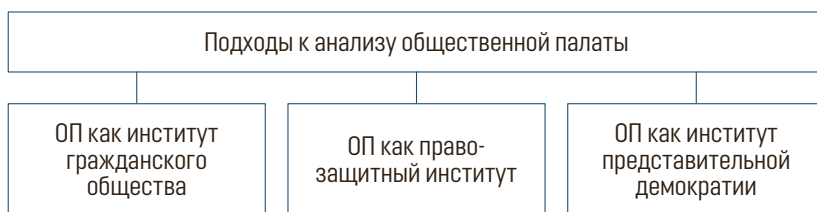
Общественный контроль является описанием функциональной деятельности институтов, тогда как социальный контроль – общее понятие, которое включает в себя как институты, так и их деятельность. Такой подход позволяет анализировать не только функционирование структур, предусмотренных законодательством, но и специальные форматы. Например, особым направлением социального контроля является противодействие коррупции, что не является объектом общественного контроля [14]. Отмечается, что социальный контроль направлен на оценку рациональности расходования выделяемых государством ресурсов и имеет целью противодействие экономической преступности [15]. Соответственно, любая деятельность в рамках социального контроля может быть нацелена на любые значимые для социума сферы общественной жизни.

С той же позиции можно подойти к анализу общественных палат разного уровня. В этом отношении имеется три подхода.

Все три подхода предполагают, что работа общественной палаты не сводится к функциям общественного контроля, но представляет собой социальный контроль – деятельность по ши-

«Общественный контроль – деятельность субъектов общественного контроля, осуществляемая в целях наблюдения за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, а также в целях общественной проверки, анализа и общественной оценки издаваемых ими актов и принимаемых решений.»

Статья 4 Федерального закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в РФ»

рокому неопределенному кругу общественно значимых вопросов, выполняемых гражданами добровольно, в основе которой лежит принцип функционального представительства.

Основными элементами социального контроля являются наличие специальной инфраструктуры, наличие культуры её использования гражданами и желание участвовать в ее развитии. В более близком рассмотрении эта ситуация может представляться как расширенное понимание новелл Открытого правительства и Электронного управления [21], но реализуемая безотносительно к привязке к определенному уровню государственного или муниципального управления.

Больше свободы и эффективности

Реализация всей полноты управленческого потенциала местного самоуправления в условиях современного российского общества сопряжена с появлением новых особенностей функционирования органов муниципального управления. К основным изменениям относится введение критериев публичности, открытости и прозрачности. Данные новеллы обусловлены актуальной повесткой государственной политики и реализуются с помощью создания механизмов для взаимодействия с гражданским обществом.

ДАТА

28 сентября 2005 года создана Общественная палата Березовского городского округа.

Одним из значимых векторов данного взаимодействия является управление патриотическим потенциалом. Большая часть управленческого воздействия, производимая в этом отношении со стороны органов местного самоуправления, является экстраполяцией государственных и региональных процессов. В то же время гражданские инициативы облают большей свободой и эффективностью, учитывают актуальные социально-политические потребности общества.

Структурой, агрегирующей потенциал гражданской активности в Березовском городском округе, является Общественная палата, образованная с целью привлечения жителей, общественных объединений и политических партий города к активному участию в решении общественно значимых вопросов.

Правовую основу деятельности Палаты составляет широкий комплекс нормативных актов, состоящий из двух групп источников. В первую группу включены нормативно-правовые акты государственного характера. Конституцией РФ оформляется общий принцип делимитации государственной и муниципальной власти, устанавливаются фундаментальные права местного самоуправления [23, ст. 12]. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» раскрывает существенные характеристики местного самоуправления, фиксирует типы муниципальных образований и описывает принципы нормативного процесса, компетенцию органов власти местного самоуправления по решению

вопросов, связанных с участием населения в реализации политики [24]. Федеральный закон «Об Общественной палате Российской Федерации» устанавливает общие принципы, на основе которых формируются общественные палаты как субъектов Российской Федерации, так и муниципальных образований [25]. Закон Свердловской области «Об Общественной палате Свердловской Области» конкретизирует специфику деятельности данных общественных образований в рамках субъекта. Его положения также служат основой для нормативной рецепции со стороны муниципальных образований, в частности описан механизм формирования общественных палат [26].

Отклонения от курса

Вторую группу составляют муниципальные акты. Устав Березовского городского округа описывает структуру органов местного самоуправления в рамках данного муниципального образования и раскрывает некоторые специфические черты их взаимодействия с населением [27]. Положение «Об Общественной палате Березовского городского округа» нормативно фиксирует существование Общественной палаты Березовского городского округа, ее цели и задачи, полномочия и иные особенности осуществления деятельности [28]. Регламент Общественной палаты Березовского городского округа принят с целью закрепления процедурных аспектов деятельности и направлен на раскрытие сущностной стороны ее взаимодействия с органами местного самоуправления [29].

Согласно принятому в 2005 году положению, сама Общественная палата была определена как «процедурный механизм взаимодействия организованных структур гражданского общества с органами местного самоуправления» [30]. Это означает,

что основной акцент в деятельности палаты был сделан не на непосредственное взаимодействие с населением, а на интенсификацию участия общественных организаций и политических партий, исключения составили только религиозные объединения в реализации местного самоуправления. Однако анализ дальнейшей управленческой практики показал, что решаемый палатой круг задач отклонился от прописанных целей и включил в себя широкий спектр вопросов.

Учитывая определенные недостатки, 31 марта 2010 года было принято постановление Администрации Березовского городского округа «Об утверждении Положения об Общественной палате Березовского городского округа» [31], отменившее прежнее положение об Общественной палате и внесшее новое положение [32], содержащее иные нормативные принципы функционирования палаты. Новый документ был призван актуализировать роль Общественной палаты как института гражданского общества, изменив ее формат с непосредственного участия обществен-

ных организаций для проведения общественной экспертизы, на более широкий спектр участия граждан в общественном контроле над деятельностью местного самоуправления и формировании повестки муниципальной политики.

Открыто на учет

Прежде всего, изменению подвергся сам подход к определению роли Общественной палаты: теперь она «обеспечивает взаимодействие жителей, общественных объединений с органами местного самоуправления Березовского городского округа в целях учета потребностей и интересов граждан, защиты их прав и законных интересов, осуществления общественного контроля за деятельностью исполнительных органов местного самоуправления» [32]. Также расширился и первичный инструментарий деятельности, в перечень задач были включены следующие вопросы: анализ интересов и потребностей граждан и общественных объединений; защита прав и свобод жителей; общественный контроль органов местного самоуправления; ока-

зание информационной и методической поддержки этим органам; взаимодействие с иными государственными и негосударственными акторами, заинтересованными в развитии муниципалитета; содействие развитию гражданского общества путем обеспечения гласности при формировании и реализации муниципальной политики.

Расширению подвергся также круг полномочий Общественной палаты. Они дополнились следующими сюжетами: инициация общественного обсуждения социально значимых вопросов; дача рекомендательных заключений о нарушениях законодательства руководителями организаций или предприятий, или должностными лицами органов местного самоуправления; доведение до сведения органов муниципальной и государственной власти мнения населения по вопросам развития территорий муниципального образования.

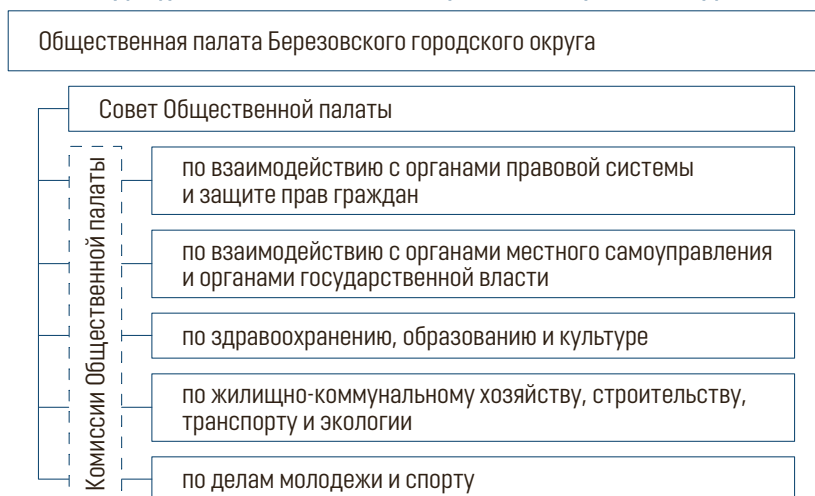
Исходя из анализа эволюции правового статуса Общественной палаты, можно заключить, что актуальная потребность в данном объединении возросла. В большей степени такой интерес детерминирован не общественным мнением, а заинтересованностью самими органами местного самоуправления. Это происходит как согласно актуальным трендам государственной политики, направленной в русло повышения открытости органов публичной власти, так и активизации участия граждан в их деятельности.

Именно в этой логике произошло смещение управленческого акцента с понимания Общественной палаты как органа, представляющего интересы общественных организаций и действующего параллельно с Городской думой, презентующей интересы населения; к широкому пониманию этого объединения как индикатора социальных настроений, компенсирующего не-

Впервые в постсоветской России объектом уличного искусства стало здание администрации мэрии. Такое решение было принято властями Березовского городского округа Свердловской области. Если в советские времена административные здания могли (хотя и редко) украшаться монументальным искусством, то в постсоветские времена эта традиция прервалась.

Структура Общественной палаты Березовского городского округа

которую неэффективность представительного органа в условиях муниципального образования. Это открыло широкие возможности для использования Общественной палаты в целях патриотического воспитания. В данном направлении ведется системная работа: структурное представительство интересов местных сообществ и функциональное представительство.

Рупор для патриота

Механизм рекрутирования членов Общественной палаты предполагает широкое представительство общественных организаций и лидеров общественного мнения, деятельность которых связана с функционированием отдельных населенных пунктов и территорий. Несмотря на то, что данный компонент носит неформальный характер и не является репрезентативным, альтернативная представительному органу логика формирования дает возможности для отдельных активистов или групп интересов получить политическое представительство, что позитивно сказывается на развитии патриотического потенциала отдельных территорий. Деятельность комиссии по делам молодежи и спорту больше остальных ориентирована на развитие патриотического потенциала.

Также соразмерно актуальной повестке формируется структура палаты. На сегодняшний день она состоит из совета палаты и пяти профильных комиссий, работа которых направлена на гармонизацию развития округа в целом, и в частности – на выявление и решение локальных управленческих проблем, не затронутых спектром органов местного самоуправления и их территориальными отделами.

Аналитические материалы, содержащиеся в текущем архиве Общественной палаты, выделяют три основных проблемы, на решение которых направлено патриотическое воспитание. Во-первых, рост уровня социального неблагополучия. Во-вторых, рост количества разводов, особенно среди молодых семей. В-третьих, высокий риск проявления экстремистских настроений. В материалах отмечается, что деятельность в этих направлениях осложняется тем, что в отношении молодежи не существует институциональных каналов воздействия. Соответственно, воздействие должно быть опосредованным и связанным с удовлетворением каких-либо социальных потребностей. К ним палата относит потребность в досуге и потребность в информации. Как фактор, оказывающий влияние на все три проблемы, также выделяется обеспечен-

ность населения работой. Однако данный вопрос находится вне компетенции Общественной палаты. В отношении остальных проблем патриотического потенциала палатой проводится системная работа, опыт которой можно обобщить по нескольким направлениям на основе анализа отчетной документации [33].

Четыре блока для фундамента городского общежития

1 Аналитическая работа. Концептуальная основа для проведения всех мероприятий в качестве системы развития патриотического потенциала была заложена в ходе межведомственной конференции «Духовно-нравственное воспитание детей и молодежи в Березовском городском округе», прошедшей в 2014 году.

В 2016 году в Березовском городском округе совместно с Общественной палатой Свердловской области и при посредничестве Общественной палаты Березовского городского округа проведен форум «Роль гражданского общества в развитии малых городов». По итогам форума принята резолюция и направлена в адрес Губернатора Свердловской области, Правительства Свердловской области, Законодательного собрания Свердловской области.

Подходы к развитию патриотического потенциала уточнены и скорректированы в ходе круглого стола по проблемам семьи, проведенного под эгидой Общественной палаты в 2017 году. «Основными задачами круглого стола» являются выявление причин, провоцирующих разводы, и, как следствие, создание потенциальной опасности детского неблагополучия, а также профилактика этих негативных явлений» [34]. Практическим результатом стало введение института общественного психолога, задача которого, совместно с мировыми судьями, разби-

ратся в причинах бракоразводных процессов и осуществлять медиацию.

2 *Организационно-методическая поддержка работы органов государственной власти и местного самоуправления.*

По инициативе Общественной палаты были образованы Общественные советы при главах территориальных отделов администрации Березовского городского округа. Задача данных институтов – работа с локальной повесткой и социальными проблемами территорий.

В целях сохранения исторической памяти Совет Общественной палаты рекомендовал администрации Березовского городского округа разработать «Положение о порядке установки и содержания памятников, памятных (мемориальных) досок, памятных знаков на территории Березовского городского округа». Положение было разработано Администрацией в 2014 году, однако не принято Городской Думой.

По просьбе ассоциации «Совет муниципальных образований Свердловской области» Палатой были подготовлены и опубликованы в информационно-методическом сборнике «В помощь Главе муниципального образования» методические разработки, в состав которых вошли:

- материалы межведомственной конференции «Духовно-нравственное воспитание молодежи в Березовском городском округе»;
- Положение об общественном совете при главе территориального отдела администрации городского округа;
- Положение о смотре-конкурсе визитных карточек Березовского городского округа;

Для улучшения работы общественных советов в 2018 году Палата разработала положение «О смотре-конкурсе работы общественных советов при главах территориальных отделов адми-

Серия арт-объектов, которая была создана в Березовском городском округе по общественной инициативе.

нистрации Березовского городского округа». Согласно Положению, победителем Конкурса становится общественный совет, набравший наибольшее количество баллов.

3 *Организационное воздействие и взаимодействие с инициативными группами и общественными объединениями.*

Общественная палата Березовского городского округа выступает в качестве организатора социально-педагогического проекта «Будь здоров!», направленного на пропаганду здорового образа жизни.

С 2016 года проводится работа по возрождению традиционной русской народной спортивной игры в городки.

При участии палаты регулярно проводятся соревнования по автоспорту. Отдельным достижением является открытие в 2019 году секции автоспорта для детей 8–12 лет.

В целом содействие в открытии секций является отдельным направлением деятельности. В рамках данной работы открыто 11 бесплатных и 5 платных секций, также проведены мероприятия по расширению функционального назначения не-

скольких футбольных полей и одного хоккейного корта.

4 *Общественный контроль и прием граждан.* В последнем характеризующем работу Общественной палаты отчете за 2020 год дана такая характеристика: «Члены Палаты в соответствии с принятым решением держат на контроле вопросы улучшения спортивно-оздоровительной работы и материально-технической базы физкультуры и спорта. Как показали встречи, общественность и молодежь поселков считают, что существующих объектов культуры и спорта недостаточно в нашем округе. Однако, жители округа отмечают перемены в развитии спортивной базы».

Члены общественной палаты регулярно ведут общественный прием граждан наравне с депутатами представительного органа.

Также Палата неоднократно вступала в коммуникации с органами государственной власти Свердловской области, депутатами, представляющими территорию в Законодательном собрании Свердловской области и в Государственной Думе РФ.

Иные мероприятия, не включенные в данную градацию, основаны на экспертизе нормативных актов, затрагивающих вопросы административно-территориального планирования и содействия работе общественных организаций, осуществляющих свою деятельность в отдельных посёлках или городском округе в целом. К первой группе вопросов относится участие в работе над генеральным планом Березовского городско-

го округа и последующая его экспертиза; содействие деятельности трем общественным фондам и их благотворительной деятельности; рассмотрение вопросов в отношении кладбищ городского округа и деятельности ритуальных организаций и иные вопросы. Ко второй группе относятся содействие деятельности семнадцати общественных объединений, интересы которых доносят до палаты представители, являющиеся ее членами. Основными организациями, сотрудничающими с палатой, являются: «Березовский городской Союз ветеранов Афганистана» (совместно реализуются проекты улучшения медицинской помощи ветеранам всех войн, особенно в плане психологической реабилитации участников Чеченской кампании); «Березовский городской Совет женщин» (совместно реализуется проект по улучшению досуга женщин и маленьких детей, открыты информационный сайт и созданы различные кружки.

Совместные проекты осуществляются и с иными общественными организациями, в том числе религиозными, не имеющими представителей в Общественной палате.

Требуется контролёр-медиатор

Таким образом, общественная палата выступает важным актором, оказывающим влияние на формирование и развитие патриотического потенциала муниципального образования. В отличие от органов публичной власти, ее функционал

выстраивается не «сверху вниз», а «снизу вверх». Это позволяет локальным инициативам быть максимально релевантными текущей проблематике и социальной повестке.

Изучение реальной деятельности общественной палаты показывает, что основная нормативная функция – реализация общественного контроля – не является приоритетным направлением реальной деятельности института. Для маркирования деятельности *de facto* допустимо использовать термин «социальный контроль», который является более широким по отношению к понятию «общественный контроль» и включает в себя не только нормативно предусмотренные мероприятия, но и реальную функциональную нагрузку.

Отдельные мероприятия, реализуемые общественной палатой в рамках социального контроля, направленные на развитие патриотического потенциала муниципального образования, имеют специфический характер. В отличие от государственной деятельности по духовно-нравственному воспитанию, в основе патриотической проблематики местного самоуправления – попытка повышения лояльности граждан к действующим социальным и политическим институтам за счет медиации социальных проблем. Полученный в этом отношении опыт Березовского городского округа может быть применен в деятельности органов местного самоуправления иных муниципальных образований. ■

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

- [1] О важнейших общенациональных задачах : Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию РФ (26 мая 2004 г.) // Российская газета. 2004. № 109. 27 мая.
- [2] Непокупная М.В. (2020). Содержание и устройство общественного контроля в Российской Федерации // *Colloquium-journal*. № 3 (55). С. 70–72.
- [3] Матвеева Е.В., Митин А.А., Алагоз А.В. (2018). Институт общественного контроля в региональном политическом про-
- странстве: современное состояние и перспективы развития // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. № 43. С. 191–202.
- [4] Махачиева М.Ш. (2019). Общественный контроль в системе гражданских инициатив // *Colloquium-journal*. № 27 (51). С. 178–179.
- [5] Лапшина А.И. (2014). Общественный контроль и иные институты контроля общества за деятельностью органов государ-

- ственной власти // Правовое государство: теория и практика. № 2. С. 144–148.
- [6] Фельдман П.Я., Хорхордина Н.П. (2017). Российская модель демократического контроля: современное состояние и перспективы эволюции // Власть. № 8. С. 95–99.
- [7] Исакова Ю.И. (2012). Гражданский контроль в условиях формирования демократического общества // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. № 4. С. 217–224.
- [8] Исакова Ю.И., Мелентьев А.Б. (2011). Демократическое устройство и гражданский контроль в российском обществе // Социально-гуманитарные знания. № 11. С. 129–136.
- [9] Сурядная Е.В. (2010). Демократические ценности современного российского общества как условие формирования системы гражданского контроля // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. № 1. С. 157–163.
- [10] Гончаров А.А. (2010). Гражданский контроль над органами власти. М. 224 с.
- [11] Кулешова Н.Н. (2011). О современном состоянии общественного контроля в России // Юридическая наука. № 2. С. 21–24.
- [12] Об основах общественного контроля в Российской Федерации : Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420208751> (дата обращения: 23.11.2021).
- [13] Матвеева Е.В., Левин А.А. (2014). Неправительственные организации в современной России: к вопросу о политико-правовой трансформации // Государственная власть и местное самоуправление. № 9. С. 38–42.
- [14] Хабриева Т.Я. (2017). Социальный контроль и противодействие коррупции // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. № 4 (65). С. 5–10.
- [15] Поклад В.И. (2013). Социальный контроль и экономическая преступность // Russian Journal of Economics and Law. № 4 (28). С. 252–258.
- [16] Кузнецов И.А. (2015). Общественная палата как институт гражданского общества // Вестник БИСТ. Серия «Юриспруденция». № 2. С. 73–78.
- [17] Огнева Е.А. (2014). Общественная палата как правозащитный институт в системе общественного контроля современной России // Среднерусский вестник общественных наук. № 1. С. 146–151.
- [18] Кошкина З.Н. (2013). Общественная палата Российской Федерации как институт защиты прав и свобод граждан // Проблемы в российском законодательстве. Юридический журнал. № 1. С. 21–23.
- [19] Макарова О.В. (2017). Общественный контроль за соблюдением открытости информации о деятельности публичной власти // Журнал российского права. № 7 (247). С. 54–62.
- [20] Руденко В.Н. (2017). Делиберативная демократия в аксиологии защиты прав человека // Антиномии. № 4. С. 115–127.
- [21] Маркеева А.В., Гавриленко О.В. (2019). Цифровая платформа как новый экономический актор и новая инстанция социального контроля // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. № 5. С. 29–48.
- [22] Об утверждении Положения об Общественной палате муниципального образования «г. Березовский» : Постановление главы МО г. Березовский от 28.09.2005 № 324 (утратил силу) // Текущий архив Администрации Березовского городского округа.
- [23] Конституция Российской Федерации: официальный текст. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // Доступ из справочно-правовой системы «ГАРАНТ».
- [24] Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : Федеральный Закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (в ред. от 21 декабря 2013 г.) // Доступ из справочно-правовой системы «ГАРАНТ».
- [25] Об Общественной палате Российской Федерации : Федеральный закон от 04.04.2005 № 32-ФЗ (в ред. от 23 июля 2013 г.) // Доступ из справочно-правовой системы «ГАРАНТ».
- [26] Об Общественной палате Свердловской области : Закон Свердловской области от 19.02.2010 № 4-ОЗ (в ред. от 17 октября 2013 г.) // Доступ из справочно-правовой системы «ГАРАНТ».
- [27] Устав Березовского городского округа от 27 июня 2005 года (в ред. от 15.08.2013) // Официальный Интернет-портал администрации Березовского городского округа. URL: <https://berезовский.рф/doc/400.html> (дата обращения: 23.11.2021).
- [28] Об Общественной палате Березовского городского округа : Положение. Утверждено постановлением администрации Березовского городского округа от 31.02.2010 № 108 // Официальный Интернет-портал администрации Березовского городского округа. URL: <https://berезовский.рф/berезovskijj/395877/395883> (дата обращения: 23.11.2021).
- [29] Регламент Общественной палаты Березовского городского округа (в ред. от 08.11.2012 ; документ не опубликован) // Текущий архив Общественной палаты Березовского городского округа.
- [30] Об Общественной палате муниципального образования «г. Березовский» : Положение. Утверждено постановлением главы МО «г. Березовский» от 28.09.2005 № 324 (утратил силу) // Текущий архив Администрации Березовского городского округа.
- [31] Об утверждении Положения об Общественной палате Березовского городского округа : постановление администрации Березовского городского округа от 31.03.2010 № 108 // Официальный Интернет-портал администрации Березовского городского округа. URL: <https://berезовский.рф/berезovskijj/395877/395883> (дата обращения: 23.11.2021).
- [32] Об Общественной палате Березовского городского округа : Положение. Утверждено постановлением администрации Березовского городского округа от 31.03.2010 № 108 // Официальный Интернет-портал администрации Березовского городского округа. URL: <https://berезовский.рф/berезovskijj/395877/395883> (дата обращения: 23.11.2021).
- [33] Доклад о работе Общественной палаты Березовского городского округа за 2016–2020 годы (документ не опубликован) // Текущий архив Общественной палаты Березовского городского округа.
- [34] Отчет о работе Общественной палаты Березовского городского округа за 2017 год (документ не опубликован) // Текущий архив Общественной палаты Березовского городского округа.

SOCIAL CONTROL AS A WAY OF INCREASING THE PATRIOTIC POTENTIAL OF A MUNICIPALITY

ABSTRACT:

Relevance. Modern states encounter a number of challenges and threats which are changing the requirements for the tools and quality of public administration. This is influenced by both situational factors, for example, a pandemic of the new coronavirus infection, and systemic factors – overcomplication of the social structure of the society. Under such conditions, it is only possible to achieve high efficiency of public administration through involving society in the activities of public authorities. The institutionally ensured forms of participation enables civic activity not to be spilt out as protest actions, but to be absorbed by the state and used for agenda setting. As public control, the existing system fails to consider the whole range of requests and socio-political specifics of social interests. It is proposed to use social control.

Purpose. To analyze the social control impact on the patriotic potential development of a municipal entity.

Methods. To reach this purpose, the authors use a combination of political science, sociological and interdisciplinary methods, such as systemic and institutional, and also refer to the description of the functional significance of political institutions. The article employs the analysis of normative legal acts and other administrative documents regulating public control at the federal, regional and municipal levels. To analyze the municipal component, materials of the Public Chamber of the Berzovsky urban district were used, including those not published in the public domain.

Results. In the course of the research, the fundamental conclusion is made that the normative tasks of the Public Chamber do not correspond to its real functionality. There is no call for the stipulated public control functions at the local government level. The Public Chamber solves a number of important administrative tasks, operating in a self-actualization mode. Their description and systematization is provided in the framework of the given article. Identification of tasks allowed for revealing the differences between the “public control” and “social control” concepts, which makes it possible to analyze not the institutional basis of activities of the public control institutions, but real administrative practice.

Scientific novelty. The use of the 'social control' concept is not new for the domestic management science, but its conceptualization and application in the context of the patriotic potential analysis is carried out for the first time.

AUTHORS' INFORMATION:

Aleksander S. Isakov

Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (66, 8 Marta St., Ekaterinburg, 620144, Russia)

✉ as.isacov@gmail.com

Alena S. Nikitina

Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (66, 8 Marta St., Ekaterinburg, 620144, Russia);

✉ ms.smirnykh@yandex.ru

KEYWORDS:

social control, public control, public chamber, patriotism, local self-government.

FUNDING:

The reported study was funded in the framework of the grant of the President of the Russian Federation for state support of young Russian scientists – candidates of sciences MK-5062.2021.2.

FOR CITATION:

Isakov A.S., Nikitina A.S. (2021). Social control as a tool to increase the patriotic potential of local government, *Municipality: Economics and Management*, no. 4, pp. 49–59.

REFERENCES:

- [1] On the most important nationwide tasks. Message of the President of the Russian Federation V. V. Putin to the Federal Assembly of the Russian Federation (May 26, 2004). *Rossiyskaya Gazeta*. 2004. No. 109. May 27.
- [2] Nepokupnaya M.V. (2020). Content and structure of public control in the Russian Federation. *Colloquium-journal*, no. 3 (55), pp. 70–72.
- [3] Matveeva E.V., Mitin A.A., Alagoz A.V. (2018). Institute of public control in the regional political space: Current state and development prospects, *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science*, no. 43, pp. 191–202.
- [4] Makhachieva M.Sh. (2019). Public control in the system of civil initiatives, *Colloquium-journal*, no. 27 (51), pp. 178–179.
- [5] Lapshina A.I. (2014). Public control and other institutions of control of society over the activities of public authorities, *Legal State: Theory and Practice*, no. 2, pp. 144–148.
- [6] Feldman P.Ya., Khorkhordina N.P. (2017). Russian model of democratic control: the current state and prospects of evolution, *Power*, no. 8, pp. 95–99.

- [7] Isakova Yu.I. (2012). Civil control in the context of the formation of a democratic society, *Bulletin of the Adygei State University. Series 1: Regional science: philosophy, history, sociology, jurisprudence, political science, cultural studies*, no. 4, pp. 217–224.
- [8] Isakova Yu.I., Melentiev A.B. (2011). Democratic structure and civil control in Russian society, *Socio-humanitarian knowledge*, no. 11, pp. 129–136.
- [9] Suryadnaya E.V. (2010). Democratic values of modern Russian society as a condition for the formation of a civil control system, *VolSU Bulletin. Series 4, History. Regional studies. International relationships*, no. 1, pp. 157–163.
- [10] Goncharov A.A. (2010). Civil control over the authorities. Moscow. 224 p.
- [11] Kuleshova N.N. (2011). On the current state of public control in Russia, *Legal science*, no. 2, pp. 21–24.
- [12] On the basics of social control in the Russian Federation. Federal Law no. 212-FZ dated July 21, 2014 (ed. from 27.12.2018). Electronic fund of legal and normative-technical documents. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420208751> (accessed 23.11.2021).
- [13] Matveeva E.V., Levin A.A. (2014). Non-governmental organizations in modern Russia: to the question of political and legal transformation, *Public power and local government*, no. 9, pp. 38–42.
- [14] Khabrieva T.A. (2017). Social control and anti-corruption, *Journal of foreign legislation and comparative law*, no. 4 (65), pp. 5–10.
- [15] Poklad B.I. (2013). Social control and economic crime, *Russian Journal of Economics and Law*, no. 4 (28), pp. 252–258.
- [16] Kuznetsov I.A. (2015). The Public Chamber as an Institution of civil society, *BIST Bulletin. Series "Jurisprudence"*, no. 2, pp. 73–78.
- [17] Ogneva E.A. (2014). The Public Chamber as a human rights institute in the system of public control of modern Russia, *Central Russian Journal of Social Sciences*, no. 1, pp. 146–151.
- [18] Koshkina Z.N. (2013). The Public Chamber of the Russian Federation as an institution for the protection of rights and freedoms of citizens, *Problems in Russian legislation. Law journal*, no. 1, pp. 21–23.
- [19] Makarova O.V. (2017). Public control over the observance of openness of information on the activities of public authorities, *Journal of Russian Law*, no. 7 (247), pp. 54–62.
- [20] Rudenko V.N. (2017). Deliberative democracy in the axiology of human rights protection, *Antinomy*, no. 4, pp. 115–127.
- [21] Markeeva A.V., Gavrilenko O.V. (2019). Digital platform as a new economic actor and new social control instance, *Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*, no. 5, pp. 29–48.
- [22] On approval of the Regulation on the Public Chamber of the municipality "Bereзовsky". Resolution of the head of the municipality "Bereзовsky" no. 324 dated September 28, 2005 (expired). Current archive of the administration of the Bereзовsky City District.
- [23] Constitution of the Russian Federation. Official text. Adopted by a popular vote on December 12, 1993 with changes approved during the Russian voting on July 1, 2020. Access from the reference and legal system "GARANT".
- [24] On the general principles of the organization of local self-government in the Russian Federation. Federal Law no. 131-FZ dated October 6, 2003 (as amended on December 21, 2013). Access from the reference and legal system "GARANT".
- [25] On the Public Chamber of the Russian Federation. Federal Law no. 32-FZ dated April 4, 2005 (as amended on July 23, 2013). Access from the reference and legal system "GARANT".
- [26] On the Public Chamber of the Sverdlovsk Region. The Law of the Sverdlovsk Region no. 4-OZ dated February 19, 2010 (as amended on October 17, 2013). Access from the reference and legal system "GARANT".
- [27] Charter of the Bereзовsky City District (dated June 27, 2005, as amended on August 15, 2013). Official Internet portal of the administration of the Bereзовsky City District. URL: <https://xn--90aciakhhg8arp.xn--p1ai/doc/400.html> (accessed 23.11.2021).
- [28] On the Public Chamber of the Bereзовsky City District. Regulation. Approved by the Decree of the Administration of the Bereзовsky City District no. 108 dated February 2, 2010. Official Internet portal of the administration of the Bereзовsky City District. URL: <https://xn--90aciakhhg8arp.xn--p1ai/bereзовskijj/395877/395883> (accessed 23.11.2021).
- [29] Regulations of the Public Chamber of the Bereзовsky City District (as amended on November 8, 2012 (not published). Current archive of the administration of the Bereзовsky City District.
- [30] On the Public Chamber of the municipality "Bereзовsky". Regulation. Approved by the resolution of the head of the municipality "Bereзовsky" no. 324 dated September 28, 2005 (expired). Current archive of the administration of the Bereзовsky City District.
- [31] On approval of the Regulation on the Public Chamber of the Bereзовsky City District. Resolution of the Administration of the Bereзовsky City District no. 108 dated March 31, 2010. Official Internet portal of the administration of the Bereзовsky City District. URL: <https://xn--90aciakhhg8arp.xn--p1ai/bereзовskijj/395877/395883> (accessed 23.11.2021).
- [32] On the Public Chamber of the Bereзовsky City District. Regulation. Approved by the Resolution of the Administration of the Bereзовsky City District no. 108 dated March 31, 2010. Official Internet portal of the administration of the Bereзовsky City District. URL: <https://xn--90aciakhhg8arp.xn--p1ai/bereзовskijj/395877/395883> (accessed 23.11.2021).
- [33] Report on the work of the Public Chamber of the Bereзовsky City District for 2016–2020 (not published). Current archive of the administration of the Bereзовsky City District.
- [34] Report on the work of the Public Chamber of the Bereзовsky City District for 2017 (not published). Current archive of the administration of the Bereзовsky City District.

Городские сообщества в кросс-национальной картине

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Лейкин Инна

Открытый университет Израиля
(43537, Израиль, Раанана,
Юниверсити-роуд, 1)

✉ innale@openu.ac.il

Петрова Лариса Евгеньевна

Екатеринбургская академия современ-
ного искусства (620012, Россия,
Екатеринбург, ул. Культуры, 3)

✉ petrova@easa.ru

Ефремова Екатерина Алексеевна

Екатеринбургская академия современ-
ного искусства (620012, Россия,
Екатеринбург, ул. Культуры, 3)

✉ trankusha1984@gmail.com

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Лейкин И.Р., Петрова Л.Е., Ефремова Е.А.
Городские сообщества в кросс-наци-
ональной картине. Интервью // Муни-
ципалитет: экономика и управление.
2021. № 4. С. 60–63.

Антропологическая оптика предполагает, что восприятие городского пространства обуславливается в первую очередь культурой. Екатеринбург – яркий нецентральный политический субъект, где у городского сообщества есть смысловой вес. Городской патриотизм, свойственный современному жителю мегаполиса, это переход с языка рационального рассуждения (права и обязанности по отношению к территории) на язык эмоций, привязанностей, по сути своей иррациональный. Язык любви к своей стране, к городу – новое, но глобальное явление.

Проявлять свою гражданственность – и к стране, и к городу, и к району – можно на ближайшем перекрестке, как это было недавно в Израиле. А пример города Провиденса в США показывает, что изменение инфраструктуры, строительство моста в прямом и переносном смысле обеспечивает мобильность и более высокий уровень человеческого капитала. До сих пор существующее разделение на центр и периферию – значимый фактор лояльности, формирования позитивных установок. Этот научный факт можно переводить в регистр практики, основывая на этом политику управления городской лояльностью.

Инна Лейкин, профессор кафедры социологии, политических наук и коммуникаций Открытого университета Израиля. Специализируется на исследовании вопросов демографической и антропологической проблематики русскоязычных мигрантов в израильском обществе.

Лариса Петрова: Инна, вы живете в Израиле, в Тель-Авиве. И вы – антрополог, то есть имеете такую специальность, которая в России практически отсутствует. Вы изучали опыт обустройства жизненного пространства и поведения людей не только в России и Израиле, но также и в США. Я прошу вас как антрополога вспомнить и поделиться собственным опытом проживания в разных городах и на разных континентах. В частности, как вы считаете, насколько большим или маленьким потенциалом с научной точки зрения обладает понятие «локальный» или «городской патриотизм». Как одинаково или как по-разному люди любят то место, в котором они живут? Обусловлено ли это культурно или это какой-то универсум? От чего это зависит?

Инна Лейкин: Вопрос многогранный. Культура обуславливает наше восприятие городской среды, отношение к тому месту, где мы живем. Это и есть то универсальное, которое определяет наше восприятие любого пространства, в котором мы прибы-

ваем. Я думаю, что все любят свой город и свое место обитания. По-разному. Но любят его все, и, в частности, эта любовь проявляется через какие-то культурные формы, которые свойственны этому месту. Возьмем для примера Екатеринбург. Ему не занимать понимания важности городского социума, способности стать ярким политическим субъектом, у которого есть неожиданные сферы и формы влияния. Есть еще несколько таких крупных нецентральных городов в России, однако Екатеринбург среди них выделяется: здесь у городского сообщества есть смысловой вес.

Сама я большой патриот Тель-Авива. Это связано с моей любовью к определенной архитектуре, которая характеризует этот город, построенный как антитеза Иерусалиму. Однако я уехала из Тель-Авива, потому что там довольно сложно жить с семьей и детьми. И живу я в пригороде Тель-Авива – в Герцлии. Однажды пошла на почту, чтобы отправить посылку своей подруге в Англию. Там была жут-

ко длинная очередь, так как табло распределения клиентских потоков не работало. Случился бардак. И одна молодая женщина вслух пригрозила сегодня же позвонить и пожаловаться мэру. В этот момент я осознала, что в Тель-Авиве вряд ли бы твой сосед в очереди заявил о личном знакомстве с мэром. А в пригороде это в порядке вещей. Здесь социальное расстояние между гражданином и властью значительно меньше, хотя наша Герцлия и находится всего в 15 минутах езды от Тель-Авива. Еще пример. В Тель-Авиве, когда начиналась так называемая точечная застройка, жители заявили о своем протесте, о намерении обратиться к адвокатам и отстаивать свои права. Я думаю, что это весьма интересный пример того, что городские пространства создают разные формы интеракции с властью.

Л.П.: Действительно, патриотизм, как и любовь познается в сравнении. И масштаб, разумеется, очень важен в том числе потому, что инструменты могут быть более или менее эффективными: или это звонок мэру, или профессиональная протестная акция (она обезличена, она почти анонимна, но высоко эффективна по-своему). Это создает масштаб города. Формы разные, но любовь-то одинаковая... Как мы можем расширять объект своей

Открытый университет Израиля
(г. Тель-Авив)

городской любви? Это место, где я живу, мой район – точка страсти, или это, скажем, весь Тель-Авив?

И.Л.: Я думаю, что люди – существа сложноподчинённые и оперируют они на разных регистрах в зависимости от ситуации, в которой находятся. Этот вопрос можно задать с другой позиции: в какой момент мы начали артикулировать наше отношение к городскому пространству в терминах любви или ненависти, в терминах эмоционального языка? Этот вопрос меня крайне интересует как исследователя. В какой момент мы перешли от языка рационального (классический язык прав и обязанностей) на язык аффекта? Небольшой пример о так называемой «демократии по месту жительства»: вплоть до последних выборов, на протяжении двух лет в Израиле проходили массовые протестные демонстрации персонально про-

тив Бенямина Нетаньяху и его неадекватного стиля управления в условиях кризиса, вызванного пандемией. При этом были ограничения на массовые мероприятия из-за того же ковида. И тогда люди стали выходить на перекрестки, ближайšie к их дому, собираться небольшими группами по месту жительства. Им нельзя было отходить от дома более чем на километр, но они нашли мирный способ заявить о своем протесте и, кстати, язык этих демонстраций был крайне интересным. Девиз «My heart is broken» (англ. «Моё сердце поломано») можно перевести как «я болею любовью к стране, но мою страну разрушают». И вот этот переход от рационального языка к языку любви, чувств – это один из самых интересных социальных процессов, который происходит в последние десятилетия. И у него не локальный, а вполне глобальный масштаб.

гулярно водили хороводы вдоль берега – «обнимали». Это тоже эмоция, и активные екатеринбуржцы – мы могли себе это позволить. Хорошее отношение к человеку, к городу и любовь к нему – это разные уровни экспрессии, чувств. Интересно, что когда мы в ЕАСИ изучали этот вопрос, то не нашли в литературе примеров того, как люди ненавидят место пребывания и при этом в нем остаются. В этом случае они, как правило, голосуют билетами в один конец... В России любить город или регион проще, чем страну. А как это выглядит в других странах, где вы жили и работали, например, в США?

И.Л.: В Америке это связано с особенностями федеративной политики: многие вопросы регулируются на уровне законов штатов, а они сильно отличаются. Американцы шутят про тещецев, мол, те воспринимают себя как совершенно автономное государство. В Израиле, безусловно, имеется известное соотношение между Тель-Авивом и Иерусалимом, есть патриоты этих крупных центральных городов. В Израиле, как и в России, разделение происходит по принципу «центр – периферия». Центральные районы богаче, периферия – гораздо беднее, и на этом строится отношение к пространству. Поскольку Израиль все-таки маленькая страна, то в одном предложении люди говорят о своем отношении к городу, к району, к государству и к премьер-министру. Все-таки, физическое расстояние влияет на дискурс отношения людей к разным уровням власти.

Л.П.: Существует целая серия фильмов о городах, которые снимаются коллективно разными режиссерами («Нью-Йорк, я люблю тебя», «Париж, я люблю тебя», «Гавана, я люблю тебя»). И это тоже про эмоции. Искусство может себе их позволить. А простой человек и тем более группа «простых людей»? Очевидно тоже. В Екатеринбурге есть примеры, которые интересны даже как языковой конструкт – «Обнимашки пруда». Горожане хотели сохранить пруд от застройки и ре-

Чувство патриотизма питает креативное мышление. Как показывает пример Израиля, если люди готовы протестовать, они будут это делать, несмотря на ограничения.

Л.П.: А можно ли быть лояльным к своему городу, к родному краю, но не быть лояльным к стране?

И.Л.: Вполне. Понятие «малой родины» существовало всегда и при всех режимах. В Советском Союзе тема локального патриотизма была очень акту-

альна и к тому же абсолютно институализирована. В каждой школе имелись краеведческие уголки, в городах были музеи, рассказывающие историю местности с древних времен. Потом был период, когда это пропало. Некоторые локальные музеи были возвращены РПЦ, в них появились храмы. И возникший вакуум стал заполняться процессами, идущими снизу. Люди сами стали объединяться вокруг родной местности. Патриотизм стал приобретать разные формы – от садоводства («Пробуйте – это наши яблоки, уральские») до масштабных культурных проектов, например, Уральской индустриальной биеннале. Эти процессы многогранны и, разумеется, в конце концов, они имеют общественно-политический характер.

Л.П.: На симпозиуме «Городской патриотизм: экономика, политика и культура локальных перемен» не раз говорили, что рост уровня лояльности жителей к городу дает экономический эффект. Есть ли в вашем опыте примеры, когда любовь жителей к городу зримо повлияла на его успешность?

И.Л.: Первый пример, который пришел мне в голову, это Провиденс – столица штата Род-Айленд, самого маленького в США. Я в этом штате училась. В XIX веке этот город был основной частью индустриальной революции, там работало очень много текстильных предприятий, мельниц, разных заводов. Весь этот регион в начале XX века претерпел несколько экономических кризисов. В результате Провиденс превратился в полупустынный город, разделенный автострадой: на одной ее стороне стоял университет, в котором учились очень богатые студенты, а на другой – так называемый *downtown*, бедные кварталы с процветающей мафией. В начале 80-х годов у

Вид на город Провиденс (штат Род-Айленд, США). В конце XX века был завершён проект по реконструкции, результатом которого стал Уотерплейс Парк – излюбленное место встречи горожан.

них появился мэр, который ликвидировал автостраду и соединил обе части города водным каналом. Город стал единым целым и это вдохнуло в него жизнь, воодушевило местных жителей. Произошла трансформация инфраструктуры в лучшую сторону, что привлекло в Провиденс множество креативных людей. Это разнообразило и укрепило экономику города, он стал жить намного лучше.

Л.П.: Насколько наша любовь к городу противоречит нашей мобильности? В советское время человек не был настолько

свободен, не имел столько ресурсов, чтобы реализовать свою свободу передвижения, поэтому мы жили по принципу «где родился – там и пригодился». Но сейчас иная ситуация. Я могу уехать, но я остаюсь. Это что-то иррациональное?

И.Л.: Очень хороший вопрос. Я думаю, это еще зависит от того, какой нарратив мы себе выбираем, чтобы объяснить, почему я остаюсь. Это происходит бессознательно и тесно связано с личными ценностями. В некоторых случаях это может быть «сознательная добровольная оседлость». ■

РАБОЧИЙ ИЛИ ИНТЕЛЛИГЕНТСКИЙ? ОСНОВНЫЕ СОЦИАЛЬНО- КУЛЬТУРНЫЕ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОГО СВЕРДЛОВСКА 1930–1980-х гг.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Бугров Константин Дмитриевич

Институт истории и археологии
Уральского отделения Российской
Академии наук (620108, Россия, Екате-
ринбург, ул. С. Ковалевской, 16);
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина (620002, Россия, Екате-
ринбург, ул. Мира, 19)
✉ k.d.bugrov@gmail.com

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

индустриальный город, Свердловск,
Екатеринбург, интеллигенция, рабочий
класс, советский город, урбанизация.

БЛАГОДАРНОСТИ:

Исследование выполнено при поддерж-
ке гранта РФФИ и Правительства
Свердловской области № 20-49-660015
«Екатеринбург – Свердловск как ин-
теллектуальный центр России в эпоху
промышленного модерна: веки ста-
новления (конец XIX – конец XX вв.)».

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Бугров К.Д. Рабочий или интеллигент-
ский? Основные социально-культур-
ные модели развития советского
Свердловска 1930–1980-х гг. // Муни-
ципалитет: экономика и управление.
2021. № 4. С. 64–77.

АННОТАЦИЯ:

Проблема, рассматриваемая в статье, – специфика развития Екатеринбург – Свердловска в XX в. как крупнейшего экономического, социального и культурного центра страны. Конкретная задача – анализ социально-культурных моделей развития Свердловска в качестве крупного городского центра советской эпохи. Для решения задачи исследуются социальные акторы и институты Свердловска 1930–1980-х гг., а также создававшиеся их усилиями градостроительные политики, образы города и системы символической репрезентации.

В результате проведенных исследований показано, что на протяжении советской эпохи Свердловск оставался городом баланса двух ведущих социальных групп: рабочего класса (фактически представленного партийно-хозяйственной бюрократией), и интеллигенции. До 1950-х гг. превалировало крупное промышленное строительство, определявшее как географию города (конгломерата рабочих поселков вокруг административно-культурного центра), так и символическую политику доминирования рабочего класса (награждения, названия улиц, литературная политика, изобразительное искусство и фотография). С 1960-х гг. начинается быстрый рост числа интеллигенции. Новый социальный слой был носителем своеобразной «культуры места» (по выражению О. А. Яницкого), предполагавшей большой интерес к историко-краеведческой, экологической, досуговой проблематике. Возникают новые районы города, не связанные с индустриальными предприятиями.

Однако, несмотря на декларированную Генеральным планом реконструкции и развития Свердловска на 1970–2000 гг. трансформацию города из рабочего центра в центр науки, культуры и высокотехнологичного производства, рабочий класс продолжал сохранять доминирующие позиции вплоть до конца советской эпохи, а новая строительная программа научно-культурного профиля так и не была в полной мере осуществлена. Тем не менее, сегодняшняя география Свердловска продолжает в значительной степени определяться наследием советской эпохи.

Зодчие профиля

Современный Екатеринбург является одним из наиболее значимых мегаполисов России в социальном, культурном, и экономическом отношении. Хотя этот статус часто постулируется априори, он все же сложился исторически на протяжении XX в. под влиянием ряда существенных факторов. По данной причине чрезвычайный научный интерес представляет анализ исторической траектории формирования культурного профиля современного Екатеринбурга, сложных процессов изменения социальной ткани города в специфических условиях советского градостроения.

Феноменальная специфика урбанизации

Специфика урбанизации и роста городов в СССР является актуальной проблемой для науки; достаточно назвать труды таких исследователей, как А. Г. Вишневский, В. Л. Глазычев, О. В. Горбачев, Н. В. Зубаревич, М. Г. Меерович, А. Ю. Ким, Л. Б. Коган, И. Н. Кравченко, Ю. Л. Пивоваров, П. М. Полян, К. А. Свечникова, А. С. Сенявский, А. И. Трейвиш и других специалистов. Чаще всего развитие городов в Советском Союзе характеризуют как специфический вариант глобального феномена урбанизаций, причем оценки сильно варьируются. Некоторые исследователи вовсе счи-

тают советскую урбанизацию «провальной»: здесь наиболее бескомпромиссную позицию занимал М. Г. Меерович, рассматривавший развитие городов в СССР как всецело подчиненное директивам центра, интересовавшегося одним – наращиванием выпуска вооружений [1]. Другие оценки не столь безапелляционны. Так, Л. Б. Коган рассматривает город как центр цивилизации, противостоящей неразвитой «руральной среде», чреватой «дремлющей агрессивной этноса» и «рудиментами общинно-родовых отношений»; на этих основаниях исследователь считает советский город недостаточно развитым по сравнению с «европейским городом» [2, с. 5].

Равным образом В. Л. Глазычев подчеркивает специфику советского города, указы-

вая на отсутствие городского самоуправления и слаборазвитую торговлю: «В случае крупных и крупнейших городов Советского Союза мы имели дело хотя бы с многообразием форм образовательной и культурной деятельности, но никак не с многообразием форм услуг» [3, с. 27]. Сходного мнения придерживается и Ю. Л. Пивоваров [4]. Думается, однако, что анализ советского города в столь широких категориях не является продуктивным. Даже если признать постулат о девиантном характере развития «советского города» по отношению к абстрактному «европейскому городу» корректным (пусть, по нашему мнению, он корректным и не является), такое признание мало что даст для проведения содержательного анализа, подменяя уничижительным штампом изучение по существу. А. С. Сенявский обращает внимание на социальную специфику развития советского города, подчеркивая, что советская власть развивала модернизацию страны «опираясь не на „высшие“ сословия, а на низшие категории населения, являвшиеся подавляющим большинством народа – рабочий класс (поначалу немногочисленный) и крестьянство», получив «неисчерпаемый социальный резерв, открыв шлюзы для массовой социальной мобильности: для перемещения из сел в города, продвижения негра-

мотных и неквалифицированных масс в образованные кадры, из крестьян – в городские рабочие, из тех и других – в управленцы, из трудящихся всех слоев – в новую рабоче-крестьянскую интеллигенцию» [5, с. 148]. Следует согласиться с О. В. Горбачевым, который подчеркивает разнообразие моделей урбанизации в СССР в зависимости от региона [6, с. 64].

Две группы горожан

Настоящая работа посвящена анализу и сравнению социально-культурных моделей развития Свердловска в качестве крупного городского центра советской эпохи. Как выявить такие стратегии развития? Мы уже отметили непродуктивность трактовки всего процесса урбанизации в СССР как жестко централизованного процесса: формально зарегулированный процесс на местах превращался в хаотичное строительство, открывав-

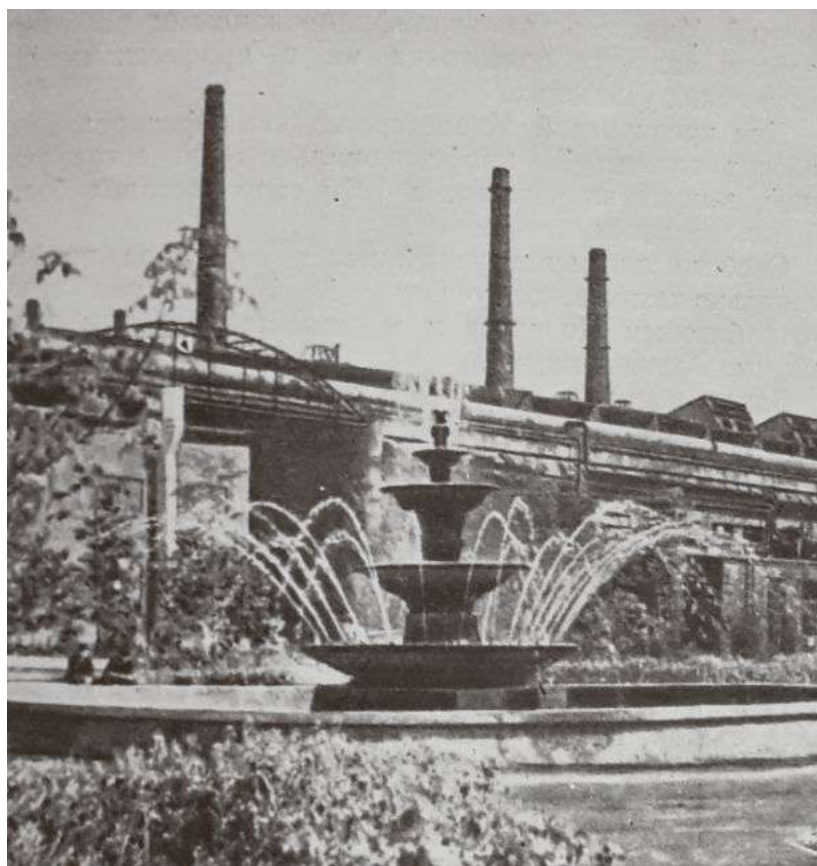
шее массу возможностей для конкретных социальных групп для того, чтобы преследовать собственные цели – разумеется, в рамках господствующей стратегии. Как выделить такие группы? Возможны разные наборы критериев, однако для целей настоящей работы, претендующей на обобщающий обзор широкого хронологического охвата, мы используем наиболее выработку таких стратегий с наиболее крупными социальными группами советских горожан – рабочим классом и интеллигенцией.

Оба эти понятия могут трактоваться по-разному. Мы трактуем их в институционально-организационном ключе. Под рабочим классом понимается совокупность рядовых работников промышленности и транспорта. Интеллигенция включает работников научно-исследовательской и образовательной сферы, а также здравоохранения и культуры.

Две эти крупные социальные группы не являются жестко отграниченными друг от друга: обширный слой инженерно-технического персонала предприятий может считаться принадлежащим к интеллигенции, однако организационно связан с рабочим классом; в свою очередь, научные и образовательные учреждения имели собственный слой рабочего класса, начиная с наиболее квалифицированного слоя рабочих опытных предприятий и заканчивая вахтерами и кочегарами. Некоторые ученые, говоря об интеллигенции, приписывают этому социальному слою особые качества, например, «рефлексивность», способность «конструировать новые смыслы», «литературоцентричность» [7, с. 252–253]. Иногда, как во влиятельной работе Л. Д. Гудкова и Б. В. Дубина, эти особые качества опровергаются как «иллюзии», после чего советская интеллигенция аттестуется как «массовая бюрократия подсистем воспроизводства рутинизирующегося постреволюционного тоталитарного общества» [8, с. 3].

Молот и циркуль

Предлагаемое нами различение рабочего класса и интеллигенции не предполагает априорного приписывания этим социальным группам каких-либо качеств – позитивных или негативных. Рабочий класс и интеллигенция в данном контексте различаются не абстрактным уровнем «рефлексивности» или «культурности» (легко можно себе представить квалифицированного рабочего, интенсивно потребляющего культурные услуги, и, напротив, «малокультурного» научного сотрудника), а характером иерархической связи, существующей в тех организациях, где они по преимуществу заняты. Рабочий класс, занятый на промышленных производствах, трудится в условиях жесткой

Сквер у ремонтно-механического цеха Уралмашзавода.

производственной иерархии, основанной на инструкциях и регламентах (их зримое воплощение – плакаты, напоминающие о правилах безопасности), тогда как в учреждениях интеллигенции иерархия является иной – горизонтальной или сетевой: задача работников интеллектуального труда не только следовать инструкциям, но и выработать новые пути решения тех или иных проблем и, главное, убеждать в их истинности и действительности других.

Конечно, данные социальные группы сами не являлись акторами – действующими лицами – городской политики. Такими акторами являлись конкретные группы индивидов, объединенные в рамках формальных или неформальных институтов. От имени рабочего класса действовала, как правило, могущественная партийно-хозяйственная бюрократия, фактически управлявшая страной и формировавшая как руководящий состав предприятий, так и слой ответственных работников городской власти: городские и районные партийные органы и исполнительные комитеты, дирекции заводов, профсоюзное и партийное начальство предприятий.

Бюрократия постоянно прибегала к помощи различных групп интеллигенции, осуществлявшей деятельность в таких сферах, как научно-конструкторская работа, литературно-художественное творчество (включая пропаганду и СМИ), образование, медицина, культурная работа; обширный слой студенчества выступал ближайшим резервом для этих групп. Организующие институты и здесь были весьма различны: научные институты, образовательные учреждения и учреждения здравоохранения, редакции журналов, литературные объединения. Взаимоотношения двух этих групп оставались сложными: бюрократия, выступавшая от лица рабочего класса, была

Основа труда рабочего – инструкции и регламенты, а интеллигента – широкие сетевые связи

тесно связана с интеллигенцией, а сама интеллигенция в значительной мере комплектовалась из рядов рабочего класса.

Культбиты семантики

Акцентируя культурную составляющую проблематики, мы имеем в виду, что нас волнует не столько изучение демографических реалий города, сколько изучение ключевых стратегий его развития и различных публичных эффектов таких стратегий (география, градостроение и архитектура, публицистика и литература, изобразительное искусство и фотография). Мы солидарны с С. В. Мельниковой и О. С. Поршневой, которые подчеркивают значимость изучения образов города «в зависимости от смены социального смыслового поля» и выделяют восемь исторических этапов развития этого образа: завод-крепость, горный город, «столица Урала», «соцгород», город-завод (в годы Великой Отечественной войны), крупный индустриальный центр, «третья столица России», «торговый центр».

Ученые отмечают, что одни и те же объекты могут толковаться по-разному в зависимости от того, какой образ определяет восприятие: «В Свердловске-индустриальном и театр оперы и балета будет видаться как площадка для развития художественного вкуса рабочих и инженеров, а в Екатеринбургском торговом пространстве завода „Уралмаш“ используется как огромная площадь, которую можно сдавать, получая доход. Таким образом, одни и те же физические объекты меняют свое

семантическое значение в различных исторических и социокультурных контекстах. Но при этом представление об индустриальном наследии и роли города как „опорного пилота“ в создании оборонной мощи державы сохраняется» [9, с. 169]. В конечном счете, как подчеркивает авторитетный географ Д. Харви, идея об «универсальном» языке пространства, «независимом от практических действий и исторических акторов, должна быть отвергнута» [10, с. 184]. Разумеется, образ города не является сугубо произвольным конструированием, он «представляет собой продукт дискурсивной, символической переработки тех объективных условий, которые присутствуют или связаны с городом» [11, с. 223].

Предмет этой статьи – внутреннее разнообразие доминирующего образа Свердловска-индустриального, определявшего восприятие города в советское время, но при этом воплощавшегося в двух вариантах – рабочем и интеллигентском.

Цель статьи – выявить ключевые социально-культурные модели Свердловска, реализовавшиеся в советскую эпоху, их специфику и направленность, проследить их историческую динамику, оценить их влияние на формирование современного городского пространства и среды. Методологически работа опирается на признание специфики советской урбанизации, вытекающей из ее своеобразной социальной основы, и на выделение базовых социальных групп, влиявших на выработку стратегий городской политики, – рабочий класс и интеллигенцию.

От имени рабочих «хозяином» Свердловска выступала бюрократия, состоявшая из интеллигенции

История с географией

До революции 1917 г. городскую политику в Екатеринбурге и вообще облик города определяла предпринимательская элита и тесно связанная с ней земская интеллигенция (врачи, юристы, инженеры). В начале 1920-х, в эпоху нэпа, социальная картина поменялась: предпринимательская элита покинула город, бывшие престижные районы превратились в зоны размещения общежитий (в частности, в купеческих домах на улице Чапаева помещались теперь общежития Уральского университета). Относительно немногочисленная интеллигенция 1920-х гг. расселялась в старом центре города в деревянных кооперативных поселках [12]. Однако уже в конце 1920-х облик города начал меняться в связи со стартом форсированной индустриализации. Как подчеркивают Г. М. Лаппо и П. М. Полян, «главным фактором советской урбанизации выступила промышленность, преимущественно тяжелая», причем зачастую на индустриальной базе появлялись «научные учреждения, проектно-конструкторские бюро, учебные заведения, театры, дома культуры, музеи, библиотеки, поскольку развитие социальной сферы и жилищно-коммунальное строительство финансировалось через промышленные предприятия» [13, с. 36]. Строительство заводов-гигантов, частью выстроенных либо реконструированных в довоенный период, частью переброшенных в Свердловск во время Великой Отечественной войны, изменило социально-экономическую географию города.

Производные производства

Как мы уже отметили выше, рабочий класс в Свердловске, как и в других советских городах, не являлся, строго говоря, «хозяином» города, ведь от его имени властвовала бюрократия, частью сформировавшаяся из бывших профессиональных революционеров, частью – из новой интеллигенции, выдвинувшейся по производственной линии. Однако в символическом плане эта бюрократия демонстративно подчеркивала центральное положение рабочих. Так, в центре внимания всех городских средств массовой информации был производственный процесс и жизнь трудовых коллективов. Счет сочинений, призванных тиражировать производственный опыт, шел на десятки. Даже общие описания Свердловска, как правило, начинались с характеристики городской промышленности. К примеру, в книге для чтения 1940 г. практически все описание Свердловска све-

лось к характеристике Уралмаша: «Орджоникидзевский район Свердловска, в котором живет около 60 тысяч машиностроителей, литейщиков, кузнецов, инженерно-технических работников Уральского завода тяжелого машиностроения, становится самым благоустроенным районом города. Он вымощен брусчаткой и залит асфальтом. Здесь построены стадион, цирк, прекрасные, благоустроенные дома для рабочих, разбиты газоны» [14, с. 219]. По обычной мерке урбанизации поселок Уралмаша должен был быть городской окраиной, культурно подчиненной центру города, однако уралмашевская печать со времен Авербаха деятельно создавала образ идеального рабочего поселка [15], а партийно-хозяйственная бюрократия подкрепляла этот образ соответствующими вложениями. Символическая роль Уралмаша в репрезентации Свердловска была огромной. Так, в объективе фотографов неизменно оказывалась площадь 1-й Пятилетки, ведущая к проходным Уралмаша. Именно на этой площади (а не в центральной части города) проходили встречи со свердловчанами высоких зарубежных гостей; сам гигант машиностроения был неизменным пунктом на пути любых иностранных делегаций, посещавших город [16].

Здание Уральского научно-исследовательского химического института (УНИХИМ).

Визит кубанского лидера **Фиделя Кастро** в Екатеринбург (1948 г.). Маршрут гостя пролегал через площадь Первой Пятилетки, которая превратилась по сути в людской коридор.

Премьер-министр Индии **Джавахарлал Неру** вместе со своей дочерью **Индирой Ганди** посещают «Уралмашзавод» (1955 г.).

Престиж окраин

Эти декларации вовсе не были пустым звуком: по ряду параметров городского благоустройства советский Уралмаш действительно превосходил центральную часть города. И в других районах, где размещались крупнейшие предприятия, складываются собственные общественные центры. Так, на площади Субботников разместились дворец культуры и спортивный комплекс Верх-Исетского металлургического завода, неподалеку от площади – пляж и лодочная станция ВИЗа.

Обширные мощности социальной инфраструктуры на севере Свердловска создал машиностроительный завод имени Калинина, построивший дворец культуры и крупнейший на Среднем Урале спортивный комплекс «Калиинец». Центром удаленного от города поселка Уралхиммаша был Комсомольский сквер у заводских проходных, к северу от завода был расположен собственный парк отдыха. В 1967 г. в западной части поселка, близ въезда в него, появился новый культурный центр – дворец культуры и кинотеатр «Экран». Северная часть района Втузгородок, образованного в 1930-х гг. строительством комплекса Уральского политехниче-

ского института, фактически оказалась городком Уральского электромеханического завода («Три тройки»), на перекрестке улиц Студенческой и Комвузовской образовался новый общественный центр, включавший спортивно-культурный центр и медицинский комплекс.

В южной части города собственный общественно-культурный комплекс сформировал завод резиновых технических изделий: в 1950-х гг. на переулке Рижском была построена больница, а в конце 1970-х гг. заработал крупный дворец культуры. Наконец, на дальнем северо-западе Свердловска, при крупной железнодорожной станции «Свердловск-Сортировочный», сложился собственный поселок. Разумеется, не каждое предприятие было способно оказывать такое влияние на развитие города; подобный эффект оказывал десяток наиболее мощных заводов.

В архитектурно-градостроительном смысле на протяжении 1930–1940-х гг. для репрезентации Свердловска использовались, наряду с фотографиями центральной части города, фотографии соцгорода Уралмаш. С конца 1930-х гг. присутствие индустриальной тематики в репрезентации городов СССР на-

чинает ослабевать; на первый план выходят изображения общегородских административных и культурных зданий, памятников, парков. Например, Пермь в визуальной репрезентации 1950–1970-х гг. предстает вовсе не промышленным мегаполисом, а «дворцовым ансамблем» парадной архитектуры, утопающей в садах [17, с. 204–206]. Подобные эффекты наблюдаются и в Свердловске, где в 1950-х гг. складывается визуальный канон городской репрезентации: здание горсовета на площади 1905 года, памятник Я. М. Свердлову, главный учебный корпус УПИ и другие центральные здания. Однако в общем массиве визуальных материалов о Свердловске промышленная тематика продолжала доминировать. Чрезвычайно интересны изыскания А. И. Дмитриевой, изучившей крупный массив архивных фотографий города за 1930–1970-е гг. и показавшей, что из 9 791 рассмотренной фотографии индустриальную тему раскрывают 816; это одна из трех доминирующих тематик наряду с городскими событиями (950 ф.) и отдельными архитектурными объектами (802 ф.) [18, с. 95]. Кроме того, Уралмаш оставался в центре внимания художников [19].

Пройдусь по Фрезеровщикам...

Символическая городская политика была ориентирована на рабочий класс. Среди 36 почетных граждан Свердловска, получивших это звание в период с 1966 по 1987 г., было 13 рабочих, 8 представителей интеллигенции (ученые, врачи, учителя, деятели культуры), 4 спортсмена, 3 производственных руководителя и инженера. Политика награждения высшим в СССР званием Героя Социалистического Труда тоже была в пользу рабочих: на 40 рабочих свердловских заводов, награжденных высоким званием, приходилось 15 руководителей предприятий и 10 представителей интеллигенции (ученых, инженеров).

Как правило, на выборах в Верховный Совет СССР от Свердловской области доминировали две группы: рабочие и представители партийно-хозяйственной бюрократии, представлявшие, по существу, одну и ту же промышленную сферу. Наконец, рабочий характер города был демонстративно зафиксирован в названиях улиц: «101 улица города названа в честь мастеров, рабочих: Инструментальщиков, Фрезеровщиков, Токарей, Сварщиков, Станочников, Стрелочников, Литейщиков, Мастеров и т. д. Из 40 крупных улиц, названных именами выдающихся личностей, 13 носят имена рабочих заводов (Большакова, Колмогорова, Воеводина, Крауля, Махнева, Ляпустина)» [20, с. 69]. Справочное издание «Свердловск за годы 9-й пятилетки» резюмировало: «Гордость современного Свердловска – его индустрия» [21, с. 5].

Знания в моде

С конца 1950-х гг. социальный облик города меняется. Эти изменения следуют в общем русле развития СССР: за период с 1939 по 1959 г. численность населения,

Мозаика около проходных завода «Уралэлектротяжмаш».

имеющего законченное высшее образование, выросла втрое (с 1,2 до 3,8 миллионов человек), в течение десятилетия с 1959 по 1970 г. увеличилась вдвое, достигнув цифры в 8,3 миллиона человек [22]. Свердловск, будучи ведущим административным, промышленным и научно-образовательным центром огромного Уральского региона, был в авангарде этого процесса. Стремительно развивался городской сектор образования: к 1970-м гг. в Свердловске учащиеся вузов и техникумов формировали около 10 % населения города. Выросло число вузов и вузовских преподавателей в целом: были образованы Уральский железнодорожный институт (1956),

Свердловский архитектурный институт (1967), Свердловский институт народного хозяйства (1967), Свердловский инженерно-педагогический институт (1979), а также крупный Институт переподготовки и повышения квалификации преподавателей общественных наук УрГУ (1967).

К концу 1970-х гг. вузовская сеть города выросла вдвое по сравнению с периодом 1930-х – начала 1950-х гг. Существенно усилились позиции академической науки: в 1950-х гг. довольно скромный по своим материальным возможностям Уральский филиал АН СССР был реорганизован в более мощный Уральский научный центр; исходный план реорганизации был

даже более амбициозным и предполагал слияние в рамках гигантского регионального центра также вузов и отраслевых институтов [23, с. 149]. Растет и масштаб отраслевых НИИ; крупнейшие из них в 1980-х гг. дают работу полутора-двум тысячам человек. На 1973 г. в Свердловске насчитывалось 120 научно-исследовательских, проектных, конструкторских и технологических институтов и организаций; численность работников научных и высших учебных заведений составила ок. 48 000 человек, в вузах обучалось около 43 000 студентов на дневной форме обучения; кроме того, в городе работали около 6 400 врачей и 7 800 учителей школ и преподавателей техникумов [21, с. 51–52]. Общую численность лиц, непосредственно связанных с наукой, образованием и здравоохранением (считая студентов), таким образом, можно оценить примерно в 100 000 человек или 10 % от населения города в 1973 г. Внутри самого города происходил своеобразный социальный переток, связанный с тем, что дети рабочих, получая высшее образование (в 1970-х гг. численность студентов из семей рабочих и из семей служащих была практически равной – по 49% на каждую группу), становились интеллигенцией; обрат-

ный процесс практически не происходил.

Культура места

На этой социальной базе возникла в 1960-х гг. – по выражению О. Н. Яницкого – своеобразная «культура места», «культура ожидания и больших надежд на спокойную мирную жизнь», враждебная индустриальной гигантомании. Ее социальными носителями выступали две группы: «Интеллигенция (ученые, люди творческих профессий) и местное население, теперь уже достаточно образованное (по меркам того времени это был советский средний класс), сытые по горло партийно-комсомольскими мобилизациями и желавшие жить нормальной, устоявшейся и предсказуемой жизнью» [24, с. 147].

Развитие такой «культуры места» поддерживалось возникшими с конца 1950-х гг. в свердловских науке и образовании направлениями исследований, не связанными напрямую с конкретными отраслями промышленности: социологией (СИНХ, Уральский научный центр АН СССР), городской экономикой (СИНХ, Уральский научный центр АН СССР), урбанистикой (САИ), а также целым блоком изысканий по истории и

культуре края (УрГУ, САИ). Одна из главных составляющих такой культурной трансформации – рост интереса к историко-культурному наследию города, представленному теперь не в форме «истории заводов и фабрик» (как ее предлагали писать в 1930-е гг. такие литераторы, как Авербах, презентуя до-революционные события, – телеологически ведущую к революции последовательность борьбы).

В изменении отношения общественности к исторической архитектуре ключевую роль играл архитектор Н. С. Алферов, издавший труд «Зодчие старого Урала» (1960). В 1960-е гг. Алферов и его коллеги из Свердловского архитектурного института развернули целую программу по изучению старинных заводов XVIII – начала XIX вв. как эстетически ценных объектов, одновременно обладающих исторической ценностью, а также по выработке рекомендаций их ревизализации и включения в актуальную социальную политику в качестве музеев.

На базе этой программы разворачивается не имевшее в СССР прецедентов культурное строительство в центре города – создание на территории старого завода Исторического сквера.

Динамика численности различных категорий работников в Свердловске (1970–1980 гг.) (тыс. чел.)

Источники: 1) Свердловск за годы 9-й пятилетки (1973–1976). Свердловск, 1974; 2) Свердловск. 1976–1980 гг. Свердловск, 1980. Для категории «Научные работники» за 1976–1980 гг. использована экстраполяция темпов роста, имевшихся в 1971–1974 гг. По категории «Врачи» за 1976–1980 гг. значение рассчитано в пропорции от числа поликлиник за тот же период.

Интеллигенция на марше

Идея развернуть вдоль реки Исети каскад скверов (проявление характерной для сталинской эпохи тяги планировщиков к речным пространствам) появилась в 1940-х гг., однако она тогда не предполагала сохранения исторической среды. Поэтому первоначально старые корпуса Екатеринбургского завода планировали снести полностью. Под давлением общественности с 1964 г. проект пересматривался, и к 1972 г. появился Исторический сквер, сохранивший часть старых построек. На этой базе предполагалось создать крупнейший в Свердловске музейный центр. С 1960-х гг. важным центром интеграции свердловской интеллигенции становится местное отделение ВООПИК [25].

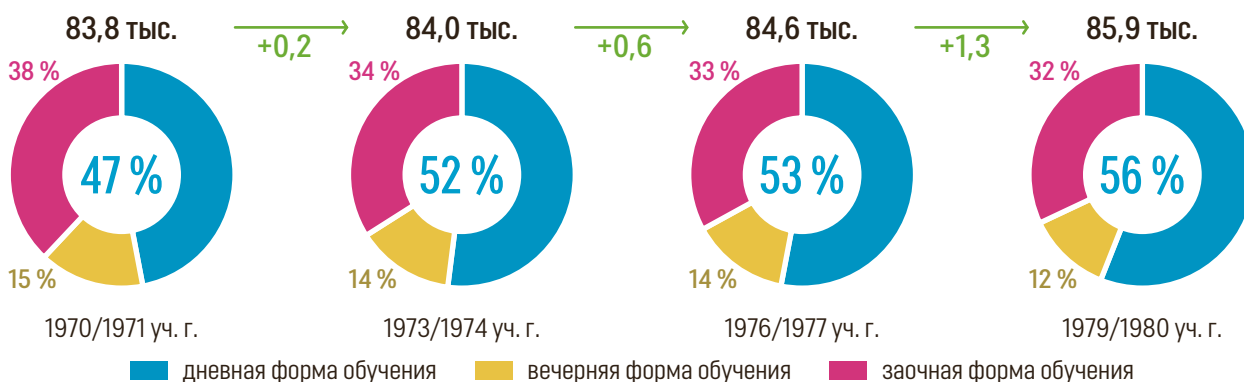
Крупные исследования проводились и в области изучения фольклора, топонимики, археологии, литературы, истории искусств Урала; с этими исследованиями связаны такие ученые, как И. А. Дергачев, В. П. Кругляшова, А. К. Матвеев, Б. В. Павловский, Р. Г. Пихоя. В 1983 г. была принята комплексная программа «Духовная культура Урала», в которой деятельно участвовали ведущие специалисты из Свердловска и Перми. Другой составляющей преобразования культурного ландшафта Свердловска 1950–1980-х гг. – рост

интереса к экологии. О. А. Яницкий выделяет несколько составляющих такого роста, который громко заявил о себе уже в 1958 г. систематическими протестами против строительства целлюлозного комбината на Байкале: сетевой характер научных организаций, не предполагавший жесткой иерархии, развитие жилищного строительства, приведшего к активному включению советских граждан в борьбу за обустройство своих улиц и дворов, и массовое студенческое движение, приведшее к появлению многочисленных студенческих дружин охраны природы, к 1980-м гг. переросшими патронаж со стороны ВЛКСМ и превратившихся в «серьезную социальную силу» [26, с. 16]. Важнейшими фигурами в развитии интереса к экологии в Свердловске стали влиятельные местные интеллектуалы, ученые, такие как популяционный эколог С. С. Шварц, лесовед Б. П. Колесников, писатель и фотограф Б. П. Рябинин; в 1977 г. свет увидела книга «Диалоги о природе», построенная в форме бесед этих трех «природолюбив» и вызвавшая огромный резонанс.

Заводы, НИИ и КБ

Соответствуя этим крупным изменениям в социальной структуре, менялся и городской ландшафт. В нем появляются высотные здания НИИ и заводских кон-

структорских бюро, тем более заметные на фоне того, что в советских городах отсутствовали высотные сооружения деловых и офисных центров. Среди наиболее эффективных доминант Свердловска, города с преобладанием пяти- и семиэтажных домов в период 1960–1980-х гг., следует назвать инженерные корпусы НПО автоматики и Уральского оптико-механического завода, здания институтов Уралгипротяжмаш и НИИ горного дела. Сами заводы-гиганты теперь создают в своей структуре научные институты: рядом с заводоуправлением Уралмаша разместились в отдельном здании НИИ Тяжмаш, на южной границе промышленной зоны Уралэлектротяжмаша выстроено огромное здание НИИ высоковольтной аппаратуры (его залы запечатлены в фильме 1977 г.), а рядом с проходным Уралхиммаша разместился крупный научно-производственный комплекс Свердловского химмаша. Опытные производства старых НИИ, исторически базировавшихся в центре города, размещаются теперь на окраинах – так возник целый научно-производственный городок в районе улицы Расточной, образованный опытными заводами институтов УНИХИМ и ВУХИН. Многоэтажными корпусами обзавелись и вузы – Уральский политехнический институт и Уральский государственный универ-

Динамика численности студентов в Свердловске (1970/1971 – 1979/1980 уч. г.)

Источники: 1) Свердловск за годы 9-й пятилетки (1973–1976). Свердловск, 1974; 2) Свердловск. 1976–1980 гг. Свердловск, 1980.

ситет. Менялась и структура расселения. Еще в середине 1950-х гг. в Свердловске строилось около 3 500 квартир в год, то уже к 1960-м гг. ежегодно сдавалось около 12 000 квартир. На протяжении 1970-х гг. обеспеченность жилой площадью выросла почти на треть: с 10,9 до 13,0 квадратных метров на человека. Выросла и этажность жилой застройки: массово появляются 9- и 12-этажные дома [27, с. 25].

В 1970-х гг. выросли новые районы Свердловска, уже не имевшие прямого отношения к крупным производствам. Главными среди них можно считать Пионерский и Юго-Западный микрорайоны. В проекте Юго-Западный микрорайон именовался Академическим. Именно здесь разместился в к. 1970-х гг. Уральский дом науки и техники. Еще юго-западнее этого района должен был разместиться городок Уральского научного центра Академии наук СССР – аналога новосибирского Академгородка – образцового интеллигентского городка Советского Союза 1960–1980-х гг. Здесь строительство велось с 1971 г. География этих районов отличалась от географии рабочих городков: здесь имелись торгово-бытовые центры, однако отсутствовали крупные дома культуры и элементы спортивной инфраструктуры, сооружение которых оставалось прерогативой заводов.

Наконец, демонстрацией потенциала Свердловска-интеллигентского стал возводившийся с 1978–1980 гг. молодежный жилой комплекс (МЖК) на востоке города. МЖК были выходом для слоя молодых специалистов, работавших в научно-технических организациях, не ведших такого интенсивного жилищного строительства, как заводы-гиганты. Основу свердловского МЖК составили молодые специалисты УПИ, Уральского научного центра АН СССР, сотрудники небольших наукоем-

ких предприятий – НПО автоматики и Свердловского завода электроавтоматики. Архитектурная среда района МЖК оказалась весьма необычной, вписанной в окружающий ландшафт [28, с. 108].

Рост численности интеллигенции в Свердловске вызывает создание музейно-культурных кластеров – разнообразие системы общественного питания, рост числа театров, строительство Исторического сквера на площадке старого завода. Трансформацию социально-экономической структуры города декларируют и составители Генерального плана развития Свердловска на 1970–1990 гг.: «Генеральный план реконструкции города предусматривает качественную переориентацию характера города в производственно-экономическом и административно-управленческом отношении. В системе высокоразвитой промышленности, управления и науки возрастает относительная доля последних, предусматривается рост специального образования, развития культуры и искусств» [29, с. 87].

В защиту «огненной каторги»

Ярким примером столкновения двух типов дискурса стала история о цехе холодной прокатки (ЦХП) ВИЗа. Если с точки зрения круга творческой интеллигенции старый заводской комплекс завода является исторической и эстетической ценностью, нуждающейся в сохранении, то с точки зрения заводского коллектива самого ВИЗа это устаревшие цеха дореволюционной «огненной каторги», которые подлежат демонтажу и замене на новый, полностью автоматизированный цех. Тем не менее, осуществление нового проекта потребовало учесть и природо-защитные, и историко-культурные требования. Специально для ЦХП была спроектирована

уникальная система замкнутой циркуляции воды – решение оказалось настолько удачным, что в 1985 г. заводской директор В. С. Ожиганов даже издал книгу «Быль о чистой воде». Одновременно была выдвинута и культурная программа: старые цеха завода, историческая ценность которого была обоснована историками архитектуры, предполагалось сохранить в качестве музейного пространства, а около нового цеха на левом берегу Исети должен был возникнуть новый же культурный центр – сквер с «музеифицированным» старым зданием завода [30, с. 190].

Историческая ирония

Впрочем, крупные проекты по созданию новых публичных пространств и культурных центров Свердловска, начатые в 1960-е гг., реализовывались медленно, многие из них так и не были доведены до конца, например, высотное здание гостиницы «Турист», застройка которого была начата в 1970-х гг., но не была завершена (в XXI в. этот долгострой был завершен уже как деловой центр). Не был толком реализован и музейный центр в Историческом сквере: новое здание картинной галереи было завершено только к концу 1980-х гг. Однако осуществить социально-культурное преобразование западной части города с помощью строительства цеха-гиганта не получилось: старый ВИЗ не был трансформирован в «исторический сквер», возле ЦХП так и не появился никакой центр общественной жизни – средоточием культурной активности оставалась вплоть до 1991 г. площадь Субботников в непосредственной близости к старым, грязным цехам предприятия. Индустриальный проект не стал культурным проектом. Своего рода историческая ирония присутствует в том, что гигантский цех, который в 1970-е гг. пре-

подносился в средствах массовой информации как триумф технико-производственного прогресса, в постсоветский период воспринимается как досадная градостроительная помеха, отсекающая город от гряды Верх-Исетского пруда [31]. С 1971 г. началось возведение городка Академии наук на юго-западе Свердловска, однако и здесь строительство осуществлялось невысоким темпом. В 1980-х гг. новый амбициозный руководитель УНЦ АН СССР Г. А. Месяц пытался «выбить» финансирование для того, чтобы форсировать возведение свердловского Академгородка у главы правительства Н. И. Рыжкова: «Академгородок в Свердловске строится много лет, а как быстро строился он в Новосибирске! Там все делало Министерство среднего машиностроения, т. е. атомщики. Тут, на Урале, у них огромная строительная организация. Почему бы Минсредмашу не строить нам?» [32, с. 66]. Бюджет на строительство был увеличен, однако воплотить план не удалось: плановая экономика уже распадалась, и к 1990-м гг. было построено всего четыре здания научных институтов – металлургии, геофизики, электрофизики, геологии и геохимии. Новую рыночную эру Свердловск-интеллигентский встретил недостроенным, недоосуществленным.

Фортост гласности

Свердловская интеллигенция поддержала начавшуюся при М. С. Горбачеве политику перестройки. Историк Ю. С. Кирьяков подчеркивал: «В середине 1980-х гг. понятие „Уральский университет“ приобрело не столько традиционно институциональный, сколько ментально-корпоративный характер. Инициативы, рождавшиеся в университете или в силу обстоятельств делавшие альма-матер центром событий, втягивали в данный процесс „птенцов гнезда ургушного“. На

© Фото: Владимир Казаков

Интеллигенция поддержала реформы, и города окупались в рынок.

них откликались выпускники УрГУ – преподаватели общественных кафедр других вузов, техническая интеллигенция с соседних, в том числе и оборонных, предприятий, а также, что принципиально, выпускники университета, рекрутированные в состав партийно-советской номенклатуры» [33, с. 242]. Не меньше чем УрГУ поддерживал новые веяния громадный Уральский политехнический институт – альма матер Б. Н. Ельцина. Снятие ограничений на участие интеллигенции в политической деятельности в годы перестройки привело к «взрывному росту» активности, проявившемуся, в частности, при выборах народных депутатов СССР в 1989 г. представители интеллигенции (ученые, врачи, преподаватели) составили более 70 % всех выдвинутых кандидатов в трех округах, включавших территорию Свердловска; правда, победы добиться удалось только в одном из округов [34]. Но вскоре ситуация резко изменилась: крах плановой экономики вывел на авансцену класс российских предпринимателей.

Символическая политика доминирования рабочего класса в одночасье рухнула. Уже к

середине 1990-х гг. старая система дуализма рабочих и интеллигентов канула в прошлое. Впрочем, объектам индустрии, ранее формировавшим географию города, в XXI в. предстоит новая жизнь, теперь уже, по выражению Л. Е. Петровой, в качестве «объектов культурного потребления» [35] – процесс, начавшийся, как мы видели, уже в 1960-х гг.

Назад в бизнес

На протяжении советской эпохи Свердловск оставался городом сложного баланса двух ведущих социальных групп – рабочего класса (фактически представленного партийно-хозяйственной бюрократией), трудившегося на заводах и фабриках, и интеллигенции, работавшей в научно-образовательных, медицинских, культурных учреждениях.

До конца 1950-х гг. Свердловск оставался рабочим городом (отчасти эта функция уравновешивалась функцией административного центра, предполагавшей интенсивное развитие инфраструктуры общегородского и областного использования в центральной части города), в 1930–1950-х гг. транспортную, медицинскую, культурную, торговую географию города определяло строительство рабочих городков крупнейших предприятий – районов Уралмаш, Эльмаш, ВИЗ, Химмаш, Компрессорный, Сортировочный.

С 1960-х гг. происходит социальный сдвиг – резкое увеличение численности интеллигенции, сопровождавшееся развитием «культуры места», ростом интереса к историко-краеведческой и экологической тематике. Это ведет к усложнению городской географии: появлению высотной застройки зданиями НИИ и конструкторских бюро, развитию новаторских элементов благоустройства с дополнительной историко-культурной

«стоимостью» (Исторический сквер), появлению жилых районов, не связанных напрямую с крупной индустрией (Академический, Пионерский, МЖК). Генеральный план развития Свердловска декларировал превращение города рабочих в город ученых, при сохранении важнейшей функции индустриального центра.

Вместе с тем, рабочий Свердловск продолжал доминировать:

в 1970-х гг. была осуществлена крупнейшая индустриальная стройка (ЦХП Верх-Исетского завода), организаторы которой попытались вписать развитие индустриального производства в новую интеллигентскую парадигму города. Символическая политика продолжала быть ориентированной на рабочий класс, доминировавший в литературном нарративе, системе награждений, представительстве в со-

ветских органах выборной власти (пусть и не обладавших реальной властью). Распад плановой экономики привел к тому, что обе социальные группы утратили доминирующие позиции в Свердловске, уступив свое место слою предпринимателей и профессиональных политиков, сформировавшемуся, главным образом, на базе интеллигенции и партийно-хозяйственной бюрократии. ■

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

- [1] Меерович М.Г. (2015). Уникальность урбанизации в СССР // Вестник ТГАСУ. № 2. С. 9–16.
- [2] Коган Л.Б. (2007). Урбанизация, глобализация и городская политика // Городское управление. № 12. С. 2–12.
- [3] Глазычев В.Л. (2008). Урбанистика. Ч. 1. М.: Европа. 219 с.
- [4] Пивоваров Ю.Л. (2001). Урбанизация России в XX веке: представления и реальность // Общественные науки и современность. № 6. С. 101–113.
- [5] Сенявский А.С. (2019). Урбанизационный процесс в СССР в экономическом измерении: структурные и институциональные аспекты // ВТЭ. № 2. С. 147–161.
- [6] Горбачев О.В. (2014). Региональные особенности российского градообразования // Историко-педагогические чтения. № 18-1. С. 61–71.
- [7] Дакоро М.А. (2014). Специфика советской интеллигенции // Социально-гуманитарные знания. № 7. С. 250–256.
- [8] Гудков Г.Д., Дубин Б.В. (2009). Интеллигенция: заметки о литературно-политических иллюзиях. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха. 299 с.
- [9] Мельникова С.В., Поршнева О.С. (2016). Образ города и его функционирование в культурно-историческом контексте: к постановке проблемы (на примере Екатеринбурга) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3: Общественные науки. Т. 11. № 4 (158). С. 166–172.
- [10] Харви Д. (2021). Состояние постмодерна. Исследование истоков культурных изменений. М.: Издательский дом Высшей школы экономики. 576 с.
- [11] Везнер Л.Н. (2014). Структура образа города: основные теоретические подходы // Вестник экономики, права и социологии. № 4. С. 221–224.
- [12] Бурцев А.Г. (2015). История и наследие жилищного кооператива «Опытстрой» // Архитектон: Известия вузов. № 4. С. 9.
- [13] Лаппо Г.М., Полян П.М. (1999). Результаты урбанизации в России к концу XX века // Мир России. № 4. С. 35–46.
- [14] Родина. Иллюстрированная книга для чтения. М.: Молодая гвардия, 1940. 568 с.
- [15] Ефремова Е.Н. (2015). «Здесь будет город-сад»: утопический образ города в заводской газете Уралмаша // Quaestio Rossica. № 4. С. 57–82.
- [16] Бекленищева М.В. (2021). Свердловская область в дипломатической истории СССР: визиты первых лиц иностранных государств в регион (1955–1965) // Historia provinciae – журнал региональной истории. Т. 5. № 2. С. 529–570.
- [17] Бушмаков А.В., Бушмакова Ю.В. (2016). Презентация города на почтовых открытках на примере Перми XX в. // Вестник ПНИПУ. Прикладная экология. Урбанистика. № 3. С. 192–208.
- [18] Дмитриева А.И. (2020). Городская среда крупного промышленного центра в фотодокументах советской эпохи // Гуманитарные науки в Сибири. № 2. С. 93–99.
- [19] Булавин В.С., Ионин Д.М., Павловский Б.В. (1983). Художники и Уралмаш. Л.: Художник РСФСР. 160 с.
- [20] Журавлева Н.И., Мельникова С.В. (2017). Екатеринбург – Свердловск: трансформация образа города // Человек в мире культуры. Региональные культурологические исследования. № 2/3. С. 66–70.
- [21] Свердловск за годы 9-й пятилетки (1971–1973). Свердловск: б. и., 1974. 57 с.
- [22] Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1987. 765 с.
- [23] Мельникова Н.В. (2007). От УФАна к УНЦ: предпосылки и условия развития // Историко-педагогические чтения. № 11. С. 143–150.
- [24] Яницкий О.Н. (2005). Экологическая культура России XX века: очерк социокультурной динамики // История и современность. № 1. С. 136–161.
- [25] Соколов С.В. (2021). Документы Свердловского отделения ВО-ОПИК как источник по интеллектуальной жизни Свердловска в 1960–1980-е гг. // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург: Издательство Уральского университета. С. 222–228.
- [26] Яницкий О.Н. (1995). Эволюция экологического движения в современной России // Социологические исследования. № 8. С. 15–25.
- [27] Лыжин С.М. (2006). Архитектура и структура жилищного фонда города (на примере городов Урала): автореферат диссертации на соискание доктора архитектуры. Москва.
- [28] Бухарова Е.А. (2018). Особенности архитектуры микрорайона МЖК в Екатеринбурге // Наука сегодня: проблемы и перспективы развития. Вологда: Маркер. С. 108–109.
- [29] Алферов Н.Г., Белянкин Г.И., Козлов А.Г., Коротковский А.Э. (1980). Свердловск (строительство и архитектура). М.: Стройиздат. 160 с.
- [30] Верх-Исетский металлургический. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1972. 224 с.

- [31] Фоминцева Е.А. (2009). Перепрофилирование прибрежной территории Верх-Исетского пруда в границах промышленной площадки // Архитектон: известия вузов. № 26, приложение. URL: http://archvuz.ru/2009_22/26 (дата обращения: 01.11.2021).
- [32] Урал академический: страницы летописи. Екатеринбург : УрО РАН, 2017. 224 с.
- [33] Кирьяков Ю.С. (2010). Уральский университет в общественно-политических событиях конца восьмидесятых // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. № 3 (79). С. 240–248.
- [34] Емельянов Е.П. (2020). Участие представителей Свердловской интеллигенции в выборах народных депутатов СССР // Урал индустриальный. Бакунинские чтения : Материалы XIV Всероссийской научной конференции, Екатеринбург, 16–17 ноября 2020 г. Т. 2. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ. С. 192–201.
- [35] Петрова Л.Е. (2021). Интеграция объектов индустриального наследия в культурное потребление россиян // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. № 2. С. 96–100.

WORKING OR INTELLECTUAL? MAIN SOCIO-CULTURAL DEVELOPMENT MODELS OF THE SOVIET SVERDLOVSK IN THE 1930–1980s

AUTHORS' INFORMATION:

Konstantin D. Bugrov

Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (16, S. Kovalevskaya St., Ekaterinburg, 620108, Russia);
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russia)
✉ k.d.bugrov@gmail.com

KEYWORDS:

industrial city, Sverdlovsk, Ekaterinburg, intellectual class, working class, Soviet city, urbanization.

FUNDING:

The reported study was funded by RFBR and the Sverdlovsk regional government research project no. 20-49-660015 "Ekaterinburg-Sverdlovsk as the intellectual center of Russia in the era of industrial modernity: milestones of formation (late XIXth – late XXth centuries)".

FOR CITATION:

Bugrov K.D. (2021). Working or intellectual? Main socio-cultural development models of the Soviet Sverdlovsk in the 1930–1980s, *Municipality: Economics and Management*, no. 4, pp. 64–77.

ABSTRACT:

The problem considered in the article is the specifics of Ekaterinburg-Sverdlovsk development in the XX century, as the major economic, social and cultural center of the country. A particular task is to analyze the socio-cultural development models of Sverdlovsk as a large urban center of the Soviet era. To address the task, the social actors and institutions of Sverdlovsk of the 1930–1980s are explored, as well as the urban planning policies, the city images and the symbolic representation systems created by them.

As a result of the research, it is revealed that during the Soviet era, Sverdlovsk remained a city of the two balancing leading social groups: the working class (actually represented by the party-economic bureaucracy) and the intellectual society. Up to the 1950s large-scale industrial construction prevailed, which determined both the city geography (a conglomerate of workers' settlements around the administrative and cultural center) and the symbolic policy of the working class domination (awards, street names, literary politics, fine arts and photography). Starting from the 1960s the rapid growth of the intellectual class numbers began, which made up at least 10% of the city's population by the 1970s. The new social stratum was a kind of 'culture of the place' bearer (according to O. A. Yanitskiy) implying a greater interest in local history, environmental, and leisure issues. New city districts, not associated with industrial enterprises, emerged, the unique projects, such as the creation of the Historical Square or the Ural Scientific Center of the USSR Academy of Sciences were implemented.

However, despite the declared in the General Plan of Reconstruction and Development of Sverdlovsk for 1970–2000 transformation of the city from a working center into a center of science, culture and high-tech production, the working class retained dominating position until the end of the Soviet era, and the new construction program of a scientific and cultural profile was never implemented to the full extent. Nevertheless, today's geography of Sverdlovsk is still largely shaped by the Soviet time heritage.

REFERENCES:

- [1] Meerich M.G. (2015). Uniqueness of urbanization in the USSR, *Bulletin of TGASU*, no. 2, pp. 9–16.
- [2] Kogan L.B. (2007). Urbanization, globalization and urban politics, *City Management*, no. 12, pp. 2–12.
- [3] Glazychev V.L. (2008). Urbanism. P. 1. Moscow: Europe. 219 p.
- [4] Pivovarov Yu.L. (2001). Urbanization of Russia in the XX century: submissions and reality, *Public sciences and modernity*, no. 6, pp. 101–113.
- [5] Senyavsky A.S. (2019). The urbanization process in the USSR in the economic dimension: structural and institutional aspects, *VTE*, no. 2, pp. 147–161.
- [6] Gorbachev O.V. (2014). Regional features of Russian city formation, *Historical and pedagogical readings*, no. 18-1, pp. 61–71.
- [7] Dakoro M.A. (2014). The specificity of the Soviet intelligentsia, *Socio-humanitarian knowledge*, no. 7, pp. 250–256.
- [8] Gudkov G.D., Dubin B.V. (2009). Intelligentsia: Notes on literary and political illusions. St. Petersburg: Publishing house of Ivan Limbach. 299 p.
- [9] Melnikova S.V., Porshneva O.S. (2016). The city image and its functioning in a cultural and historical context: To the formulation of the problem (on the example of Ekaterinburg), *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 3: Public sciences*, vol. 11, no. 4 (158), pp. 166–172.
- [10] Harvey D. (2021). Postmodern state. The study of the sources of cultural changes. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. 576 p.
- [11] Vesner L.N. (2014). Structure of the city image: the main theoretical approaches, *Bulletin of the economy, law and sociology*, no. 4, pp. 221–224.
- [12] Burtsev A.G. (2015). History and legacy of the housing cooperative "Opytstroy", *Architecton: Proceedings of higher education*, no. 4, p. 9.
- [13] Lappo G.M., Polyan P.M. (1999). The results of urbanization in Russia by the end of the XX century, *World of Russia*, no. 4, pp. 35–46.
- [14] Motherland. Illustrated book for reading. Moscow: Molodaya Gvardiya, 1940. 568 p.
- [15] Efremova E.N. (2015). "There will be a city-garden here": Utopian image of the city in the factory newspaper Uralmash, *Quaestio Rossica*, no. 4, pp. 57–82.
- [16] Beklenischeva M.V. (2021). Sverdlovsk region in the diplomatic history of the USSR: visits of the first persons of foreign states in the region (1955–1965), *Historia Provinciae – journal of regional history*, vol. 5, no. 2, pp. 529–570.
- [17] Bushmakov A.V., Bushmakova Yu.V. (2016). Presentation of the city on postcards on the example of Perm XX century, *Vestnik PNIPU. Applied ecology. Urbanism*, no. 3, pp. 192–208.
- [18] Dmitrieva A.I. (2020). Urban environment of a large industrial center in photocouples of the Soviet era, *Humanitarian sciences in Siberia*, no. 2, pp. 93–99.
- [19] Bulavin V.S., Ionin D.M., Pavlovsky B.V. (1983). Artists and Uralmash. Leningrad: Artist of RSFSR. 160 s.
- [20] Zhuravleva N.I., Melnikova S.V. (2017). Ekaterinburg – Sverdlovsk: Transformation of the city image, *Man in the world of culture. Regional cultural research*, no. 2/3, pp. 66–70.
- [21] Sverdlovsk over the years of the 9th five-year plan (1971–1973). Sverdlovsk. 1974. 57 p.
- [22] National Economy of the USSR for 70 years. Anniversary statistical yearbook. Moscow: Finance and Statistics, 1987. 765 p.
- [23] Melnikova N.V. (2007). From the Ural branch of the USSR Academy of Sciences to the Ural Scientific Center: prerequisites and development conditions, *Historical and pedagogical readings*, no. 11, pp. 143–150.
- [24] Yanitsky O.N. (2005). Ecological culture of Russia of the 20th century: sketch of sociocultural dynamics, *History and modernity*, no. 1, pp. 136–161.
- [25] Sokolov S.V. (2021). Documents of the Sverdlovsk branch of the VOOPIK as a source for the intellectual life of Sverdlovsk in the 1960–1980s. Document. Archive. History. Modernity. Ekaterinburg: Ural University Publishing House, pp. 222–228.
- [26] Yanitsky O.N. (1995). Evolution of the environmental movement in modern Russia, *Sociological research*, no. 8, pp. 15–25.
- [27] Lyzhin S.M. (2006). The architecture and structure of the housing foundation of the city (on the example of the cities of the Urals): Abstract of Advanced Doctor's degree dissertation. Moscow.
- [28] Bukharova E.A. (2018). Features of the architecture of the microdistrict MZhK in Ekaterinburg, *Science today: problems and development prospects*. Vologda: Marker, pp. 108–109.
- [29] Alferov N.G., Belyankin G.I., Kozlov A.G., Korotkovsky A.E. (1980). Sverdlovsk (construction and architecture). Moscow: Stroyizdat. 160 p.
- [30] Verkh-Isetsky metallurgical. Sverdlovsk: Middle-Ural Book Publishing House, 1972. 224 p.
- [31] Fomitseva E.A. (2009). Re-profiling of the coastal area of the Verkh-Isetsky pond within the boundaries of the industrial site, *Architecton: Proceedings of higher education*, no. 26, app. URL: http://archvuz.ru/2009_22/26 (accessed 01.11.2021).
- [32] Ural Academic: Chronicles Pages. Ekaterinburg: Ural branch of RAS, 2017. 224 p.
- [33] Kiryakov Yu.S. (2010). Ural University in the socio-political events of the end of the eighties, *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*, no. 3 (79), pp. 240–248.
- [34] Emelyanov E.P. (2020). Participation of representatives of the Sverdlovsk intelligentsia in the elections of the People's Deputies of the USSR. In: Proceedings of the XIV Russian Scientific Conference "Ural industrial. Bakuninsky readings" (Ekaterinburg, November 16–17, 2020). Vol. 2. Ekaterinburg: Publishing House of UMC UPI. Pp. 192–201.
- [35] Petrova L.E. (2021). Integration of industrial heritage facilities in the cultural consumption of Russians, *Academic Bulletin of Ural-NIIproject of RAASN*, no. 2, pp. 96–100.

АУТЕНТИЧНОСТЬ «ПРОМЫШЛЕННОГО ОСТРОВА»: СЛУЧАЙ УЛИЦЫ ФАБРИЧНОЙ В НОВОСИБИРСКЕ

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Калашникова Ксения Николаевна
Новосибирский государственный университет (630090, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2);
Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук (630090, Россия, Новосибирск, пр-кт Академика Лаврентьева, 17)
✉ k.kalashnikova@ag.nsu.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

аутентичность, производство пространства, Лефевр, промышленное пространство, идентичность.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Калашникова К.Н. Аутентичность «промышленного острова»: случай улицы Фабричной в Новосибирске // Муниципалитет: экономика и управление. 2021. № 4. С. 78–88.

АННОТАЦИЯ:

Пространства российских городов переживают сейчас переходный период. Меняются и социальные отношения, наполняющие их, и материальная среда. Особенно это заметно в случае промышленных территорий, которые в результате глобальных процессов деиндустриализации и переноса производств из городов оказываются в упадке. Одна из стратегий возрождения таких территорий – это использование их аутентичности в качестве ресурса.

Цель данной статьи – конструирование интегральной концепции аутентичности в привязке к процессу производства пространства, а также апробация концепции на примере улицы Фабричной в Новосибирске.

Процесс производства пространства трактуется с точки зрения А. Лефевра и включает в себя пространства репрезентации, репрезентации пространства и пространственные практики. Аутентичность понимается в исследовании как многомерное явление, включающее в себя объективное и субъективное измерение. Объективное измерение относится к формальным показателям, произведенным экспертами о том, какие места можно отнести к аутентичным. Субъективное же включает в себя, с одной стороны, эстетическое восприятие пространства как объекта потребления, с другой – чувство соответствия собственной идентичности, укоренённости в социальном пространстве. Источниками информации выступили

материалы полужформализованных интервью, СМИ, реестр объектов культурного наследия, материалы наблюдения и географическая информационная система «2ГИС».

Были сделаны следующие основные выводы. Объективная аутентичность может задействоваться коммерческими силами и выступать как конкурентное преимущество, привлекающее аудиторию ценителей эстетики старины, субъективная же может стать основой производства выставки современного искусства. Но помимо ресурсной роли аутентичности можно выделить также ограничительную, когда, с одной стороны, официально признанная «историчность» места и законодательная его защита приводит к ограничению трансформации, с другой – субъективное ощущение «своего» пространства побуждает жителей бороться за его неизменность.

Держаться корней

Советское время характеризуется развитием промышленности и территорий, предназначенных для обеспечения работников предприятий всем необходимым: жильем, работой, досугом – чтобы они могли эффективно работать в стратегически важной сфере [1]. Однако помимо экономиче-

ского такие пространства имели идеологическое значение: они воплощали в себе ценность коллектива не только на рабочем месте, но и в быту; закрепляли население на определённой территории; наглядно демонстрировали ценность труда и ощущение в виде особых жилищных условий для тех, кто лучше себя проявил [2]. Карьерные пер-

спективы и возможности были обозримыми и предсказуемыми.

Промышленные территории продолжают играть важную роль на постсоветском пространстве и с точки зрения городских ландшафтов, и с точки зрения самоощущения горожан. Территориальная идентичность людей, проживающих в районах с промышленными корнями

ми, основана зачастую на гордости за причастность к достижениям прошлого и на совместно производимых нарративах об этих достижениях [3]. В воспоминаниях людей совместная жизнь была связана с ощущением «типичного спектра эмоций (как правило, положительных) – радости, гордости, патриотической эйфории – и внутригрупповой сплоченности» [2, с. 278]. Ностальгия играет важную роль в процессе конструирования наследия, её можно определить как «тоску по прошлому или любовь к материальным или нематериальным вещам и действиям, связанным с прошлым... используемую для развития, поддержания и воссоздания идентичности людей» [4, с. 99–100], а также как коллективный поиск идентичности, который ориентируется на прошлое – а не на будущее; находится в поисках знакомого – а не нового, уверенности – а не открытий [5].

С закатом советской эпохи промышленные территории столкнулись и с упадком, и с рассветом «дикого» капитализма, который был спровоцирован необдуманном переносом экономической модели, характерной для запада, на неподготовленную почву [6]. Это привело к тому, что многие из них находятся в упадке; разрушаются и символически (через утра-

ту своих отличительных черт), и физически (через распространение точечной застройки, уродливых вывесок и отсутствие ремонта). Изменения физического пространства нашли отражение и в самооощении горожан – прежней уверенности в завтрашнем дне больше нет, и в социальном составе жителей – теперь необязательно они имеют отношение к районообразующему предприятию.

В таких условиях закономерным становится обращение к «корням» мест в ходе их развития, например, в направлении роста «креативных индустрий», которые рассматриваются нередко как конкурентное преимущество городов. В качестве ресурса развития творческого начала города выступает такая характеристика его среды как аутентичности. В статье предпринята попытка конструирования интегральной концепции аутентичности в привязке к процессу производства пространства, а также апробации этой концепции на примере ул. Фабричной в Новосибирске.

Вирус аутентичности

Аутентичность будоражит умы исследователей в области социальных наук примерно с 1970-х годов прошлого века, когда появился труд Л. Триддинга «Искрен-

ность и подлинность» (*Sincerity and Authenticity*) [7]. В нем этот термин не получил явного определения, но работа положила начало его осмыслению не только историками, психологами и философами, но и социологами.

В социальных науках на данный момент сложилось несколько тематических направлений или контекстов, в которых осуществляется изучение аутентичности. Во-первых, это изучение туристического опыта. В рамках исследований данного направления туризм – это способ вырваться из рутины повседневности не только для восприятия аутентичных культур, мест и объектов, но и для «терапевтического» эффекта, ощущения себя «настоящим» [5; 8]. Во-вторых, изучение аутентичности бренда или организации как характеристики, которая может стать конкурентным преимуществом и привлечь новых клиентов и покупателей [9–11]. В-третьих, изучение аутентичности человека как внутренней «самости» [12]. В-четвертых, изучение аутентичности культур различных национальных общностей [13]. Наконец, отдельное направление посвящено рассмотрению аутентичности в пространственном контексте [14–16]. Такие исследования сосредоточены, например, на различных трактовках аутентичности в хо-

Рис. 1. Панорама улицы Фабричной в г. Новосибирске. Справа на фото: мельница и макаронная фабрика товарищества «Сибирский мукомол». Здание представляет собой историко-культурную ценность как пример архитектуры промышленного здания, в эклектичной стилистике которого присутствуют элементы рационалистического модерна.

де конфликтов вокруг исторического наследия [17] или на процессе джентрификации бывшего промышленного района [16].

Несмотря на то, что популярность термина растёт и описываются проблемы, маркируемые как «связанные с аутентичностью», единая трактовка пока ещё отсутствует, так как это крайне сложный и расплывчатый концепт, но насчет одной из его характеристик, кажется, установилось согласие. Эта характеристика – принципиальная многозначность. Действительно, в литературе можно найти множество определений, но их можно сгруппировать по трём ключевым значениям.

1) аутентичность как объективная характеристика. В рамках данного подхода аутентичность – это действительно существующее свойство, которое можно выявить на основе различных научных методов, например, установив авторство или время создания [18, с. 16–20; 8, с. 352–353; 19, с. 68–69].

2) аутентичность как сконструированная характеристика. Данный подход рассматривает аутентичность как категорию, которую можно сконструировать на основе образов места, его символов и статусов. То есть место может в восприятии горожан являться «аутентичным», если оно, например, на основе визуальных образов или материалов СМИ представляется таковым [18, с. 12–16; 8, с. 353–356; 19, с. 69–70; 16].

3) аутентичность как чувство. В рамках этого подхода аутентичность – это чувство, которое возникает у человека в привязке к пространству в процессе деятельности в нём. Это чувство «своего» места, места уникального, потому что оно соответствует индивидуальной конструкции идентичности [18, с. 5–12; 8, с. 358–365; 19, с. 70–71; 16].

Все эти трактовки относятся к различным аспектам аутентичности, которые могут использо-

ваться в качестве ресурса в ходе производства пространства. Для понимания широкого теоретического контекста, в котором аутентичность может рассматриваться в процессе развития территории, была задействована теория А. Лефевра в качестве концептуальной рамки.

Передовики производства пространства

Идея синтеза аутентичности и теории А. Лефевра реализуется в исследованиях не впервые. Исследователь аутентичности тематических пространств Мария Франческа Пиаззони утверждает, что аутентичность «лежит в основе физического и социального производства пространства» [20, с. 4], и определяет ее как «динамичные взаимоотношения между людьми, местами и смыслами, которые генерируют городские трансформации» [20, с. 5]. В своем исследовании тематического пространства «Город на Темзе» (*Thames Town*) в Китае она также выделяет объективистский и конструктивистский подходы, описывает их, но в основном для того, чтобы от рассуждений, что аутентичность есть, перейти к описанию того, что аутентичность делает. Для этого она также использует теорию А. Лефевра в качестве концептуальной рамки. На уровне понимаемого пространства (репрезентации пространства) «доминирующие акторы производят пространства, которые были эстетически и символически отредактированы с целью репрезентировать чувство аутентичности» [20, с. 5]. Эти пространства коммодифицируют экзотического «другого» с целью извлечения выгоды и получения большего контроля над горожанами. Жители же на уровне пространственных практик переопределяют, сопротивляются доминирующим репрезентациям пространства. «Ощущая и ис-

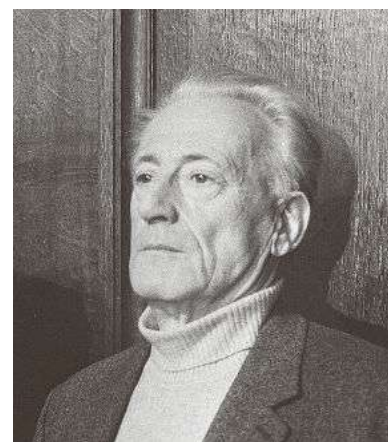

Рис. 2. Анри Лефевр (1901–1991). Французский социолог и философ, теоретик неомарксизма. Известен как один из первопроходцев в критике повседневной жизни. Автор концепции «Право на город».

пользуя материальную среду пользователи города трансформируют познаваемые пространства репрезентируемой аутентичности в аутентичные обжитые пространства» [20, с. 5], что приводит к производству городских мест. В качестве примеров она приводит «многолюдный тематический центр, эксклюзивные закрытые жилые дома, оккупированные жилые единицы в центре города и неформальные места встреч рабочих-мигрантов» [20, с. 3].

Наш способ трактовки отличается (рис. 3). В основном в связи с тем, что, на наш взгляд, на уровне пространственной практики «играют» не только жители, но и доминирующие акторы. Причем их влияние огромно. Поэтому предлагается немного другое соотношение концептуальных слоев теории А. Лефевра [21] и понимания аутентичности.

На уровне репрезентаций пространства – формальные представления об аутентичности и основания отнесения к наследию. Аутентичность – объективная характеристика. Аутентичные места соответственно те, которые по этим формальным показателям, произведенным экспертами, можно отнести к таковым. Это аутентично, пото-

му что относится к определенному стилю: там жил известный человек, там произошло некое событие и пр. Эксперты это выявляют (и зачастую эксперты инициируют поиск), так как у них есть культурный капитал. Объекты для них ценны не из-за личных историй, связанных с местом, а по другим, более объективным причинам. Даже если за этой связью стоит что-то личное, эксперты все-таки более ориентируются на объективные параметры и обоснования.

Пространство репрезентаций – «свои» места. Места, которые аутентичны, потому что к ним есть эмоциональная привязка по типу, что это «мое» место, оно соответствует мне, моей идентичности, здесь я могу быть самим собой в ходе своего повседневного опыта.

Знай свое место

В результате анализа теоретических источников и исследовательских работ предшественников был сделан вывод, что и объективный, и субъективный аспект скорее являются социальными конструктами, а не чем-то в самом деле существующим. В терминах Лefевра аутентичность можно назвать абстракцией, но от этого она не стано-

вится менее реальной. Движения по защите исторического наследия не случайным образом выбирают, что стоит защищать, а что – нет. За этим стоят и интересы (в том числе коммерческие) и общественные представления о том, какое прошлое наиболее приемлемо и удобно в контексте настоящего, какую часть истории стоит актуализировать в настоящем. Субъективный же аспект тоже подвергается искусственным манипуляциям. Они кроются и в дизайнерских приемах, и текстах СМИ, которые формируют у людей определенные представления о «настоящей» городской жизни. В работе Ш. Зукин [16], конечно, можно вычлениить, что существует «подлинная аутентичность», которая связана с жизнью городского сообщества, но пока сложно отделить ее на уровне индикаторов, а возможно и не стоит. Остановимся на том, что здание объективно может относиться к сталинской эпохе, но ценным этот факт сделал комплекс процессов, характерных для современности; так и человек может чувствовать место «своим», но вне зависимости от того, что он приводит в качестве обоснования. Это может быть результатом манипулирования.

Пространственная практика производит материальный и социальный слои пространства соответственно на практическом уровне, трансформируя пространство. Репрезентации пространства, согласно Лefевру, сильнее себя проявляют, у них есть преимущество [21]. Именно объективные официальные параметры все же сильнее могут повлиять на то, что сохранять, а что нет, чем просто эмоциональная привязка местных жителей. Но и жители тоже могут трансформировать город, производя действия, характерные для определенных мест.

Таким образом, процесс производства пространства включает в себя три измерения и соответственно три способа связей с пространством: осмысление в ментальном пространстве, восприятие физического пространства и переживание социального пространства [22]. Этим измерениям соответствуют субъекты: профессионалы, производящие ментальные конструкции; обыватели, жители города, производящие нереплексивный, живой повседневный опыт. Эти субъекты и другие агенты производят пространственную практику [21]. Среди важнейших агентов, на наш взгляд, – власть, бизнес, художники и природа.

Рис. 3. Концептуальная схема исследования

Далее на примере улицы Фабричной будет рассмотрено, как эти агенты производят пространство и как в этом процессе участвует аутентичность.

Пять источников вдохновения

Выбор кейс-стади в качестве исследовательской стратегии в нашем случае обусловлен особенностями лежащей в основе теории, а также опытом предшественников [15; 19; 23]. Был задействован комплекс источников, призванных обеспечить насыщенную картину:

1. Полуформализованные интервью с тремя жителями ул. Фабричной и одним работником организации, расположенной на ней. Интервью собраны в ходе исследовательского проекта, предшествующего выставке «Остров» в галерее Fab8, которая была создана в рамках фестиваля современного искусства «48 часов Новосибирск».

2. Сведения из Единого государственного реестра объектов культурного наследия народов Российской Федерации.

3. Материалы новостного сайта NGS по теме «недвижимость» и комментарии к ним, а также другие материалы СМИ.

4. Интерактивная карта 2ГИС.

5. Наблюдение в пространстве ул. Фабричной, в ходе которого фиксировались особенности материальной среды и практик в пространстве.

Соотношение индикаторов и источников информации, по которым будет описан далее кейс улицы Фабричной, представлено в таблице 1.

Промышленный остров

Улица Фабричная находится в Железнодорожном районе Новосибирска. Название своё она получила ещё в дореволюционное время из-за расположенных на ней промышленных предприятий. В начале XX века здесь находились паро-

Таблица 1 – Методическая архитектура исследования

Блок индикаторов	Индикаторы	Источники
Осмысленное пространство: репрезентации пространства	Что обладает аутентичностью в репрезентациях пространства (какие исторические периоды, какие объекты)	База ОКН
Проживаемое пространство: пространство репрезентаций	«Своё» пространство, эмоциональный аспект	Полуформализованное интервью; интернет-коммуникация
Воспринимаемое пространство: пространственные практики	Маршруты, поведение; брендинг; запрет на вмешательство в пространство/разрушение; коммерческий ландшафт; восприятие изменений	Наблюдение; полуформализованные интервью; СМИ; база ОКН; 2ГИС

вые мельницы, макаронная фабрика, пивоваренный завод, склады. Улица считается одной из важнейших с точки зрения развития молодого города, так как именно там располагался речной порт, куда приходили первые баржи.

Концентрация промышленных предприятий и соответственно их работников создало почву для революционных событий: в 1915 году произошла стачка и столкновения бастующих с полицией, причем рабочим удалось добиться выполнения своего требования – повышения зарплаты. А в 1921 году в саду «Сосновка» состоялся революционный трибунал по делу барона Унгерна, который был захвачен в Монголии красноармейцами под командованием П. Е. Щетинкина.

В советское время промышленный потенциал улицы усилился. На месте сада «Сосновка» был уничтожен последний фрагмент естественного соснового леса и возведен эвакуированный химический завод, а также построены жилые дома для работников порта. Эти дома несли в себе не только утилитарный смысл, но и символический. Они выступали как символы победы рабочего класса, на что указывал их нарядный вид и специфический состав жильцов – работников порта. Сейчас один из этих домов – «Дом грузчиков» – относится к объектам культурного наследия.

Сестра Бруклина

Объективная аутентичность на уровне репрезентаций пространства. В целом лишь несколько объ-

ектов улицы входят в перечень объектов культурного наследия:

- двухэтажное каменное здание по адресу ул. Фабричная, 17. Здание «Алтайской промышленной фабричной компании» построили в 1905 году. Сейчас там две торгово-производственные компании.
- трехэтажное каменное здание макаронной фабрики по адресу ул. Фабричная, 33.
- Дом жилой Речного Флота («Дом грузчиков») по адресу ул. Фабричная, 6.
- ТЭЦ № 1 по адресу пер. Пристанский, 4.

Но при этом нужно помнить, что «исторических» зданий на улице гораздо больше, чем в перечне. Все объекты, кроме жилого дома, попали в перечень ещё в советское время. В реестре ОКН значится ещё деревянный дом по адресу ул. Фабричная, 19, но он был уничтожен 20 лет назад.

Несмотря на то что некоторые объекты подлежат государственной охране, улица переживает сложный период. Новосибирский речной порт теперь числится как компания по аренде помещений в справочнике 2ГИС, а сама Фабричная стала скорее путем объезда центра города, чем точкой притяжения. Это приводит к видимому упадку и депрессивности. Положение улицы таково, что с одной стороны её ограничивает река Обь, с другой – железная дорога: улица оказывается отрезанной от центра, как своеобразный остров в центре города, несмотря на свое относительно центральное положение.

Внешне процессы, происходящие на улице Фабричной схо-

жи с теми, что происходили в 90-е годы в Нью-Йорке: Бруклин «стал крутым». «Этот район с иммигрантским „мрачным“ индустриальным прошлым начал трансформироваться с приходом в район творческой интеллигенции при параллельном спаде промышленного производства. Художники, музыканты, писатели, графические дизайнеры, производители дизайнерской мебели постепенно заменили собой население, состоявшее из мигрантов и простых рабочих. Привлекала новых жителей не только эстетика, но и более приземленная причина — низкая арендная плата» [24, с. 12]. Фабричная переживает нечто похожее: там появился лофт-квартал «Мельница», студия ручной печати и галерея Fab8.

Чужой дома

Субъективная аутентичность на уровне пространств репрезентаций. На наш взгляд, субъективный срез аутентичности места — сильно разнородный. Он различается в зависимости от характера связи с пространством: с одной стороны, это работники предприятий, расположенных на улице, с другой — жители домов. Жителей, насколько можно судить по интервью и по картам, не очень много. И можно выделить две основные категории: старые жители и новые.

В этом противопоставлении проходящих и уходящих обитателей и постоянных жителей, старожилов и недавно поселившихся можно обнаружить различные и даже конкурирующие трактовки аутентичности.

Для тех, кто работает на Фабричной, это прежде всего деловое транзитное пространство: «Пробки... объездная дорога между двумя мостами — Коммунальным и Димитровским» (М, 39 лет, работает на Фабричной).

Со стороны жителей — эстетическая трактовка. Аутентич-

ность как чувство эстетического наслаждения от опыта нахождения в пространстве: «Мне конкретно нравится вот этот дом.» — «Сама архитектура? Да?» — «Если бы я и хотел переехать, то переехал бы в 100-квартирный дом, но там ценник высокий» (М, 37 лет, живёт на Фабричной год).

С другой стороны, аутентичность как чувство погруженности и соответствие идентичности: «Какое место вы могли бы назвать „своим“?» — «Это Фабричка. Хотя ничего и нет, потому что здесь уже все свое, и люди знакомые, и все свое. Ну представьте 70 лет прожить» (Ж, 74 года, живёт на Фабричной всю жизнь).

Таким образом, можно выделить различные измерения субъективной аутентичности: аутентичность как ценность старины, привлекательные изъяны, эстетизация корней места, которые люди, не так давно проживающие на ней, рассматривают как ресурс и конкурентное преимущество территории. С другой стороны, аутентичность опыта, который остался в прошлом и связан с социальным взаимодействием и ностальгией по этому взаимодействию. Образ прошлого, в котором все пространственные практики были подчинены некоторому глобальному замыслу, противопоставляется картинам бурного и непредсказуемого настоящего, в котором старые жители чувствуют себя чужими. С этой точки зрения район теряет свою душу, когда исчезает «беспрывный процесс жизни и труда, постепенное выстраивание повседневного опыта, надежда на то, что соседи и здания, которые есть здесь сейчас, останутся тут и завтра» [16, с. 26].

На наш взгляд, первый субъективный аспект аутентичности — эстетический — может быть сконструирован с помощью дизайнерских приёмов и придания ценности объектам.

Сальвадор вдали

Проявления аутентичности в производстве пространства. Объективное и субъективное проявляется в пространственной практике причудливым образом. Аутентичные корни места проявляются в его специализации. Несмотря на то что промышленность переживает не лучшие времена и многие предприятия находятся в заброшенном состоянии, экономический профиль остается околопромышленным. Правда, акцент с производства сместился, скорее, на торговлю и услуги (например, число компаний, занимающихся ремонтом и отделкой, на ул. Фабричной составляет около 10).

Как уже было замечено выше, не все аутентично старые здания улицы входят в перечень объектов культурного наследия. Парадоксально, что одно из самых ярких и эстетически привлекательных зданий не подпадает под государственную охрану: у владельцев была возможность снести старую застройку и на ее месте возвести новую. Восстановление и облагораживание «Мельницы» — заслуга частного капитала. Открылся лофт в 2014 году, причем первоначально у владельцев здания была идея превратить его в творческий кластер, как в Москве. Но от этой идеи пришлось отказаться: такого госфинансирования для художников, как в столице, в Новосибирске нет. Тогда в качестве профиля лофта был выбран дизайн, и все арендаторы должны ему соответствовать.

Аутентичность места стала одним из коммерческих преимуществ пространства. На здании красуется дата 1910 да и само название отсылает к корням места (рис. 4).

Видимая депрессивность окружающего пространства выступала в качестве фактора риска для владельцев лофта. Но всё изменилось, когда в 2015 в про-

Рис. 4. Центр дизайна «Мельница». Абсолютно новый проект для Новосибирска и вообще – для Сибири. Он объединяет индустриальную историю страны и тенденции трендов в дизайне интерьера.

странстве прошла мультимедийная выставка Сальвадора Дали, а в начале 2016 – Айвазовского. Тогда на вопрос от потенциальных арендаторов о трафике авторы проекта уже могли смело отвечать, что сюда могут прийти полторы тысячи горожан и что сомнительная репутация улицы Фабричной их не смущает, а может, даже привлекает.

Сейчас, наблюдая успех «Мельницы», новые представители бизнеса осваивают пространство, расширяя лофт-квартал. Там появились: *Grunge* (Фабричная, 25) и *Event Hall* (Фабричная, 25/1). Все так или иначе связаны с дизайном, проектированием пространств, модой, тем, что можно назвать «креативными индустриями», работают там соответственно люди креативного, интеллектуального труда. Любопытно, что владельцы частного капитала перекидывают символические мостики скорее к дореволюционному прошлому улицы, чем к советскому (например, советское конструктивистское здание по адресу Фабричная, 35 обшили сайдингом).

Аутентичность здания – факт, что оно старое, что это здание с историей повлияло на производство этого коммерческого пространства. Сами принципы развития этой территории – судя и по внешним признакам,

и по интервью с владельцем – заимствованы из успешных проектов центральной части страны или глобальных городов вроде Лондона или Нью-Йорка. Внешне происходящее сильно похоже на джентрификацию. Но ощущение, что в российских условиях – не так. Не хватает важного элемента – активности «снизу», которая сделала бы район «крутым». В американских и европейских условиях, пространство, как правило, облюбовывают представители низовых культурных инициатив, художники и бедные представители интеллигенции, и только после этого на него обращают внимание держатели крупного капитала. В случае же «Мельницы» квартал стал «крутым» не тогда, когда там появились люди творческих профессий, а наоборот – они появились там, потому что в эти аутентичные заброшенные стены вливались крупные инвестиции.

Здравствуй, дерево!

Если бизнес обратился скорее к объективному срезу аутентичности места, то непосредственно творческие агенты, производящие пространство Фабричной, – художники, скорее к субъективному. Убедиться в этом можно было в ходе фестиваля «48 часов Ново-

сибирск». В июле 2021 года автор статьи приняла участие в подготовке к нему в качестве эксперта. Один из проектов фестиваля был посвящен улице Фабричной. Кураторка и художники провели огромную подготовительную работу: поговорили с жителями, устраивали воркшопы, читали лекции. Проект «Остров» поднимает тему выживания улицы и ее архитектурного наследия через истории, рассказанные обитателями места.

Результатом работы художников и кураторки Валерии Новицкой стало пространство, с одной стороны, произведенное во многом субъективной аутентичностью места, с другой – призвано сконструировать эстетическое её измерение. Художественное высказывание должно было стать тем инструментом, через который субъективная аутентичность Фабричной открылась бы для людей, не живущих на ней.

Герои выставки – «жители» улицы: артефакты, созданные ими; их голоса; их способ восприятия пространства, он показан с помощью различных средств: аудиозаписей, тактильных ощущений, графики, лоскутного шитья.

Отдельно выделяется в качестве субъекта производства пространства природа. И эта субъектность нашла отражение в проекте Я. Болдыревой «Интервью из-за решетки». В нем художница взглянула на процесс выживания с точки зрения растений улицы и взяла у них воображаемые интервью. Этот проект – «намерение посмотреть на вопрос выживания как неотъемлемое свойство самой жизни. В то же время формат интервью – это ирония над ан-

тропоцентрическим взглядом. Мы не можем стать цветами, не можем почувствовать себя цветами, но смысл этих псевдоинтервью в том, что мы ставим цветы наравне с собой, делаем их акторами, и только через этот психологический фокус можем понять, как важны вещи сами по себе, не являющиеся людьми и не принадлежащие нам», — поясняет автор проекта.

Историческая наценка

В период фестиваля на сцене улицы Фабричной появились ещё одни акторы — посетители выставочных пространств фестиваля современного искусства. Их видно издали. Это, как правило, молодые люди, по всему внешнему облику которых можно понять, что современное искусство им не чуждо, они передвигаются особым образом — компаниями — и маршруты их соединяют точки проведения фестиваля.

Жители улицы производят свое пространство, обсуждая проблемы на собраниях жильцов, высаживая цветы, взаимодействуя с депутатами. Наконец, просто гуляя. Но в интервью считается двойственная роль этой улицы. С одной стороны, она воспринимается как транзитная зона, которая предназначена для удобного (не всегда, правда) перемещения из одного пункта в другой: «Эта часть, она не центр, а скорее объездная» (*М, 39 лет, работает на Фабричной*).

С другой — как обжитое пространство, наполненное личными смыслами: «Портовики приходили, столики накрывали, концерт был, самодеятельность, я участвовала, мы занимали первое место по району» (*Ж, 74 года, живёт на Фабричной всю жизнь*).

Эта двойственность отражается и в восприятии изменений: «Я не скажу, что здесь погибает, нет, опять же „Маяк“ построился... вот эти вот штуки

появляются, которые кубики из контейнеров... появляются вещи, это действительно развитие» (*М, 39 лет, работает на Фабричной*).

«Я бы рассказала только, какая она была, вот сейчас я ничего рассказать не могу. Ничего хорошего не происходит. У нас ничего хорошего не построено. Все эти офисы, офисы, офисы, всё это: ремонт техники, ремонт машин... Ничего хорошего для людей не делается» (*Ж, 74 года, живёт на Фабричной всю жизнь*).

Эта двойственность отражается в пространстве. Сильнее представление об улице как о транзитной: это видно по её коммерческому ландшафту. Но, с другой стороны, происходит её обживание и жителями, и любителями старины: «Фабричная немного недооценена в плане прогулок — тут много интересных с точки зрения архитектуры зданий... Жалко, что всё находится не в очень хорошем состоянии и требует ремонта».

Улица Фабричная представляет сейчас специфическое наложение различных эпох, что несомненно отражается в гетерогенности её материальной среды: на одной стороне мод-

ные лофты, на другой — полуразрушенные заводские пространства. Аутентичность, которая ссылается на дореволюционные исторические корни места, обыгрывается в стильных новых началах улицы — в коммерческих проектах по проектированию и дизайну. Отвечая на вопрос о стоимости аренды, владелец «Мельницы» уклончиво ответил, что цена выше среднего, а значит «историчность» места коммерциализируется и становится дополнительной ценностью, за которую готовы платить. С другой стороны, аутентичность корней, которая отсылается к повседневному опыту «выживания» на промышленном острове, может стать основой для производства пространства выставки современного искусства. Но и та, и другая сторона развития как будто не делают жизнь жителей улицы проще и приятнее. По Фабричной носятся шумные фуры, нет школы, нет аптек, нет супермаркетов, нет культурного центра, за всеми этими благами нужно идти в центр, или, что вероятнее, ехать. И хоть жители улицы и обжива-

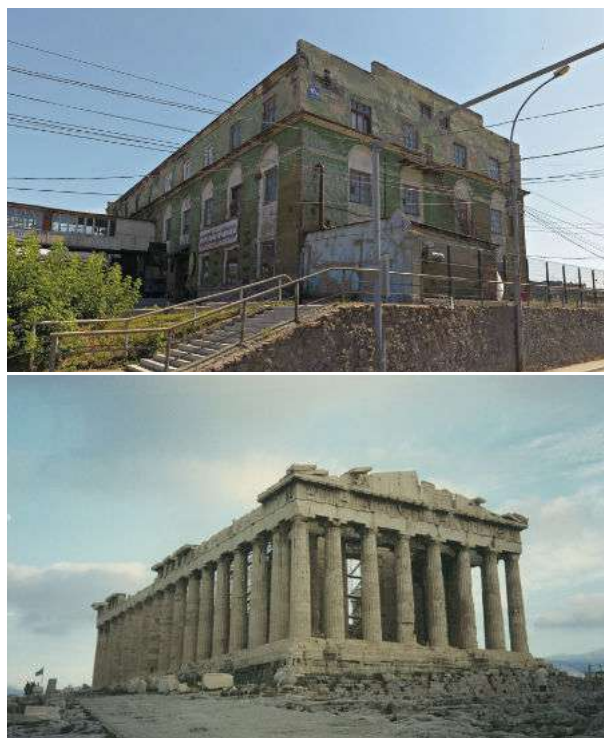

Рис. 5. Природа производит аутентичные городские места. Причем не только парки, клумбы и газоны, но и руины. Самой яркой руиной улицы Фабричной является Химзавод (наверху). Один из проектов выставки был призван изменить его восприятие как «страшилища» и сконструировать эстетическое восприятие его как руин наподобие Парфенона (внизу).

ют пространство вокруг себя, наполняя его образами прошлого, происходящее сейчас развитие скорее делает их чужими.

Прожить и прожевать

Если принять аналогию города и человека в рассмотрении аутентичности, то следует, что у города, как и у человека, есть состояние, когда он является «самим собой». Но города постоянно меняются, их меняют власти, бизнес, природные силы, наконец, сами горожане. Можно ли говорить, что существует некоторое аутентичное состояние городского развития, когда он, по аналогии с человеком, не притворяется и ничего из себя не строит? Возможно, этим состоянием является отсутствие конфликтов касательно развития территории. Но можно представить ситуацию с безучастными жителями, которым по большому счету всё равно, что произойдет с их местом жительства, поэтому нет и конфликтов. Либо аутентичный город – это такой город, в котором сохранено материальное историческое наследие. Но можно ли считать его настоящим, если из него вытеснено социальное разнообразие, а старинные стены превращены по сути в декорации? Либо аутентичный город постоянно в движении – в нём нет ничего постоянного, и одна материальная среда спустя непродолжительное время сменяется другой? В ответах на эти вопросы можно уловить роль того, что место является настоящим (согласно экспертным оценкам), либо ощущается таковым (согласно чувствам жителей).

Производство пространства – это процесс постоянного согласования и изобретения, находящий пространственное выражение в воспринимаемом регистре. Пространственные практики объединяют в себе рутину и социально-экономические процессы, переживаемое и осмыс-

ляемое. Агенты, производящие пространственные практики, обращаются к идее аутентичности по-разному. На уровне экспертов, поддерживаемых властью, аутентичность – это объективная характеристика, которая может быть обнаружена, зафиксирована и должна быть под защитой. На уровне рядовых горожан, аутентичность – скорее чувство, имеющее пространственную локализацию; это чувство может иметь характер эстетического удовольствия от соприкосновения с чем-то настоящим либо характер погруженности в пространство «жизни, а не потребления».

Оба аспекта заявлялись как конструкты, но в процессе анализа эмпирических данных появились сомнения в этом. Нет уверенности, что можно сконструировать чувство «настоящего», которое рождается в результате действительно долгого опыта проживания в пространстве.

Согласно Лефевру, экспертные и властные представления имеют доминирующее положение в процессе производства пространства. Этот тезис подтвердился отчасти. Улица Фабричная характеризуется, на первый взгляд, заброшенностью и видимым упадком, но при этом в качестве точки развития заявлена коммерческая территория, обращающаяся к объективной аутентичности места, которая при этом не подкреплена официальным статусом наследия. Неоднородные пространственные практики и агенты проявляются специфическим образом: то, что для одних развитие, для других – упадок, ведь той самой «настоящей Фабрики» больше нет. Сейчас пространство улицы производят по большей части «белые воротнички», сидя в офисах, обедая в столовых и покупая кофе с собой. А вот «Синие воротнички» видят упадок промышленности, а также то, что

коммодификации и видимому возрождению подвергается до-революционное наследие, а не советское, на котором основана их идентичность. Модные лофтовые пространства привлекают ещё одного важного агента, предвестника грядущих изменений – художников, дизайнеров и других представителей креативного класса, готовых платить больше, чтобы находиться в аутентичных стенах.

Таким образом, аутентичность приводит к производству различных видов пространств: маленьких уютных двориков, в которых чувствуется желание жителей, с одной стороны, «обжить» пространство, с другой – сохранить его неизменным; хипстерских мест, в которых эстеты потребляют старину; торговых пространств и мест производства креативных товаров. То, как агенты обращаются с самой идеей аутентичности, может определять развитие. Сценарий развития, при котором аутентичность места не используется в качестве властного рычага, усиливающего неравенство, возможно в случае партнерства, согласования интересов жителей, бизнеса и власти.

Проблема права на город, или если точнее – на аутентичный город, сейчас очень актуальна на Западе. Отличие лишь в масштабах и характере. Но несмотря на то что российские газеты не пестрят ещё заголовками про аутентичные кафе, аутентичный район для проживания и аутентичных людей, проблемы, связанные с физическим или символическим вытеснением и уничтожением, характерны и для России. В данном исследовании предпринята попытка конструирования инструмента для рассмотрения этой проблемы. Попытка, на наш взгляд, вносящая определенный вклад, но всё ещё требующая дальнейшей работы и теоретической, и полевой, и аналитической. ■

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

- [1] Меерович М., Конышева Е., Хмельницкий Д. (2011). Кладбище соцгородов: градостроительная политика в СССР (1928–1932 гг.). Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) : Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина». 270 с.
- [2] Стрельникова А.В. (2018). Смыслы жизни, укорененные в пространстве: ностальгическая идентичность жителей «заводских» районов // Смыслы жизни российской интеллигенции / под общей ред. Ж. Т. Тощенко ; редактор-составитель Д. Г. Цыбикова. М. : РГГУ. С. 275–280.
- [3] Стрельникова А. (2018). Судьба Бурана в структуре территориальной идентичности района Тушино // Inter. № 16. С. 60–69.
- [4] Sierra J.J., McQuitty S. (2007). Attitudes and emotions as determinants of nostalgia purchases: An application of social identity theory, *Journal of Marketing Theory and Practice*, vol. 15, no. 2, pp. 99–112.
- [5] Robinson P.D. (2016). Prosuming visuality, authenticity and urban exploration within tourist experiences. Ph. D. thesis. University of Wolverhampton. 101 p. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/77012175.pdf> (accessed 25.10.2021).
- [6] Хохлова А.М. (2011). Городские публичные места как площадки культурного производства и потребления // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 14. № 5. С. 182–191.
- [7] Trilling L. (1972). *Sincerity and Authenticity*. Harvard University Press, 188 p.
- [8] Wang N. (1999). Rethinking authenticity in tourism experience, *Annals of Tourism Research*, vol. 26, no. 2, pp. 349–370.
- [9] Athwal N., Harris L.C. (2018). Examining how brand authenticity is established and maintained: the case of the Reverso, *Journal of Marketing Management*, vol. 34, no. 3–4, pp. 347–369.
- [10] Becker M., Wiegand N., Reinartz W.J. (2019). Does It Pay to Be Real? Understanding Authenticity in TV Advertising, *Journal of Marketing*, vol. 83, no. 1, pp. 24–50.
- [11] O'Neill C., Houtman D., Aupers S. (2014). Advertising real beer: Authenticity claims beyond truth and falsity, *European Journal of Cultural Studies*, vol. 17, no. 5, pp. 585–601.
- [12] Нартова-Бочавер С.К. (2011). Понятие аутентичности в зарубежной психологии личности: история, феноменология, исследования // Психологический журнал. Т. 32. № 6. С. 18–29.
- [13] Давыдов В.Н. (2006). Культурная аутентичность и коренные народы: институциональные процессы и политика идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 9. № 3. С. 93–109.
- [14] Benz T.A. (2015). Urban Mascots and Poverty Fetishism: Authenticity in the Postindustrial City, *Sociological Perspectives*, vol. 59, no. 2, pp. 460–478.
- [15] Kendall P. (2017). The Location of Cultural Authenticity: Identifying the Real and the Fake in Urban Guizhou, *The China Journal*, no. 77, pp. 93–109.
- [16] Зукин Ш. (2019). Обнаженный город. Смерть и жизнь аутентичных городских пространств / пер. с англ. М. : Издательство Института Гайдара. 360 с.
- [17] Чернышева Л., Хохлова А. (2021). Создавая ценность и аутентичность: городские конфликты вокруг исторических зданий // Журнал исследований социальной политики. Т. 19. № 2. С. 223–238.
- [18] Lehman D.W., Connor K.O., Kovacs B., Newman G.E. (2019). Authenticity, *Academy of Management Annals*, vol. 13, no. 1, pp. 1–42.
- [19] Wesener A. (2016). 'This place feels authentic': exploring experiences of authenticity of place in relation to the urban built environment in the Jewellery Quarter, Birmingham, *Journal of Urban Design*, vol. 21, no. 1, pp. 67–83.
- [20] Piazzoni M.F. (2018). *The real fake: Authenticity and the production of space*. NY: Fordham university press, 140 p.
- [21] Лефевр А. (2015). *Производство пространства* / пер. с фр. М. : Strelka Press, 432 с.
- [22] Goonewardena K. (2019). Production of Space/Lefebvre. The Wiley Blackwell Encyclopedia of Urban and Regional Studies. Pp. 1–7.
- [23] Zhang Y. (2018). Negotiating Authenticity in China's Urban Historic Preservations—the Case of the Kuan and Zhai Alleys in Chengdu, *Heritage and Society*, vol. 11, no. 2, pp. 79–104.
- [24] Калашникова К. (2020). Концепция аутентичности Ш. Зукин: «шизоидная» категория в исследованиях города // Inter. Т. 12. № 2. С. 8–28.

THE “INDUSTRIAL ISLAND” AUTHENTICITY: THE CASE OF FABRICHNAYA STREET IN NOVOSIBIRSK

ABSTRACT:

The spaces of Russian cities are now undergoing a transitional period. Both social relations, filling them, and the material environment are changing. This is particularly obvious in the case of industrial territories, which, as a result of global processes of de-industrialization and production transfer away from cities, end up in decline. A strategy of reviving such territories is to use their authenticity as a resource.

The purpose of this article is to design an integral concept of authenticity in relation to the space production process, and to try

AUTHORS' INFORMATION:

Kseniia N. Kalashnikova

Novosibirsk State University (2, Pirogova St., Novosibirsk, 630090, Russia); Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Academician Lavrentiev Av., Novosibirsk, 630090, Russia)

✉ k.kalashnikova@ngs.ru

KEYWORDS:

authenticity, production of space, Lefebvre, industrial space, identity.

FOR CITATION:

Kalashnikova K.N. (2021). The "industrial island" authenticity: the case of Fabrichnaya street in Novosibirsk, *Municipality: Economics and Management*, no. 4, pp. 78–88.

and test this concept using the example of Fabrichnaya street in Novosibirsk.

The space production process is interpreted from A. Lefebvre's point of view and includes spaces of representation, representation of space and spatial practices. In the research, authenticity is perceived as a multidimensional phenomenon including objective and subjective dimensions. The objective dimension refers to formal indicators produced by experts on which places can be classified as authentic. The subjective measurement includes aesthetic perception of space as an object of consumption, and on the other hand, the feeling of conformity to the own identity, rooted in social space.

The sources of information used were the materials of semi-formalized interviews, the media, the register of cultural heritage objects, observation materials and the "2GIS" geographic information system.

The following essential conclusions were made. Objective authenticity can be used by commercial forces and act as a competitive advantage attracting the connoisseurs of the antiquity aesthetics, while subjective authenticity can become the basis for the production of a contemporary art exhibition. But besides the resource role of authenticity, a restrictive one can also be noted, when, on the one hand, the officially recognized 'historicity' of a place and its legislative protection lead to transformation limitations, on the other hand, the subjective feeling of 'the own' space encourages residents to struggle for its permanence.

REFERENCES:

- [1] Meerovich M., Konyshva E., Khmelnytsky D. (2011). Cemetery of social towns: urban policy in the USSR (1928–1932). Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN); Presidential Center of B. N. Yeltsin. 270 p.
- [2] Strelnikova A.V. (2018). The meanings of life rooted in space: the nostalgic identity of the residents of the "factory" regions. In: Toshchenko Zh.T., Tsybikova D.G. (eds.) The meanings of the life of the Russian intelligentsia. Moscow: RGGU, pp. 275–280.
- [3] Strelnikova A. (2018). The fate of Burana in the structure of the territorial identity of the Tushino region, *Inter*, no. 16, pp. 60–69.
- [4] Sierra J.J., McQuitty S. (2007). Attitudes and emotions as determinants of nostalgia purchases: An application of social identity theory, *Journal of Marketing Theory and Practice*, vol. 15, no. 2, pp. 99–112.
- [5] Robinson P.D. (2016). Prosuming visuality, authenticity and urban exploration within tourist experiences. Ph. D. thesis. University of Wolverhampton. 101 p. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/77012175.pdf> (accessed 25.10.2021).
- [6] Khokhlova A.M. (2011). City public places as cultural production and consumption sites, *Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 14, no. 5, pp. 182–191.
- [7] Trilling L. (1972). *Sincerity and Authenticity*. Harvard University Press, 188 p.
- [8] Wang N. (1999). Rethinking authenticity in tourism experience, *Annals of Tourism Research*, vol. 26, no. 2, pp. 349–370.
- [9] Athwal N., Harris L.C. (2018). Examining how brand authenticity is established and maintained: the case of the Reverso, *Journal of Marketing Management*, vol. 34, no. 3–4, pp. 347–369.
- [10] Becker M., Wiegand N., Reinartz W.J. (2019). Does It Pay to Be Real? Understanding Authenticity in TV Advertising, *Journal of Marketing*, vol. 83, no. 1, pp. 24–50.
- [11] O'Neill C., Houtman D., Aupers S. (2014). Advertising real beer: Authenticity claims beyond truth and falsity, *European Journal of Cultural Studies*, vol. 17, no. 5, pp. 585–601.
- [12] Nartova-Bochaver S.K. (2011). The concept of authenticity in foreign psychology of personality: history, phenomenology, research, *Psychological journal*, vol. 32, no. 6, pp. 18–29.
- [13] Davydov V.N. (2006). Cultural authenticity and indigenous peoples: institutional processes and identity policies, *Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 9, no. 3, pp. 93–109.
- [14] Benz T.A. (2015). Urban Mascots and Poverty Fetishism: Authenticity in the Postindustrial City, *Sociological Perspectives*, vol. 59, no. 2, pp. 460–478.
- [15] Kendall P. (2017). The Location of Cultural Authenticity: Identifying the Real and the Fake in Urban Guizhou, *The China Journal*, no. 77, pp. 93–109.
- [16] Zukin Sh. (2019). *Naked city. Death and life of authentic urban spaces*. Moscow: Publishing House of the Institute of Gaidar. 360 p.
- [17] Chernysheva L., Khokhlova A. (2021). Creating value and authenticity: urban conflicts around historic buildings, *Social policy research journal*, vol. 19, no. 2, pp. 223–238.
- [18] Lehman D.W., Connor K.O., Kovacs B., Newman G.E. (2019). Authenticity, *Academy of Management Annals*, vol. 13, no. 1, pp. 1–42.
- [19] Wesener A. (2016). 'This place feels authentic': exploring experiences of authenticity of place in relation to the urban built environment in the Jewellery Quarter, Birmingham, *Journal of Urban Design*, vol. 21, no. 1, pp. 67–83.
- [20] Piazzoni M.F. (2018). *The real fake: Authenticity and the production of space*. NY: Fordham university press, 140 p.
- [21] Lefebvre A. (2015). *Space Production*. Moscow: Strelka Press, 432 p.
- [22] Goonewardena K. (2019). *Production of Space/Lefebvre*. The Wiley Blackwell Encyclopedia of Urban and Regional Studies. Pp. 1–7.
- [23] Zhang Y. (2018). Negotiating Authenticity in China's Urban Historic Preservations—the Case of the Kuan and Zhai Alleys in Chengdu, *Heritage and Society*, vol. 11, no. 2, pp. 79–104.
- [24] Kalashnikova K. (2020). Concept of authenticity of Sh. Zukin: "Schizoid" category in the studies of the city, *Inter*, vol. 12, no. 2, pp. 8–28.

ТЕНДЕНЦИИ РАБОТЫ С ИНДУСТРИАЛЬНЫМ НАСЛЕДИЕМ В КОНТЕКСТЕ «ВТОРОЙ МОДЕРНОСТИ»

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Быстрова Татьяна Юрьевна

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19)

✉ taby27@yandex.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

индустриальное наследие, актуализация наследия, «ре-методы» работы с наследием, «вторая модерність», Ульрих Бек, тенденции работы с наследием

БЛАГОДАРНОСТИ:

Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках научного проекта 20-011-00471 «Социальное участие молодежи в социокультурном развитии городов России и постсоветских стран: компаративный анализ потенциала и моделей управления».

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Быстрова Т.Ю. Тенденции работы с индустриальным наследием в контексте «второй модерности» // Муниципалитет: экономика и управление. 2021. № 4. С. 89–95.

АННОТАЦИЯ:

«Ре-методы» работы с индустриальным наследием – рефункционализация, реновация, реабилитация и др. – часто выбираются специалистами произвольно и не всегда определены в проектах концептуально и содержательно. Вместе с недооценкой объектов и территорий индустриального наследия жителями городов и территорий это приводит к унификации решений, упрощению подходов вместо их индивидуализации. Более квалифицированная, «персонализированная» работа с наследием возможна, по мнению автора, при наличии у инициаторов, стейкхолдеров и авторов проектов историко-культурного горизонта происходящих процессов: что собой представляла индустриальная эпоха на их территории и в чем ее особенности, как и почему это значимо сейчас и в какую сторону развивается.

Концепция «второй модерности», сформулированная Г. Леманном, У. Бекон и Б. Гиллом и включающая в себя аксиологические, мировоззренческие компоненты отношения к продуктам индустриальной эпохи, обеспечивает комплексное видение наследия с учетом перспектив его актуализации. Современное, по большей части депрессивное состояние бывших индустриальных объектов порождено технократизмом «первой модерности» и требует изменения мышления в сторону большей целостности, понимания духовно-ценностной составляющей объектов. В этом случае проектные предложения становятся более комплексными, а «ре-методы» дифференцируются сообразно технократической или гуманистической парадигмам.

На основе конкретного проекта автор кратко характеризует особенности работы с индустриальным наследием 2010–2020-х гг. с учетом параметров, которые помогают определить концепт «второй модерности». Сделан вывод об основных архитектурных, градостроительных, девелоперских тенденциях работы с индустриальным наследием в 2020-х гг., учитывающих непрерывность исторического процесса.

Введение

С тавшая широко распространенной работа с индустриальным наследием вызывает у специалистов и граждан не только интерес, но и множество вопросов. Одним из них является обоснованность выбираемых действий и форматов. Целесообразность их применения, с одной стороны, и их стандартность, нарастающая быстрыми темпами, с другой, могут и

должны осмысливаться научно. Это касается и так называемых «ре-методов» (рефункционализация, реновация, реабилитация, реконструкция и ряд других), на первый взгляд выглядящих как родственные и близкие по смыслу, а на деле представляющих собой выражение двух принципиально разных парадигм работы с наследием. В данной статье мы исходим из того, что критерием оценки применения того или

иного метода (и вытекающего из него формата обновленного промышленного объекта или территории) является их соответствие сущностным чертам культурно-исторического периода, в котором мы сейчас находимся. Рядом авторов начала 2000-х гг. он обозначается, как «вторая модерність» (англ. *second modernity*) [9; 12; 13]. Не вдаваясь в дискуссии о его соотношении с другими маркерами периода – от «сетевого обще-

ства» М. Кастельса до «неоиндустриального общества» (С. Губанов, В. Логачев и др.), рассмотрим концепт «второй модерности» в связи с бывшими индустриальными объектами и площадками, созданными в основном в период «первой модерности». Несмотря на некоторую схематичность, эта параллель подскажет общую логику процесса, а значит, позволит оценить те или иные методы работы с индустриальным наследием как более или менее актуальные.

Характеристики «второй модерности»

Хотя дискуссия по поводу «второй модерности» (или «рефлексивной модерности») почти сошла на нет после ухода из жизни одного из ее авторов – Ульриха Бека – в 2015 году, в сфере работы с наследием этот концепт практически никак себя пока не проявил, хотя он, безусловно, хорошо помогает описать ряд процессов за пределами политики или «чистой» экономики.

Например, «первая модерность» рождена индустриализмом. Технический характер мышления этого типа приводит к механическому разрыву многих целостностей – от человека или города до мира. Н. А. Бердяев говорил об этом как об отсутствии органицизма мышле-

ния и жизни, приводящего к замене целостностей простыми совокупностями деиндивидуализированных элементов, одним из которых становится и человек (например, в случае управления каким-то станком или устройством). «Техника умножает блага жизни. Но эта специальная область... не ставит никакой духовной проблемы» [3, с. 147]. Спроецировав идеи Н. А. Бердяева на устройство индустриального города, можно увидеть то же подчинение селитбы и повседневной жизни нуждам производства, какое в меньшем масштабе русский философ описывал около ста лет назад, говоря о машине и человеке.

Соответственно, задачей «второй модерности» становится преодоление механицизма как в мышлении («текущая современность» З. Баумана), так и в жизни. Преодоление асимметрии технического и «человеческого» в архитектурном объекте, городе, каком-либо проекте возможно при переориентации сознания участников процесса. Личный опыт автора показывает, что представления о глобальных изменениях управленческого или проектного мышления в первой трети XXI века, сильно преувеличены; для того чтобы в этом убедиться, достаточно посмотреть оглавление учебников или пособий по градостроительству, управлению проектами, девелопменту и т. д. Модернистская лексика, базирующаяся на первенстве механической «отдельности», нигде не ушла из инструкций, стандартов, регламентов, что вполне понятно, ведь с ней легче работать. Текущий, изменчивый, находящийся в постоянной (непредсказуемой) динамике мир любого масштаба пугает; даже сами теоретики – У. Бек, Э. Гидденс – называют его «обществом рисков» [12]. Однако, поняв, что его составляют непредвиденные последствия «первой

модерности», увидев ее тупики, можно иначе посмотреть на историю индустриальных объектов и территорий, поставив целью не их уничтожение или консервацию, а работу с ними, продолжающую их жизнь в новых исторических условиях. Только так и можно снять остроту рисков, порожденных модернистским проектом.

Другим аспектом «первой модерности» является унификация элементов жизни. В условиях господства массового промышленного производства она вполне понятна (хотя и не оправданна). Соответственно, «вторая модерность» подчеркнуто стремится к персонализации, индивидуализации людей, групп людей, объектов, процессов. Индустрия никуда не исчезает (У. Бек), но меняются сами технологии и отношения к ним. Используя язык теории систем, можно сказать, что мир переходит от видения объекта как закрытой системы в виде агрегата или механизма – к его пониманию как открытой и близкой к живому целостности, обладающей собственными чертами. Испанский социолог Ж.-М. Хернандес-и-Мартини говорит о детерриториальности наследия [15, с. 93], но он имеет в виду исключительно изменение отношения людей к объектам, находящимся, возможно, в самых разных странах мира. Наследием становится все, что есть на Земле, а не только региональные здания или сооружения.

Наконец, «вторая модерность» рефлексивна, то есть требует задумываться о происходящем, несмотря на присутствие в мышлении радикального сомнения, и опираться в первую очередь на собственное знание, а не на традицию. «Мы живем в мире, который целиком конституирован через рефлексивно примененное знание, и мы никогда не можем быть уверены, что любой его элемент не будет пересмотрен», –

Ульрих Бек (1944–2015), немецкий социолог и политический философ, автор концепции «рефлексивной модернизации»

говорит Э. Гидденс [7, с. 230]. Конечно, любое знание накладывает отпечаток на изучаемый объект, и это необходимо учитывать. Зато оно самостоятельное. В сфере предметных практик, какой является работа с наследием, этот тезис разрешает не только задумываться об истории промышленного объекта, но и искать творческие нестандартные пути его дальнейшего существования. Притом, рефлексия по Беку связана с будущим, с перспективами развития.

У Л. Мамфорда по этому поводу есть один пассаж, придающий основательности рассуждениям о рефлексии. Он указывает, что люди индустриальной эпохи совершали своеобразную самопроекцию, толкая «собственную древнейшую историю, отталкиваясь от своих нынешних интересов – производства машин и покорения природы» [10, с. 27]. Сам же Л. Мамфорд считает ошибкой редукцию всех возможностей людей исключительно к изготовлению орудий труда и говорит, что важнейшей задачей человека в любой культуре было «овладение собственной чрезмерно развитой и необычайно активной нервной системой и формирование своего человеческого „я“» [10, с. 27]. Самопознание, саморефлексия при таком подходе не только необходимы, но и закономерны – они присутствовали уже на ранних этапах становления человечества; Л. Мамфорд связывает развитие ранних цивилизаций с письменностью и структурами языка, не абсолютизируя уровень орудий труда [10, с. 36, 40]. Парадоксальным образом эти рассуждения о цивилизации пересекаются с установками культуральной истории [4], изучающей повседневность и «дух».

Опираясь на эти суждения, можно изменить оптику рассмотрения индустриального наследия: в нем есть не только технологическая или инстру-

Задача «второй модерности» – преодолеть асимметрию технического и «человеческого» в архитектурном объекте, городе, проекте...

ментальная составляющие, но опыт, чувства, интуиция тех, кто создавал объекты и технологии. Равным образом эти объекты обусловлены внешней социокультурной средой – от правил застройки до стиля эпохи. При таком взгляде наследие не сводится к совокупности физических единиц, в нем содержится то человеческое, что еще предстоит раскрыть в подавляющем большинстве проектов. В нем присутствует и имманентный запрет на разрушение или отказ, которые сродни самоуничтожению.

Ре-термины и ре-методы

Договорившись об историзме, мы приходим к тезису о возможности поддерживать и развивать (бывшие) индустриальные объекты и территории, а значит, встаем перед необходимостью уточнения терминологии. Несмотря на сходство всех терминов с «ре-», различим те, которые восходят к модернистской парадигме, и те, что отсылают к более целостному и индивидуализированному подходу, близкому по звучанию ко «второй модерности». При этом заметим сразу, что специалисты могут непреднамеренно путаться в терминах, делая иное, чем обозначено в заголовке проекта; краткий пример интересного проекта с зауженным заголовком представлен далее как иллюстрация царящей путаницы.

«Ре-термины» модернистского толка – это, в первую очередь, *реконструкция, реновация*

и *рефункционализация*. Собственно говоря, пока они используются специалистами в области архитектуры (где и возникли), в них нет ничего опасного для наследия. Реконструкция как ремонт, укрепление, восстановление конструктивной основы любого здания – процесс вполне закономерный. Если содержание термина расширяют до масштабов назначения здания, относящегося к наследию, его исходные физические и ценностно-символические характеристики оказываются под угрозой. «Реконструкция – совокупность работ, связанных с изменением основных технико-экономических показателей объекта недвижимости. При этом может осуществляться перепланировка помещений, возведение надстроек, встроек, пристроек к зданиям, а при наличии необходимых оснований – их частичная разборка» [2]. Этот взгляд на здание как на объект недвижимости, а не артефакт индустриальной культуры далее приводит почти что к произволу и трактовки, и последующих действий: «На русский язык „редевелопмент“ часто переводится как „реконструкция“, однако „редевелопмент“ указывает не просто на обновление конструкций, но и на переопределение смысла и назначения определенной городской территории, благодаря чему, как предполагается, она станет более привлекательной» [8, с. 17].

На практике неточности понимания термина не всегда обобщаются минусами. Так, ини-

циаторы проекта *NOI Techpark* в Больцано (арх.: К. Луччин и *Architetti Associati*) называют происходящие изменения «рефункционализацией» [18], хотя обновление промышленного здания 1930 г. с сохранением его исходной стилистики, использование традиционных материалов и строительных техник в отделке, трансформация водонапорной башни в арт-объект, создание театра в объеме пристройки, не нарушающем, однако, общих пропорций, благоустройство окружающей территории – это гораздо более широкий комплекс методов и действий, чем значится в заголовке проекта. Знание местной культуры, историзм, смещение зон различного назначения свидетельствуют, что перед нами живая развивающаяся территория, а не пример смены одной функции объекта другой (рис. 1).

Некоторые термины «первой волны» работы с индустриальным наследием взяты из аппарата тогдашних практик и потому содержат в себе исходный техницизм [1, с. 8–9]. Наиболее показательным понятием «рефункционализация», предполагающее изначальное видение объекта как совокупности частных проявлений (функций) без отсылки к целому. Авторы, употребляющие это слово, часто не

учитывают, что функцией называют проявление одной какой-либо части. Отсюда происходят не только подмены понятий, но и рыхлые «безбрежные» псевдодефиниции, развязывающие руки для любых действий. Например, в статье [11] о наследии читаем: «Рефункционализация – это реконструкция промышленных зданий и сооружений с изменением функции, т. е. того назначения, которое вызвало причину строительства. Процесс включает в себя преобразование объекта для нового назначения, практической и общественной ценности в структуре города». Кто определяет назначение, каковы алгоритмы этого процесса, кто выступает экспертами и что есть «преобразование», здесь остается непонятным. Но даже без этого термин «рефункционализация», вышедший из строительных наук (ср: рефункционализация большепролетных конструкций), не может распространяться на комплексную работу с индустриальным наследием без дополнительных оговорок.

Вторая группа «ре-терминов» косвенно подтверждает отношение к объекту наследия как к индивидуальному целому, имеющему собственную историю, – вполне в духе «рефлек-

сивной модерности». Это регенерация, реабилитация, ревитализация и ряд др. Происходя из наук о живом, они тоже не трактуются специалистами однозначно (см. [5; 6; 14]). Однако здесь появляются указания на учет контекста и внешних связей объекта. Ему необходимо вернуться и «врасти» в город как систему. Его назначение может определяться не произвольно и не «типово», а исходя из потребностей места. Так, читаем о регенерации исторической среды как методе «включения памятника в социокультурную среду, укрепления визуальных и функциональных связей, а также ухода от линейного восприятия историко-культурного наследия как временно-пространственной константы» [6, с. 34]. Такой подход прослеживается у авторов интересной методики, не обозначающих своих действий каким-то одним термином [17].

Чтобы избежать схематизма, укажем на ряд «пограничных» терминов, не имеющих точных определений в сфере работы с наследием и трактуемых двояко. Например, реновацией могут обозначать как действия по очистке загрязненной земли на территории, так и надление объекта новой функцией и даже почти полное уничтожение индустриальных объектов.

Проект работы с индустриальным наследием

Приведем пример работы с бывшим индустриальным зданием, учитывающий и развивающий его «дух». Индустриальная эстетика здесь не только сохраняется, но – вместе со сменой назначения – расширяется до эстетики частного жилья [16]. Бывшая шляпная фабрика в Новом Южном Уэльсе (Австралия) вместила в себя сегодня две квартиры, не стремящиеся утвердить какие-либо новые стандарты, а максимально задействующие исходные элементы здания (рис. 2). Фасад, выходящий на улицу, выполнен из перфорированной стальной облицовки, гармонично сочетающейся с каменной стеной исходного объема. Световой колодец во внутреннем дворе расположен на уже имевшейся конструкции. Концепция архитектуры не включает представление о «второй модерности», но зато содержит отсылку к японской философии *кинцуги*, говорящей о необходимости «ценить или освещать остатки истории», в которой неизбежны поломки и трещины.

При этом авторы не чураются «новой» индустриальности хай-тек, используя микроплитку, поликарбонат, полированный металл. Осмысление имеющегося и его развитие дают синтетичное решение, со множеством индивидуализированных фрагментов.

Общее отношение к истории, даже на уровне соединения деталей, можно обозначить как продолжение, развитие имеющегося без радикального вторжения в его исходные параметры. История не адаптируется под современность. Скорее, речь идет о взаимных уступках и диалоге, но без утраты «лиц» исходного объекта и современных продолжателей-пользователей.

© фото: welshmajor.com

Рис. 2. Жилой дом, созданный из бывшей шляпной фабрики (Новый Южный Уэльс, Австралия). Архитектурное бюро: Welsh + Major (2021).

Краткое представление идей «второй модерности» дает основания для диалогичной работы с бывшими индустриальными объектами и территориями, далекой от произвольного наделения новыми функциями, превращения в городской декор или полной трансформации. Концепция У. Бека и его коллег увязывается с идеями «культуральной истории», формируя методологическую базу для вдумчивых тактических действий, в которых создатели индустриальных объектов и сами объекты выступают пол-

ноправными участниками социокультурного процесса.

Сложности и достижения подобной работы связаны с преодолением стандартных подходов, поиском уникальных сочетаний внешних и внутренних связей индустриальных объектов с городской средой, стратегическими задачами развития, пользователями. Поэтому так значимы практики вовлечения горожан в процессы актуализации индустриального наследия, подсказывающие адекватные решения. ■

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

- [1] Алексеева Е.В., Быстрова Т.Ю. (2021). Индустриальное наследие: понятия, ценностный потенциал, организационные и правовые основы. Екатеринбург : ТАТЛИН. 163 с.
- [2] Асаул А.Н., Карасев А.В. (2001). Экономика недвижимости : Учебное пособие. М. : МИКЧИС. URL: <http://www.aup.ru/books/m76/prilog1.htm>.
- [3] Бердяев Н.А. (1989). Человек и машина (проблема социологии и метафизики техники) // Вопросы философии. № 2. С. 147–162.
- [4] Берк П. (2015). Что такое культуральная история / пер. с англ. И. Полонской ; под науч. ред. А. Лазарева. М. : Изд. дом Высшей школы экономики. 240 с.
- [5] Быстрова Т.Ю. (2018). Теоретико-методологическое обоснование понятия «культуральная регенерация территории» // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. Т. 24. № 2 (174). С. 106–114.
- [6] Васильева Ю., Хайруллина А. (2016). Регенерация исторической среды усадьбы Талицы как способ включения объекта культурного наследия в современное социокультурное пространство // Архитектурное наследие. № 3 (15). С. 34–39.
- [7] Губман Б.Л., Ануфриева К.В. (2015). Теория рефлексивной модернизации: традиция Нового времени и современный мир // Философия, наука, культура: сборник научных статей, посвященных 60-летию профессора А. А. Шестакова. Самарский государственный архитектурно-строительный университет. Самара. С. 226–242.
- [8] Зукин Ш. (2018). Культуры городов / пер. с англ. Д. Симановского. М. : Новое литературное обозрение. 424 с.
- [9] Леманн Г. (2010). Искусство рефлексивной модерности // Логос. № 4 (77). С. 87–109.
- [10] Мамфорд Л. (2001). Миф машины. Техника и развитие человечества / пер. с англ. Т. Азаркович, Б. Скуратова (1 глава). М. : Логос. 408 с.
- [11] Тарзанова Ю.Е. Прошлое, настоящее и будущее «заброшенных» промышленных территорий в современном городе // Студенческий научный форум – 2016 : Материалы VIII Международной студенческой научной конференции. URL: <https://scienceforum.ru/2016/article/2016026666> (дата обращения: 28.10.2021).
- [12] Beck U. (1992). Risk Society: Towards a New Modernity. London: Sage. 260 p.
- [13] Beck U., Grande E. (2010). Varieties of second modernity: extra-European and European experiences and perspectives, *British Journal of Sociology*, vol. 61, issue 3, pp. 406–638.
- [14] Bystrova T.Yu., Pevnaya M.V. (2020). Culture-led Regeneration of Industrial Heritage Sites in Modern Cities. In: Proceedings of the “Industrial, Personality, Society in the Conditions of Digitalization: Methodology and Experience of Empirical Research Conference”. Pp. 117–128. DOI: 10.18502/kss.v5i2.8343.
- [15] Hernández i Martí G.-M. (2006). The deterritorialization of cultural heritage in a globalized modernity, *Transfer: journal of contemporary culture*, no. 1, pp. 92–107.
- [16] Hui K. The Hat Factory by Welsh + Major. Yellowtrace. 22.10.2021. URL: <https://www.yellowtrace.com.au/welsh-major-architects-the-hat-factory-sydney-warehouse-apartments/> (accessed 28.10.2021).
- [17] Claver J., Sebastián M.A., Sanz-Lobera A. (2015). Opportunities of the multicriteria methods in the study of immovable assets of the Spanish industrial heritage, *Procedia Engineering*, vol. 132, pp. 175–182.
- [18] Project profile: Chapman Taylor Milan Director Gianfranco Lizzul speaks about our repurposing project at NOI Technology Park project in Bolzano, Italy. Chapman Taylor. 01.07.2020. URL: <https://www.chapmantaylor.com/news/chapman-taylor-milan-director-gianfranco-lizzul-speaks-about-our-recently-completed-noi-technology-park-development-in-bolzano-italy> (accessed 28.10.2021).

TRENDS IN DEALING WITH INDUSTRIAL HERITAGE IN THE CONTEXT OF “SECOND MODERNITY”

ABSTRACT:

“Re-methods” of working with industrial heritage – *refunctionalization*, *renovation*, *rehabilitation*, etc. – are often chosen by experts ad hoc and not always conceptually and comprehensively defined in projects. Together with the underestimation of objects and territories of industrial heritage by residents of cities and territories, this leads to unification of solutions, simplification of approaches instead of their individualization. According to the author it is possible to deal with heritage in a more qualified, or “personalized” way, if the initiators, stakeholders and projects authors have a historical and cultural horizon of the ongoing processes: what the industrial era was like in their territory and what are its specifics, how and why it is significant now and which direction it is developing.

AUTHORS’ INFORMATION:

Tat’yana Yu. Bystrova

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russia)
✉ taby27@yandex.ru

KEYWORDS:

industrial heritage, heritage update, “re-methods” of dealing with heritage, “second modernity”, Ulrich Beck, trends in dealing with heritage.

FUNDING:

The reported study was funded by RFBR in the framework of research project no. 20-011-00471 "Social participation of youth in the socio-cultural development of cities in Russia and post-Soviet countries: a comparative analysis of the potential and management models".

FOR CITATION:

Bystrova T.Yu. (2021). Trends in dealing with industrial heritage in the context of "second modernity", *Municipality: Economics and Management*, no. 4, pp. 89–95.

The "second modernity" concept, formulated by G. Lehmann, U. Beck and B. Gill and including axiological, worldview components of the attitude to the industrial era products, provides a comprehensive vision of the heritage, taking into account its update prospects. The modern, mostly depressive state of the former industrial objects is generated by the 'first modernity' technocratism and requires a change in thinking towards greater integrity, understanding of spiritual and value component of objects. In this case, project proposals are more complex, and "re-methods" are differentiated in terms of technocratic or humanistic paradigms.

Based on the specific project, the author briefly characterizes the specifics of dealing with industrial heritage of 2010–2020, considering the parameters helping to define the "second modernity" concept. A conclusion is made about the main architectural, urban planning, development trends in dealing with industrial heritage in 2020, taking into account the continuous nature of historical process.

REFERENCES:

- [1] Alekseeva E.V., Bystrova T.Yu. (2021). Industrial heritage: Concept, value potential, organizational and legal bases. Yekaterinburg: TATLIN. 163 p.
- [2] Asaul A.N., Karasev A.V. (2001). Real estate economics. Moscow: MIKCHIS. URL: <http://www.aup.ru/books/m76/prilog1.htm>.
- [3] Berdyaev N.A. (1989). Man and machine (problem of sociology and metaphysics of technology), *Philosophy Issues*, no. 2, pp. 147–162.
- [4] Burke P. (2015). What is Cultural History? Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. 240 p.
- [5] Bystrova T.Yu. (2018). Theoretical and methodological substantiation of the concept of cultural regeneration of the territory, *Bulletin of the Ural Federal University. Series 1. Problems of education, science and culture*, vol. 24, no. 2 (174), pp. 106–114.
- [6] Vasilyeva Yu., Khairullina A. (2016). Regeneration of the historical environment of the Talitsa estate as a way to include the object of cultural heritage in modern sociocultural space, *Architectural heritage*, no. 3 (15), pp. 34–39.
- [7] Gubman B.L., Anufrieva K.V. (2015). The theory of reflexive modernization: the tradition of new time and modern world. In: Philosophy, science, culture: Proceedings of scientific articles on the 60th anniversary of A. Shestakov. Samara State Architectural University. Samara. Pp. 226–242.
- [8] Zukin Sh. (2018). Cities culture. Moscow: New literary review. 424 p.
- [9] Lehmann G. (2010). The art of reflexive modernity, *Logos*, no. 4 (77), pp. 87–109.
- [10] Mamford L. (2001). Machine's myth. Technique and human development. Moscow: Logos. 408 p.
- [11] Tarzanova Yu.E. Past, present and future of "abandoned" industrial territories in the modern city. In: Proceedings of the VIII International Student Scientific Conference "Student Scientific Forum – 2016". URL: <https://scienceforum.ru/2016/article/2016026666> (accessed 28.10.2021).
- [12] Beck U. (1992). Risk Society: Towards a New Modernity. London: Sage. 260 p.
- [13] Beck U., Grande E. (2010). Varieties of second modernity: extra-European and European experiences and perspectives, *British Journal of Sociology*, vol. 61, issue 3, pp. 406–638.
- [14] Bystrova T.Yu., Pevnaya M.V. (2020). Culture-led Regeneration of Industrial Heritage Sites in Modern Cities. In: Proceedings of the "Culture, Personality, Society in the Conditions of Digitalization: Methodology and Experience of Empirical Research Conference". Pp. 117–128. DOI: 10.18502/kss.v5i2.8343.
- [15] Hernández i Martí G.-M. (2006). The deterritorialization of cultural heritage in a globalized modernity, *Transfer: journal of contemporary culture*, no. 1, pp. 92–107.
- [16] Hui K. The Hat Factory by Welsh + Major. Yellowtrace. 22.10.2021. URL: <https://www.yellowtrace.com.au/welsh-major-architects-the-hat-factory-sydney-warehouse-apartments/> (accessed 28.10.2021).
- [17] Claver J., Sebastián M.A., Sanz-Lobera A. (2015). Opportunities of the multicriteria methods in the study of immovable assets of the Spanish industrial heritage, *Procedia Engineering*, vol. 132, pp. 175–182.
- [18] Project profile: Chapman Taylor Milan Director Gianfranco Lizzul speaks about our repurposing project at NOI Technology Park project in Bolzano, Italy. Chapman Taylor. 01.07.2020. URL: <https://www.chapmantaylor.com/news/chapman-taylor-milan-director-gianfranco-lizzul-speaks-about-our-recently-completed-noi-technology-park-development-in-bolzano-italy> (accessed 28.10.2021).

ТРЕТЬЯ МИССИЯ УНИВЕРСИТЕТА:

*точки и штрихи
взаимодействия
города и вуза*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Чуйкина Софья Александровна

Университет Париж 8 (93526,
Франция, Сен-Дени, ул. Либерте, 2)
✉ sofia.tchouikina@gmail.com

Клюев Алексей Константинович

Уральский федеральный универси-
тет имени первого Президента Рос-
сии Б.Н. Ельцина (620002, Россия,
Екатеринбург, ул. Мира, 19)
✉ a.k.kluev@urfu.ru

Егорова Анастасия Алексеевна

Екатеринбургская академия совре-
менного искусства (620012, Россия,
Екатеринбург, ул. Культуры, 3)
✉ egorova.eaca@gmail.com

Петрова Лариса Евгеньевна

Екатеринбургская академия совре-
менного искусства (620012, Россия,
Екатеринбург, ул. Культуры, 3)
✉ petrova@eaca.ru

Ефремова Екатерина Алексеевна

Екатеринбургская академия совре-
менного искусства (620012, Россия,
Екатеринбург, ул. Культуры, 3)
✉ trankusha1984@gmail.com

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Чуйкина С.А., Клюев А.К., Егорова А.А.,
Петрова Л.Е., Ефремова Е.А. Третья
миссия университета: точки и штри-
хи взаимодействия города и вуза // Муниципалитет: экономика и управ-
ление. 2021. № 4. С. 96–101.

*Французская и российская практики сов-
местного развития городского простран-
ства властями, вузами и сообществами*

*Избегая риторики патриотизма и третьей мис-
сии, университеты работают с локальным бизне-
сом, влияют на территорию. Как экономический
агент, университет создает рабочие места, социа-
лизирует уязвимые группы обучающихся. Самим
фактом децентрализации, интервенции в жилые
или индустриальные пространства, на окраины го-
родов образовательные институции меняют чело-
веческий капитал местных жителей, реализуют
региональную политику.*

*Умная среда – атрибут университетов – может
становиться источником изменений в городском
партнерстве. Но установка на открытость, прак-
тические результаты деятельности, амбиции
стать центром социокультурного развития вызы-
вает сопротивление тех, кто придерживается клас-
сической версии университета. Имеется риск из-
лишней формализации, если третья (или четвер-
тая, пятая) миссия университета – влияние на об-
щество, работа с окружающей территорией – бу-
дет формально обозначена, а это повлечет за собой
ряд бюрократических процедур.*

*Пока же не только университетская клиника,
но и экологическая ферма, виноградник и крафто-
вое вино осмысляются как возможные формы уни-
верситетского локального бизнеса.*

Софья Чуйкина,
кандидат социологических наук,
доцент кафедры славистики
университета Париж VIII
Венсен-Сен-Дени.

Лариса Петрова: *Софья, симпозиум, который мы проводим, называется «Городской патриотизм». С 2012 года вы работаете в Университете Париж 8 (на фото внизу. — Прим. ред.), который находится в регионе Иль-де-Франс. В этом районе много веселой, активной университетской молодежи. Одним своим видом она формирует имидж территории. Но есть ли в университетах Франции программы реализации своей «третьей миссии» — полноценного соучастия в жизни местного сообщества?*

Софья Чуйкина: Знаете, во Франции крайне редко используют формулировку «третья миссия» применительно к университету. До и слово «патриотизм», между прочим, считается у французов сильно устаревшим и тесно ассоциируется с понятием «консерватизм». Но это, разумеется, не значит, что у граждан нет любви к родным краям, а университетам «до лампочки», где они находятся и что их окружает. Мы используем ряд других

слов, характеризующих городское пространство: «приятное», «увлекательное», «возбуждающее». Часто мы делаем акцент на том, каким образом мы себя в этом пространстве чувствуем. Но возвращаясь к третьей миссии вуза. Мы действительно редко используем это словосочетание, хотя в Кодексе образования раздел «Миссия университета» значится как раз под номером 3 и в нем говорится о социальной мобильности студентов, их интеграции и влиянии университетов на общество. На практике разговоры о связи университета с территорией (в нашем случае с 93-м департаментом) ведутся постоянно. И в отчетах для министерства образования есть специальный пункт о связи того или иного вузовского проекта с территорией пребывания.

Л.П.: Как это воспринимают преподаватели?

С.Ч.: Неоднозначно. Тренд на понимание университета как предприятия существует годов

с 70-х, но реализовываться он начал только с этого века. При Саркози прошла реформа об автономии университетов, мол, они должны больше сами зарабатывать и, значит, теснее взаимодействовать с местом нахождения. Университет может быть экономическим агентом, который развивает стартапы и создает рабочие места, или он может напрямую оказывать какие-либо услуги территории, или как-то иначе развивать ее в рамках партнерских проектов. Словом, надо больше самостоятельно зарабатывать. Отношение к такой политике скорее негативное, так как это заставляет вузы интересоваться сиюминутной конъюнктурой и отвлекает от более общих — стратегических, фундаментальных — вопросов науки и образования.

Л.П. Может, следует разделить эти задачи...

С.Ч.: К этому все и пришло. Но случился раскол университетского научного сообщества.

Например, в нашем университете начало появляться много полезных магистерских программ, которые готовят студентов к рынку труда – предметно, конкретно, с выходом во внешнюю среду. При этом немало преподавателей искренне считают, что место таким программам скорее в бизнес-школе. Но там студент вынужден платить сам, а денег у многих для этого нет. Таким образом, государство ждет, что университет будет готовить специалистов в прямой привязке к особенностям рынка труда. И одни преподаватели соглашаются в этом участвовать, например, я в их числе, а другие – категорически против. Им нужен классический университет как место об-

мена идеями между профессором и студентами, не более того. Они боятся, что вуз станет частью инфраструктуры рынка труда. Мы же взаимодействуем с миром бизнеса, предприятия, организуем встречи, отправляем студентов на стажировки. Мы больше вовлечены в мир окружающего вуз социума.

Л.П.: Чем конкретно вы полезны окрестному предпринимательству?

С.Ч.: Для Франции очень важна внешняя торговля, потому что внутренний рынок заполнен. Вузы содействуют малым и средним предприятиям в выводе продукции и услуг на экспорт. Особенно если речь идет об инновационной продук-

ции. Возникают партнерства вузов с отраслевыми деловыми ассоциациями, вернее их отделениями по месту нахождения учебного заведения. Сами предприятия – члены этих ассоциаций приходят в вузы читать лекции о рынках, о корпоративной культуре, о том, как строить карьеру. Они же отмечают лучшие работы студентов грамотами и призами, помогают в трудоустройстве. Крупные компании и их территориальные отделения раз в год организуют вечер, который проходит, как правило, в каком-нибудь знакомом месте. Например, компания *Hermes*, отреставрировав одно из старых кирпичных зданий, организовала в нем вечер, где присутствовали студенты-лауреаты, претендующие на премии, представители мира бизнеса из нашего округа. Мы вместе обсуждали рыночные тренды, возможные совместные исследования. Подчеркну, что с вузами стремятся взаимодействовать не только гранды, но и маленькие предприятия, зачастую семейные. Например, некий дедушка когда-то изобрел какую-то гайку, сын продавал ее во Франции и Европе, а внук уже хочет выйти на рынки Индии и Китая. Ему нужна помощь в этом. И наши студенты помогают.

Л.П.: А как местная молодежь вовлечена в проекты университета?

С.Ч.: Есть специальные образовательные проекты для тех местных, кому непросто получить диплом, из-за того, что у них не очень хорошая подготовка и не лучшие стартовые условия. Это и социальная политика, и бизнес, потому что университет на этих программах зарабатывает. В целом же в нашем университете есть факультеты, известные на всю страну: истории театра, психоанализа, философии, политических наук. На них поступают студенты со всей

Пасека на крыше Университета Париж VIII. Студенты и сотрудники пришли посмотреть, как обживаются новые пчёлы, ведь начиная с 2017 года на крыше университета постоянно находится уже шесть ульев.

© Фото: Yann Mambert

С вузами взаимодействуют не только гранды, но и маленькие семейные предприятия

страны, а цель их – покорение мира. Конечно же, есть студенты, которые выросли в округе региона Иль-де-Франс, учились в местных школах. Среди них очень много людей из небогатых семей или тех, у кого родители были мигрантами. Они из арабских, африканских субкультур. Вы встретите у нас много студентов в хиджабах. Они обучаются, как правило, на факультете французского языка, педагогики, социологии. Поступили они к нам, потому что так принято: школа, вуз, затем работа по месту жительства. Это одна из целевых групп университета.

Л.П.: В России разговоры о третьей миссии университета только начались, они пока довольно абстрактны, полны теории. Хотя еще в советском Свердловске появление пединститута в промышленном Орджоникидзевском районе на севере города, а не на юго-западе, как изначально предлагалось, имело свою логику: следовало добавить в инженерно-рабочий социальный ландшафт фактор гуманитарного влияния.

С.Ч.: И это правильно. У нас в Париже очень популярна идея децентрализации культурных и образовательных учреждений. Например, самые крупные и авангардные театры вынесены в пригород столицы. Как и крупные научные лаборатории, многие образовательные учреждения. Это напрямую связано с желанием объединить для совместного творческого труда разных людей – и тех, кто живет в недорогом жилье, и тех, кто приезжает работать. Есть практика создания культурных кластеров в пригороде. Это аспект региональной политики – окраины надо развивать.

Л.П.: А готовы ли сами студенты развивать окружающие их территории?

С.Ч.: Есть разные типы социального энтузиазма. К тому же студенчество во Франции традиционно политически активно. Нередко молодые люди хотят изменить мир вообще, а не только в регионе Иль-де-Франс. Они стремятся сделать что-то новаторское для всех, поднимают глобальные темы, такие как феминизм, экология, борьба с капитализмом, с либерализмом, с государственными реформами. Бунтари есть всегда и везде. Но все же большинство студентов из нашего округа ориентированы на личный рост – получение диплома и устройство на работу. Университет дает для этого самые разные ресурсы. Есть всевозможные организации, ассоциации, студенческие профсоюзы, есть даже бизнес-инкубатор. Если студент имеет желание организовать в округе, скажем, социальный проект, он может попросить как финансовую, так и экспертную поддержку, его даже могут обеспечить помещением. Между прочим, при нашем университете есть ферма, где выращивают экологически чистые продукты, например, производят мед, а затем продают на местных ярмарках.

Л.П.: Стоит отметить, что, работая в прошлом году в университете в Кракове, я была немало удивлена тому факту, что частью университета является виноградник, на котором производят вино! Я часто рассуждаю со студентами про уже ставшую метафорой идею Анри Лефевра, французского социолога про «право на город». Исходя из этого, мой вопрос звучит следу-

ющим образом: во время преподавания делаете ли вы что-то, что учит распоряжаться городом, как общим капиталом, есть ли такой акцент?

С.Ч.: Начнем с того, что французский народ не нужно учить строить баррикады. И таких теоретиков по захвату городского пространства, как Ги Дебор с его психогеографией, Анри Лефевр, разных ситуационистов, разумеется, на факультете социологии изучают. В целом же, мы учим наших студентов чувствовать себя комфортно в разных местах. Дело в том, что во Франции считается, что высокий социальный статус неразрывно связан с освоением широкого пространства. Например, кто осваивает культурную индустрию квартала? В основном это дети и старики – маломобильные люди. Высокомобильный человек поедет в центр города, в другой город, другую страну. Таким образом, чем выше социальный статус, тем выше пространственный охват. Амбиции университета состоят в том, чтобы студенты были социально и географически мобильны, а это непросто задача. Впрочем, студенты, родившиеся и обучавшиеся в школах департамента Сен-Сен-Дени, плохо знают Париж. Изучая культурную индустрию города, они, к сожалению, впервые слышат о многих институтах. И все же мыслим мы себя далеко за пределами Парижа – всемирно, глобально.

N.B.

«Право на город» – концепция, идея которой впервые сформулирована французским социологом и философом Анри Лефевром в одноименной книге *Le Droit à la ville*, вышедшей в свет в 1968 году. Основой идеи является «спрос [предъявляемый жителями города] на обновлённое, расширенное право на доступ к городской жизни».

Клюев Алексей Константинович,
заведующий кафедрой ЮНЕСКО по университетскому управлению
и планированию, директор школы государственного управления
и предпринимательства Института экономики и управления Уральского
федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
главный редактор журнала «Университетское управление: практика и анализ».

Университет – среда – город

Анастасия Егорова: При каких условиях университет в России успешно реализует «третью миссию»?

А.К.: Университет постоянно расширяет свои функции в обществе, трансформируются и его миссии. Вполне возможно, что появятся и четвертая, и пятая миссии. Вузу тесно в своих рамках, потому что то, что в нем происходит, имеет гораздо больше стейкхолдеров во внешней среде, чем во внутренней. Он интересен территории, городским сообществам, домохозяйствам. Это ведет к новым идеям, коммуникациям и миссиям.

А.Е.: Как территории выстроить эффективную коммуникацию с университетом?

А.К.: Есть города, где коммуникация с вузами выстроена лучше, есть города, где она хуже. Но у самих университетов есть избыток энергии, которая ищет своего применения. И если территория восприимчива к этому обстоятельству, то коллаборация с университетами вполне успешна.

Важна способность постановки регионом задач перед университетами. Дело в том, что у территорий масса проблем, но привлечь университет к своим задачам – это риски. Ведь процесс перестает быть полностью

управляемым. Многое зависит от широты кругозора руководителей «на местах», степени их открытости. Впрочем, и сами университеты не работают как машины. Их развивают люди с исследовательскими способностями, интеллектуальным потенциалом. Хороший университет собирает таких людей, а они создают разнообразные способы взаимодействия с территориями и сообществами.

И здесь важно обойтись без излишней формализации. Как мы знаем, часто возникает множество интересных идей и проектов, но далеко не все из них, столкнувшись с барьерами формализма и бюрократии, начинают работать, становятся практикой. При этом также верно и то, что если реальные дела не получают разумное документальное подкрепление и формализацию, которая бы их поддерживала, создавала бы более-менее устойчивые механизмы, то это тоже тупик. В этом смысле оптимально, когда активности университета имеют запрос сообществ и власти, поле реализации, а затем договоренности фиксируются в совместном документе.

А.Е.: Кто, помимо государственных структур, является партнером российского университета?

А.К.: Абсолютное большинство университетов страны являются государственными, и государство выступает ключевым стейкхолдером вузов. Однако, многосубъектность интересов вузов постоянно расширяется, и мы сюда включаем работодателей, партнерские организации сферы образования и науки, местные сообщества, родителей и т.д. Сейчас мы выстраиваем работу с некоммерческими организациями, потому что необходимость поддержки некоммерческого сектора – организаций, которые работают с социальными потребностями людей, – крайне высока. Мы у себя в школе активно работаем с благотворительными и социокультурными организациями, используя разные механизмы, включаем эту работу в учебный процесс через проектное обучение. В нашем портфеле более 120 проектов, и большая их часть связана как раз с некоммерческими организациями, где много задач и, как правило, мало денег. Дополнительные руки, ноги и головы не будут для них лишними, а если эти головы имеют собственные идеи, то это вообще замечательно.

В последние годы университеты активно участвуют в развитии и улучшении городских пространств. Некоторые инициативы уже сегодня, на мой вз-

гляд, носят федеральный характер. Многие университеты ставят себе задачу улучшения среды не только внутри кампуса, но также и за его пределами. Разумеется, университет не способен навязать свое видение жизни людям. Но он может улучшить коммуникацию, взаимодействие, он может лучше понимать потребности людей и помогать им реализовывать себя. Наше преимущество в том, что практически все наши университеты интегрированы в городское пространство и они имеют гораздо больше возможностей влиять на город, чем, скажем, американские университеты, которые часто обособлены в университетских городах-кампусах.

А.Е.: В чем преимущества университета как стратегического партнера?

А.К.: Университеты по-прежнему остаются теми организациями, в которых собираются наиболее интеллектуально продвинутые люди, и эта умная среда является самоценностью. Университет всегда силен тем, что он постоянно в движении. Даже если он стоит на месте в ключевых показателях своей деятельности, туда постоянно приходят новые люди – новые студенты, и это также создает свою динамику. А если университет амбициозен, если ставит перед собой цели, то в динамичности среды возникает совсем другой градус изменений и трансформаций.

В хорошем университете всегда собираются люди, которые хотят делать что-то большое, крупное: открыть что-то новое, принципиально никому неведомое – новый физический закон, новую планету, новую звезду. На сегодняшний день сильный университет – это университет с крепкой управленческой командой, с амбициозным научно-педагогическим коллективом.

Для пионеров... ...и пенсионеров

Увы, российские университеты имеют малую долю контингента взрослых людей в своем пуле обучаемых в сравнении с западной практикой. Так сложилось исторически, есть, наверное, какие-то культурные особенности; безусловно, имеет место влияние рынка труда (у нас он менее динамичен и реже происходит смена компетенций). Все эти факторы в совокупности работают, и наши университеты в общей массе своей пока не стали университетами для всех возрастов. С другой стороны, тот факт, что возникает альтернативное образование, большой сегмент неформального образования, который позволяет людям любого возраста приобрести любую компетенцию, создает новый вызов для университетов. Я думаю, университеты пока не нашли ответов, будут ли они на этот вызов отвечать или пройдут мимо. Данный вопрос актуален, но не решен. Университеты деклариру-

ют в своих стратегиях приверженность концепции образования на протяжении жизни, но это пока только декларация на бумаге. И если мы попросим показать долю взрослого населения в контингенте университета, мы увидим не слишком впечатляющую цифру.

И это тоже ресурс для развития контактов университета с местным сообществом, с горожанами. Ведь мы переходим в другое общество, в котором «корочка» становится просто знаком. Работодателю можно предъявить свои компетенции и без диплома. Функция сертификации перестает быть существенной для университетов и это тоже очень сильный вызов, так как становится важным не столько дипломы выдавать, сколько формировать научно-образовательную и социо-культурную среду как в самих вузах, так и вокруг, вовлекая в нее окружающие университет сообщества и территорию. В этих условиях третья миссия вряд ли останется третьей по значимости для вузов. ■

Каждое лето площадь перед главным корпусом УрФУ на улице Мира, 19 в Екатеринбурге превращается в многодневное царство музыки: здесь проходит **Венский фестиваль музыкальных фильмов**. Это один из ярких примеров участия вуза в создании масштабного общественного события.

ЦИФРОВОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК НОВАЯ АГОРА: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ МОЛОДЕЖИ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Блинова Олеся Александровна

Екатеринбургская академия современного искусства (620012, Россия, Екатеринбург, ул. Культуры, 3); Уральский государственный педагогический университет (620091, Россия, Екатеринбург, пр-кт Космонавтов, 26);

✉ olesyablinova79@yandex.ru

Горбунова Юлия Александровна

Московский университет им. С. Ю. Витте (115432, Россия, Москва, 2-й Кожуховский проезд, 12, стр. 1);

✉ gorbunovaua2008@yandex.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

молодежь, патриотизм, маргинальные политические практики, цифровое пространство, стратегии политической коммуникации.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Блинова О.А., Горбунова Ю.А. Цифровое пространство как новая агора: политические практики молодежи российских городов // Муниципалитет: экономика и управление. 2021. № 4. С. 102–108.

АННОТАЦИЯ:

В статье определяются и характеризуются основные цифровые политические практики российской молодежи, а также возможные исходы их влияния на коммуникацию в системе отношений «молодежь – власть».

Цифровое пространство рассматривается авторами как новая агора – пространство реализации молодежью маргинальных («гибридных», вирулентных, нелинейных) политических практик типа «черный лебедь» (Н. Талеб). Маргинальные политические практики молодежи исследуются в рамках антиредукционистского подхода, благодаря чему преодолевается сведение маргинального к ненормальному, дисфункциональному и периферийному. Авторы предпринимают попытку обосновать представление о маргинальных политических практиках современной молодежи как норме, константе и тренде городской среды. Исследование носит мультиметодный характер, основу которого составили: контент-анализ аккаунтов в социальных сетях, анкетный опрос молодежи (18–30 лет, $N = 420$) в различных субъектах Российской Федерации, таких как Москва и Московская область, Санкт-Петербург, Севастополь и Республика Крым, Свердловская, Челябинская, Иркутская, Омская и др. области, Пермский и Красноярский края, а также методы теории игр.

В результате эмпирического исследования авторами выявлена вариативность согласования оценки маргинальных политических практик (одобрение/порицание) и самого практикования (использование/отказ от использования), что легло в основу авторской классификации стратегий политической коммуникации молодежи в цифровом пространстве.

Наличие данных стратегий и их практикование может быть санкционировано или не санкционировано государством, что может стать причиной конфликтной коммуникации в системе отношений «молодежь – власть».

Поставив перед собой цель выявить максимально эффективную стратегию для формирования конструктивной и продуктивной коммуникации власти и молодежи, где выбранный способ диалога устраивает обе стороны, мы опирались на теорию игр, а именно – на поиск равновесия в матричных бескоалиционных играх. Исходной посылкой исследования является тот факт, что участники рассматриваемой коммуникации не являются антагонистами, т. е. не нацелены на сценарий «проиграл – проиграл», а, напротив, нацелены на получение исхода «выиграл – выиграл», что и обусловило наш выбор расчета на основе теории матричной бескоалиционной игры.

Результаты исследования позволяют восполнить дефицит научного знания о маргинальных политических практиках молодежи, таких как *Digital Natives*, отказаться от каталогизации практик в пользу трендотчинга и форсайта как основы управления политическими конфликтами – минимизации их деструктивных эффектов и максимизации конструктивного потенциала, а также более глубоко понять природу новых практик молодежного патриотизма, возникающих в условиях цифровизации политики и виртуализации городского пространства.

У древних греков существовало представление о том, что легитимность демократии находится в прямой зависимости от качества и уровня свободы общественной коммуникации. Только те законы и социальные нормы, которые прошли общественное обсуждение, окажутся эффективными и не вызовут отторжения.

Одним из условий реализации данного представления было наличие соответствующего пространства – агоры – для общественных обсуждений и дебатов, организованных согласно принципам взаимоуважения, равноправия, гуманизма и этики. А весь коммуникационный процесс опирался на четкую и корректную аргументацию. Только такая агора могла стать местом становления и развития коллективного социального разума и демократии.

Позже, в эпоху Просвещения, идеи демократии обогатились концепцией правового государства, принципом разделения властей и совокупностью гражданских прав и свобод, и мысль о том, что высшей инстанцией в обществе является свободная общественная коммуникация и общественное мнение, в целом только укрепилась.

Вместе со смысловым наполнением агоры менялось и ее местоположение: если в Греции это была центральная площадь полиса, затем – информационно-медийное пространство СМИ, то современная агора разместилась в пространстве интернета. Современная цифровая агора характеризуется децентрализацией, отсутствием вождей и абсолютной истины, представляя собой пространство, где благодаря логике гибкой адаптивности совершенствуются принципы демократического эгалитаризма и формируется глобальная виртуальная социальная коммуникация. При условии эффективной организации, исключая фейк, хейт, авторефе-

рентность и привилегированное положение власть имущих, цифровая агора может стать пространством становления и реализации гражданственности и патриотизма.

Классическая философская традиция, восходящая к Аристотелю, определяет понятие «гражданин» не только через принадлежность к «месту» – государству как территориальному единству, не только через общие, то есть одинаковые для всех граждан обязанности и повинности, но, прежде всего, через «участие в суде и власти» [1, с. 453]. Статус гражданина обусловлен не только формальной принадлежностью к государству: «действительность гражданского общества» (Г. В. Ф. Гегель) обеспечивается участием граждан в политике. Однако, если в понимании гражданства фокусировать внимание не на участии гражданина в жизни общества, а на правах и обязанностях, обладание которыми обеспечивает формальную принадлежность к числу граждан государства, но совсем не обязательно актуализируется в практике взаимодействия, то в этом случае гражданин *de jure* так и не превращается в гражданина *de facto*, «гражданство становится категорией статуса без действия, а гражданское общество – областью действия без практики гражданства» [2, с. 11].

Практика гражданства формируется как единство когнитивного, эмоционального, ценностного и деятельностного элемента, где именно последний является связующим звеном, актуализирующим гражданские качества. Благодаря деятельностной составляющей гражданства возможное становится действительным: личность не просто осознает собственную принадлежность к гражданскому обществу, оценивает и наделяет это знание ценностным смыслом, но и проявляет себя в качестве гражданина в действии, которое разворачивается непосредственно между людьми [3].

Аксиологическую основу практики гражданства составляет патриотизм. Д. С. Лихачев определял его как «благороднейшее из чувств... важнейшая сторона и личной, и общественной культуры духа, когда человек и весь народ как бы поднимаются над самими собой, ставят себе сверхлические цели» [4]. Свобода – это необходимое условие проявления созидющего начала личности – творца гражданских отношений, компонент гражданской идентичности личности. Патриотизм включает чувство «укорененности» в социальном мире, сопричастности социальным проблемам, гражданского долга, доверие, гражданское достоинство, чувство уверенности человека в собственных силах и в том, что

© DeAgostini/Getty Images

Рис 1. Площадь Агора в античных Афинах.

Молодежь как *Digital Natives* формирует в цифровом пространстве целый пласт практик городского патриотизма

только объединение своих действий и действий других позволит добиться результатов в решении актуальных задач и проблем. Поэтому патриотизм не совместим с равнодушием человека к проблемам, выходящим за рамки его повседневных забот, с ориентацией человека на достижение своих индивидуальных целей без учета того, какие последствия это будет иметь для других людей. Так, по мнению В. М. Межуева, патриотизм способствует становлению гражданской ответственности, понимаемой как «мера способности человека жить не только в семье и собственном доме, но вместе с другими и ради других», которая «определяется... реальной способностью преодолеть ограничения бездушного индивидуализма или „стадного“ коллективизма» [5, с. 309]. В результате, опираясь на известный философский тезис о двух жизненных ситуациях – «иметь» и «быть» (Г. Марсел, Э. Фромм, А. Турен), гражданина можно определить как создателя, а не потребителя общественной ситуации, нацеленного на ее качественное улучшение.

Современную ситуацию можно описать как ситуацию постполитики и постнормальности, где формирование гражданской ответственности и развертывание политической коммуникации происходит в цифровом пространстве, выполняющим роль новой агоры. Цифровизация сферы политического обуславливает вхождение в нее различных социально-демографических групп. Молодежь как *Digital Natives* наиболее активно проявляет свою политическую и об-

щественную деятельность в цифровом пространстве, формируя в нем целый пласт практик городского патриотизма. Наличие существенного разрыва между поколениями *Digital Natives* и *Digital Immigrants* приводит к тому, что молодые люди, переосмысливая свою вовлеченность в политическую жизнь страны, зачастую отвергают традиционные политические институты и инструменты, вырабатывают и апробируют «экспериментальные», неформальные практики политического участия.

Данные практики имеют маргинальный (неинституциональный, трансграничный или «гибридный») характер [6]. Маргинальность рассматриваемых практик характеризуется виртуальностью и нелинейностью, взаимопроникновением физического и виртуального пространств, что затрудняет прогнозирование возможных исходов их реализации. При этом сегодня маргинальность как характеристика политического из *rare case* трансформируется в тренд. Данное предположение подтверждается идеями отечественных исследователей, отрицающими бинарный подход к осмыслению маргинальности.

Так, профессор Самарского университета Ю. А. Разинов полагает, что в условиях постмаргинальности мир превращается в сеть с подвижными, пересекаемыми границами и нелокализуемым центром, а основания различия маргинального и магистрального размываются и утрачиваются [7]. С точки зрения С. П. Гурина, маргинальность есть экзистенция бытия человека, обуславливающая многомер-

ность, нелинейность и децентрализованность социального пространства [8]. В свою очередь политическая маргинальность мыслится в рамках традиционного противопоставления системы, властного влияния и включенности в процесс принятия легальных политических решений, с одной стороны, и оппозиции, эксклюзии, с другой [9]. Причем политическая маргинальность постепенно становится нормой, не временным, переходным, но непрерывным состоянием политически активной молодежи российских городов, что актуализирует проблему оценки рисков, возможностей, потенциала (как деструктивного, так и конструктивного) реализации молодежью маргинальных политических практик в цифровом пространстве – новой агоре.

Проанализировав цифровой след пользователей социальных сетей, мы выделили следующие виды цифровых практик молодежи:

- политический краудсорсинг и электронные петиции;
- троллинг и холивар;
- фейк-ньюс;
- стримы, посты и репосты с использованием хештегов и стикеров;
- участие в интернет-флешмобах и цифровых дистанционных митингах.

Выделенные практики соотносятся с ключевыми характеристиками молодежи как *Digital Natives*, а именно – формирование в молодежной среде культуры просьюмеризма, соучастия, распространение новой модели создания знания и получения опыта путем объединения талантов (крауд- и вики-), ориентации на горизонтальные связи и низовую инициативу, восприятие сверстников как экспертов и включение в коллаборации по принципу DIWO (англ. *do it with others* «сделай с другими») или DIT (англ. *do it together* – сделайте вместе). Дру-

гими словами, для молодежи приоритетным является возможность открытого участия в процессе принятия управленческих решений, поскольку сообщество информированных граждан как целое может в большей степени способствовать развитию политики, чем закрытая группа носителей политических решений, хотя последние «квалифицированной» [10]. Конструктивность политического участия молодежи заключается в поиске креативных ходов, умении собрать эффективную команду, знании реальных потребностей граждан. Результаты реализации политических практик, возникающие в ходе их реализации идеи участники молодежных групп выкладывают в открытый доступ, где с ними могут ознакомиться другие, использовать их и даже извлекать выгоду.

Авторами был проведен опрос российской молодежи (18–30 лет, $N = 420$) из Москвы, Санкт-Петербурга, Севастополя, областных и краевых центров России, Республики Крым, направленный на выявление общей политической активности молодежи, степени одобрения, опыта применения и ценностного основания выбора тех или иных маргинальных политических практик. Полученные результаты подтверждают выбор интернет-пространства сценой политического участия молодежи (рис. 2).

Используя интернет-пространство для выражения своей гражданской позиции, молодые люди допускают выражение в интернете гражданской позиции другими людьми и установление с ними коммуникации.

«Где молодёжь, по вашему мнению, наиболее активно проявляет свою политическую и общественную позицию?»

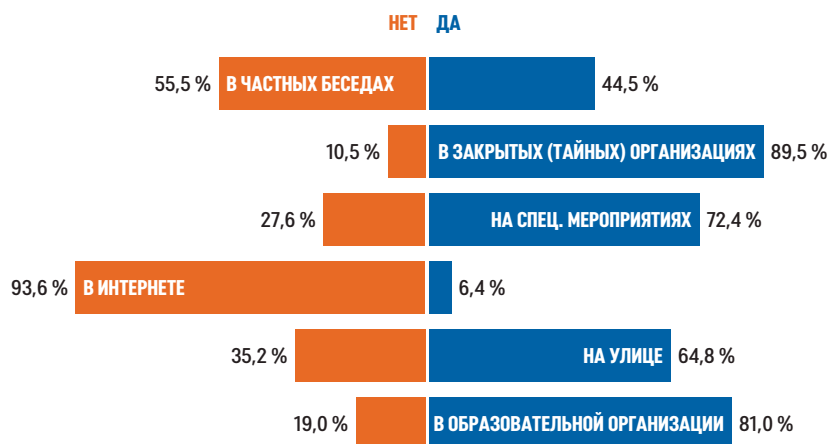

Рис. 2. Пространство политической активности молодежи.

Тем не менее, результаты опроса позволили обнаружить противоречие между готовностью и одобрением политического участия в цифровом пространстве и реальным участием молодежи. Так, 65 % опрошенных считают себя политически активными, одобряя обозначенные политические практики (кроме хохливар и фейк-ньюс как изначально деструктивных), но при этом более 70 % респондентов не используют и не планируют использовать ни одну из этих практик (рис. 3).

Мы полагаем, что противоречие между потенциальной готовностью и реальной пассивностью политического участия молодежи порождается неравным доступом к принятию управленческих решений, репрессивным характером правового регулирования маргинального поведения молодежи и дефицитом культуры политического диалога. В то же время в среде политически активной молодежи формируется запрос на пре-

одоление ограничений выражения собственной политической позиции и осуществления политического участия. Игнорирование политической позиции молодежи, отказ ей в участии в управлении городом активизируют протестные настроения молодых людей, актуализируя проблему прогнозирования результатов протестов.

Учитывая отношение одобрения респондентами указанных практик, а также опыт их реального практикования, мы сформулировали четыре основные стратегии политического поведения молодежи (табл. 1).

1. *Позитивно-активистская стратегия* (14 % опрошенных – «одобряю и использую»), характеризующая активное влияние молодежи на сферу политического.

2. *Стратегия активного избегания* (38 % опрошенных – «не одобряю и не использую»), сторонники которой отрицательно относятся к маргинальным практикам политического участия молодежи и, возможно, используют иные, например, одобренные государством, способы проявления гражданственности и патриотизма.

3. *Пассивная, но потенциально активистская стратегия* (48 % опрошенных – «одобряю, но не использую»). Молодые люди, предпочитающие данную

Таблица 1 – Стратегии политического участия молодежи в цифровом пространстве

Стратегия	Число ответивших
Позитивно-активистская стратегия	58
Стратегия активного избегания	160
Пассивная, но потенциально активистская стратегия	201
Негативно-активистская стратегия	1

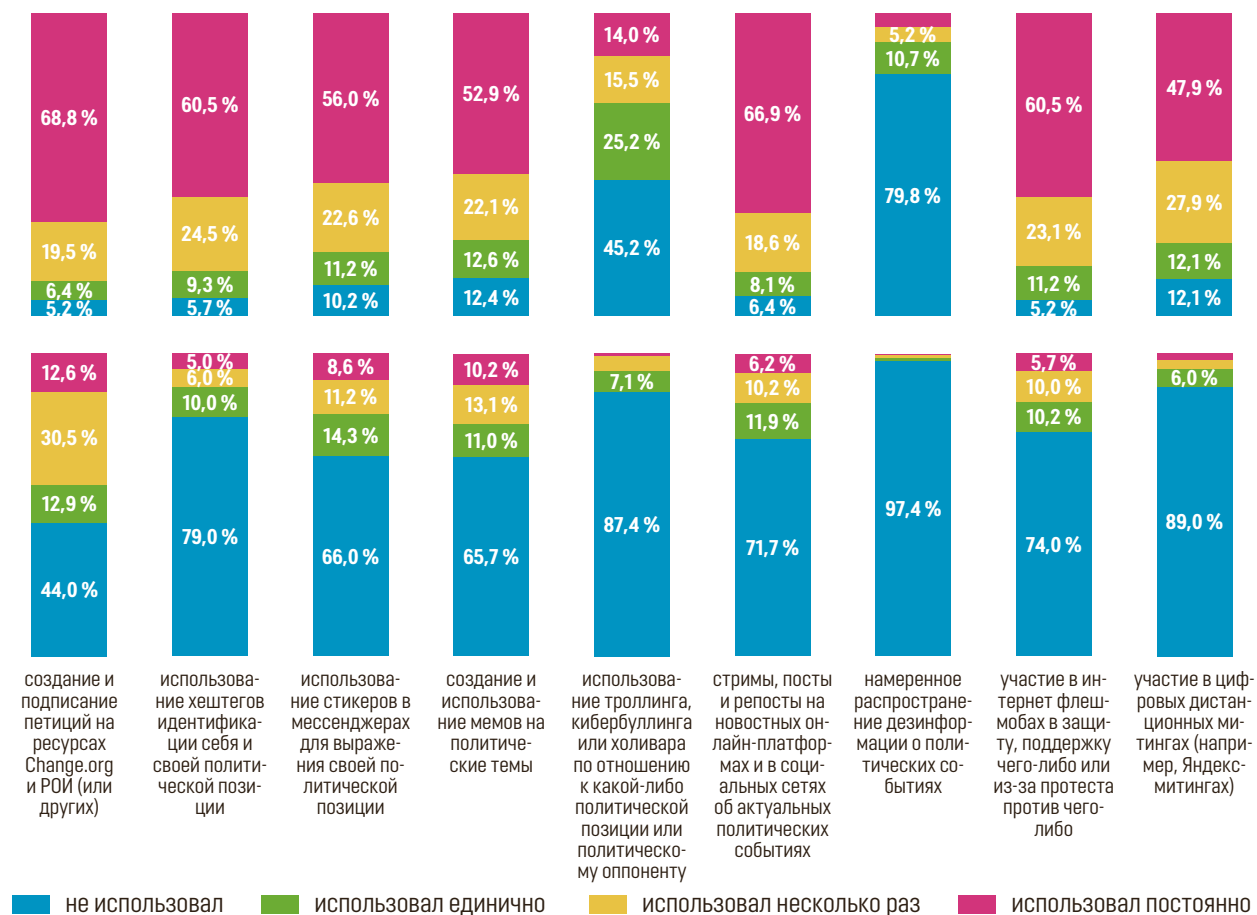

Рис. 3. Отношение к использованию маргинальных политических практик (наверху) и опыт их использования (внизу)

стратегию поведения, рассматривают себя как активных участников политической коммуникации, но в силу различных обстоятельств не решаются эту активность реализовать.

4. *Негативно-активистская стратегия* (0,2% опрошенных – «не одобряю, но использую») характерна для конформно настроенной молодежи, не желающей вступать в конфликт со своим окружением, либо, если выбор практики идет «сверху», например, от руководства организации, может быть вынужденной стратегией.

Опираясь на теорию бескоалиционных матричных игр, мы попытались рассчитать наиболее эффективную стратегию коммуникации «молодежь – власть», результатом которой станет ситуация «выиграл – выиграл». Так как возможности «опросить» государство мы не имеем, то, опираясь на результаты со-

циологического исследования ВЦИОМ и Левада-центра (организация, признанная экстремистской и выполняющей функции иностранного агента), мы выделили две стратегии оценки политического участия молодежи государством, как законного и незаконного, с коэффициентами 0,7 и 0,3 соответственно. Для расчета мы пользовались формулой минимакса:

$$\alpha = \max_i \alpha_i = \max_i \min_j a_{ij} \quad (1)$$

благодаря которой может быть выбрана эффективная стратегия поведения и принято оптимальное решение, удовлетворяющие обоим участникам взаимодействия и позволяющие получить им максимальный выигрыш от ситуации. Результатом нашего расчета стала пассивная, но потенциально активистская стратегия, то есть коммуникация «молодежь – власть» будет максимально конструктивной и

эффективной при условии соблюдения всеми участниками требований законодательства.

Маргинальные практики городского патриотизма являются одним из новых инструментов выражения политической позиции молодежи в мало институционализированном социальном цифровом пространстве. И данный инструмент в зависимости от аксиологической направленности может обладать в том числе и воспитательным потенциалом для формирования ответственного цифрового поведения городской молодежи. Полученные нами данные свидетельствуют о том, что ключевыми ценностными ориентирами для молодых горожан являются преданность группе и благополучие ее членов, стремление быть надежным и заслуживающим доверие членом группы, свобода в определении своего поведения. Для них харак-

терны, с одной стороны, просоциальные стремления и преобладание реакции группирования, а с другой – стремление к независимости по отношению к другим сообществам, слабая поддержка культурных, семейных и религиозных традиций.

Одной из перспектив исследования практик городского патриотизма *Digital Natives* может стать разработка модели фор-

мирования ответственного политического поведения молодежи в цифровом пространстве, и на этой основе – создание игрового приложения, позволяющего алгоритмизировать политическую активность молодежи в цифровой среде на основе аргументированного обоснования закономерного результата конкретного выбора субъекта и группировки предполагаемых

исходов по модальности последствий для использующего практику человека. Игровое мобильное приложение как инструмент формирования ответственного политического поведения в цифровом пространстве конгруэнтен интересам молодежи и трендам геймификации и эдьютейнмента, обладает выраженной эффективностью и воспитательным потенциалом. ■

ИСТОЧНИКИ:

- [1] Аристотель. Политика. Сочинения : в 4 т. / пер. с древнегреч. ; общ. ред. А. И. Доватура. М. : Мысль, 1983. Т. 4. С. 375–644.
- [2] Ку А.С. (2003). Парадокс-гражданское общество без гражданства // Социс. № 12. С. 11–20.
- [3] Семенова Ю.А. (2012). Гражданская идентичность личности в глобализирующемся мире (философско-антропологический аспект) : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. Челябинская государственная академия культуры и искусства. Челябинск. 129 с.
- [4] Лихачев Д.С. (2006). Патриотизм и национализм. Малые народы // Избранное. Мысли о жизни, истории, культуре. М. URL: <http://www.elbrusoid.org/content/vzglyad/p330368.shtml> (дата обращения: 15.09.2021).
- [5] Резник М.Ю. (2010). Человек гражданский: проблема идентичности // Вопросы социальной теории. Т. 4. С. 305–325.
- [6] Blinova O., Gorbunova Yu. Value foundations of marginal political practices of youth. In: Proceedings XVI International Scientific and Practical Conference «State. Politics. Society». DOI: 10.1051/shsconf/20219403017.
- [7] Разинов Ю.А. (2020). Состояние постмаргинальности // Международного журнала исследований культуры. № 1. С. 6–21. DOI: 10.24411/2079-1100-2020-00001.
- [8] Гурин С.П. Маргинальная антропология // Anthropology.ru. 04.06.2004. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/gurin-sp/marginalnaya-antropologiya> (дата обращения: 20.09.2021).
- [9] Блинова О.А., Горбунова Ю.А. (2021). Стратегии политической коммуникации молодежи в цифровом пространстве: возможные исходы // Вопросы управления. № 3 (70). С. 20–34. URL: <https://journal-management.com/issue/2021/03/02> (дата обращения: 17.09.2021). DOI: 10.22394/2304-3369-2021-3-20-34.
- [10] Плотицкина Н.В. (2013). Просьюмеризм как политическая практика // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: социология. № 3. С. 66–79. URL: <http://journals.rudn.ru/sociology/article/view/6203> (дата обращения: 22.09.2021).
- [11] Протестные настроения россиян: мониторинг // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/protestnye-nastroeniya-rossiyan-monitoring> (дата обращения: 22.09.2021).
- [12] Волков Д. Протестная активность // Левада-центр. URL: <https://www.levada.ru/2019/09/03/protestnaya-aktivnost-5/> (дата обращения: 22.09.2021).

DIGITAL SPACE AS A NEW AGORA: POLITICAL PRACTICES OF YOUTH IN THE RUSSIAN CITIES

ABSTRACT:

The article defines and characterizes main digital political practices of the Russian youth, as well as the possible outcomes of their influence on communication in the “youth – power” relations system.

The digital space is considered by the authors as a new agora – a space for young people to implement marginal (“hybrid”, virulent, nonlinear) political practices such as “black swan” (N. Taleb). Marginal political practices of the youth are explored in the context of anti-reductionist approach, due to which the reduction of

AUTHORS' INFORMATION:

Olesya A. Blinova

Ekaterinburg Academy of Contemporary Art (3, Kultury St., Ekaterinburg, 620012, Russia);

Ural State Pedagogical University (26, Kosmonavtov Blvd, Ekaterinburg, 620091, Russia)

✉ olesyablinova79@yandex.ru

Yuliya A. Gorbunova

Moscow Witte University (12/1, 2nd Kozhukhovskiy proezd, Moscow, 115432, Russia)
✉ gorbunovaua2008@yandex.ru

KEYWORDS:

youth, patriotism, marginal political practices, digital space, political communication strategies.

FOR CITATION:

Blinova O.A., Gorbunova Yu.A. (2021). Digital space as a new agora: political practices of youth in the Russian cities, *Municipality: Economics and management*, no. 4, pp. 102–108.

the marginal to the abnormal, dysfunctional and peripheral is overcome. The authors attempt to substantiate the perception of marginal political practices of modern youth as a norm, constant and trend of the urban environment. Theresearch is of multi-method nature, the basis of which was: content analysis of accounts in social networks, a questionnaire survey of young people (18–30 years old, $N = 420$) in various RF entities, such as Moscow and the Moscow region, St. Petersburg, Sevastopol and the Republic of Crimea, Sverdlovsk, Chelyabinsk, Irkutsk, Omsk and other regions, Perm and Krasnoyarsk territories, and also game theory methods.

As a result of empirical research, the authors revealed the variability of the coordination of marginal political practices assessment (approval/censure) and the practice itself (use/refusal to use), which formed the basis of the authors' classification of strategies for political communication of young people in the digital space. The presence of these strategies and their practice can be sanctioned or not sanctioned by the state, which can cause conflict communication in the “youth – power” relations system.

Having set ourselves the goal of identifying the most efficient strategy to develop the constructive and productive communication between the authorities and the youth, with the chosen dialogue method approved by both parties, we relied on game theory, in particular, on finding balance in matrix non-coalition games. The initial premise of the research is the fact that the participants of the communication under consideration are not antagonists, i.e., they are not focusing on the “lose – lose” scenario, but, on the contrary, aim at the “win – win” outcome, which determined our choice of calculation based on the matrix non-coalitional game theory.

The research results will contribute to filling the scientific knowledge gap on marginal political practices of the youth, such as Digital Natives, to abandon the practices cataloging in favor of trend-watching and foresight as the basis of political conflicts management – to minimize their destructive effects and maximize the constructive potential, as well as to better understand the nature of the new practices of the youth patriotism emerging under politics digitalization and urban space virtualization.

REFERENCES:

- [1] Aristotle. Politics. Works. In 4 volumes. Vol. 4. Translation from Ancient Greek. Moscow: Mysl, 1983. Pp. 375–644.
- [2] Ku A.S. (2003). Paradox civil society without citizenship, *Socis*, no. 12, pp. 11–20.
- [3] Semenova Yu.A. (2012). Civilian identity identity in the globalizing world (philosophical and anthropological aspect): Ph. D. thesis. Chelyabinsk State Academy of Culture and Art. Chelyabinsk. 129 p.
- [4] Likhachev D.S. (2006). Patriotism and nationalism. Small nations. In: Selected Works. Thoughts about life, history, culture. Moscow. URL: <http://www.elbrusoid.org/content/vzglyad/p330368.shtml> (accessed 15.09.2021).
- [5] Reznik M.Yu. (2010). Civil Man: Identity Problem, *Social Theory Issues*, vol. 4, pp. 305–325.
- [6] Blinova O., Gorbunova Yu. Value foundations of marginal political practices of youth. In: Proceedings XVI International Scientific and Practical Conference «State. Politics. Society». DOI: 10.1051/shsconf/20219403017.
- [7] Razinov Yu.A. (2020). The state of postmanginality, *International Culture Research Journal*, no.1, pp.6–21. DOI:10.24411/2079-1100-2020-00001.
- [8] Gurin S.P. Marginal anthropology. Anthropology.ru. 04.06.2004. URL: <http://anthropology.ru/text/gurin-sp/marginalnaya-antropologiya> (accessed 20.09.2021).
- [9] Blinova O.A., Gorbunova Yu.A. (2021). Political communication strategies of young people in the digital space: possible outcomes, *Management issues*, no. 3 (70), pp. 20–34. URL: <https://journal-management.com/issue/2021/03/02> (accessed 17.09.2021). DOI: 10.22394/2304-3369-2021-3-20-34.
- [10] Plotichkina N.V. (2013). Presumption as a Political Practice in a “Producer-Consumer Environment”, *RUDN Journal of Sociology*, no. 3, pp. 66–79. URL: <http://journals.rudn.ru/sociology/article/view/6203> (accessed 22.09.2021).
- [11] Footing sentiments of Russians: Monitoring, WTSIOM. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/protestnye-nastroeniya-rossiyan-monitoring> (accessed 22.09.2021).
- [12] Volkov D. Protest activity. Levada Center. URL: <https://www.levada.ru/2019/09/03/protestnaya-aktivnost-5/> (accessed 22.09.2021).

НЕОИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К СТРАТЕГИЧЕСКОМУ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОМУ РАЗВИТИЮ ТЕРРИТОРИЙ: ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ

АННОТАЦИЯ:

Одной из ключевых проблем стратегического планирования социально-экономического развития территорий является отсутствие в стратегических документах проектов институционального строительства. Вследствие этого меры, закрепляемые в стратегических документах, имеют сугубо структурный характер и, как правило, направлены лишь на достижение количественных показателей. Поэтому особый интерес для развития практик стратегического управления представляет неоинституциональный подход, рассматривающий социальную действительность через призму институтов. Актуальность исследования подтверждается возрастающей популярностью неоинституционального подхода в научном сообществе.

В статье рассматриваются основные положения современного неоинституционализма: анализируются нормативная, когнитивная и интегративная трактовки категории «институт», описывается неоинституциональная модель экономического субъекта, кратко характеризуются концепция транзакционных издержек и фактор неопределенности. Подробно разбирается неоинституциональное представление о взаимосвязи культуры с институтами и процессом экономического развития, а также описываются два базовых сценария соотношения культуры и институтов в статичном состоянии. Методологической базой исследования стали работы современных представителей неоинституциональной школы – А. Грейфа, Д. Норта, Дж. Ходжсона, Дж. Серла, О. Уильямсона, Дж. Стиглера, В. В. Полтеровича, А. А. Аузана.

В результате исследования были представлены основные положения неоинституционализма, охарактеризован неоинституциональный подход к социально-экономическому развитию, выражающемуся в процессе институциональных изменений и повышении эффективности институтов. Также была обоснована возможность использования неоинституционального подхода в стратегическом управлении социально-экономическим развитием территорий. Ключевое преимущество данного подхода проявляется в широкой вариативности стратегий экономических преобразований, основывающихся на социокультурных особенностях тех или иных территорий и характеристиках сложившейся институциональной среды.

Введение

Система стратегического планирования социально-экономического развития территории (страны, региона, города) представляет собой

комплекс долгосрочных программ, мер и мероприятий, направленных на формирование целевого образа будущего территории. Создание, изменение и развитие эффективных инсти-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Ковыляев Сергей Алексеевич

Уральский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66)

✉ sergeykovylyayev@gmail.com

Скоробогатский Вячеслав Васильевич

Уральский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66)

✉ skorobogatskiy-vv@ranepa.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

институты, неоинституциональная теория, неоинституционализм, стратегическое управление, социально-экономическое развитие, культура в экономической теории, социокультурные факторы.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Ковыляев С.А., Скоробогатский В.В. Неоинституциональный подход к стратегическому социально-экономическому развитию территорий: основные положения и перспективы применения // Муниципалитет: экономика и управление. 2021. № 4. С. 109–117.

Торстейн Бунд Веблен
(1857–1929)

Уэсли Клар Митчелл
(1874–1948)

Джон Роджерс
Коммонс (1862–1945)

Рональд Гарри Коуз
(1910–2013)

Дуглас Сесил Норт
(1920–2015)

Оливер Итон Уильямсон
(1932–2020)

Джеймс Макгилл
Бьюкенен (1919–2013)

Лоран Тевено
(р. 1949)

Джон Форбс Нэш
(1928–2015)

Герберт Александер
Саймон (1916–2001)

циально-экономического развития территории. Однако, на сегодняшний день в большинстве документов стратегического планирования как на федеральном, так и на региональном и муниципальном уровнях институциональному строительству внимания фактически не уделяется. Сегодня ключевым ориен-

тиром стратегического развития является достижение тех или иных количественных показателей. Вследствие этого в действующих стратегических документах мы наблюдаем явный перевес структурных мер, основывающихся на совокупности сугубо технологизированных, прикладных и прагматических методов, что в значительной степени ограничивает потенциал развития территорий. В этом контексте особый интерес для стратегического управления социально-экономическим развитием территорий представляет неoinституциональная школа. Современные представления неoinституционалистов о природе функционирования и изменения институтов могут стать хорошей теоретической базой для разработки стратегий социально-экономического развития. Поэтому прежде всего рассмотрим основные положения неoinституциональной школы.

Классификация институциональных подходов

Необходимо отметить, что в экономической литературе сложилась позиция, в соответствии с которой принято различать две конкурирующие институциональные теории: новая институциональная экономика (продолжает традицию «старой» институциональной теории в радикальном отрицании неоклассических постулатов) и неoinституционализм (обращается к неоклассической парадигме, укрепляя и расширяя ее основные положения). Однако в последнее время термин «неoinституционализм» чаще используется для обозначения всего спектра современных институциональных подходов, среди которых выделяют следующие:

- «институционально-эволюционная теория» (Д. Норт);
- «новая институциональная теория» (О. Уильямсон);

- «новый французский институционализм» (Ф. Перу, Л. Тевено, Ф. Эмар-Дюверне);
- «теория общественного выбора» (К. Эрору, Дж. Бьюкенен, Г. Таллок);
- «теория прав собственности» (Р. Коуз, А. Алчиан, Д. Демсец, Р. Познер) и др. [1, с. 13].

Понятие института в неoinституциональной теории

Объектом исследования неoinституциональной школы являются социальные институты. В существующей научной традиции сложилось два превалирующих подхода к определению институтов. По одной из наиболее распространенных трактовок, институт – это система укоренившихся и общепринятых социальных правил, которые структурируют социальные взаимодействия [2, с. 28]. Фокусируя внимание на правилах, авторы, придерживаясь данной трактовки, рассматривают институты как определенный набор нормативных предписаний, регулирующих поведение индивида в обществе. Таким образом, на первый план выдвигается нормативный аспект. Ярким примером подобной трактовки является определение Д. Норта, рассматривающего институты как «правила игры» в обществе или установленные человеком ограничительные рамки, организующие взаимоотношения между людьми [3, с. 17]. Другая часть авторов в своем подходе к определению институтов, напротив, делает акцент на когнитивном аспекте институтов. Институты здесь представляются ментальными структурами, сконструированными в ходе социального взаимодействия, которые обеспечивают общие модели поведения, а также объясняют и интерпретируют окружающую среду. Так, например, основоположник институционализма Торстейн Веблен опреде-

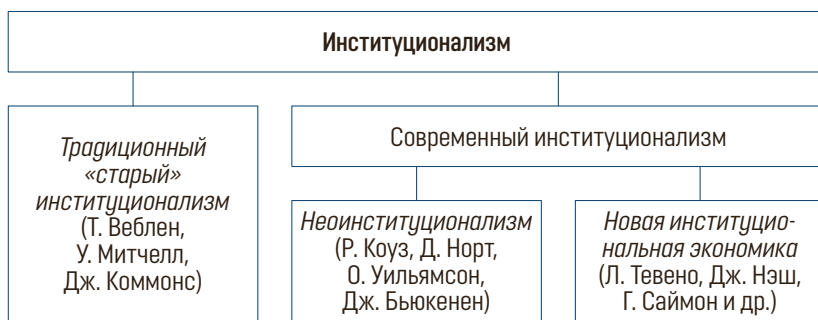

Рис. 1. Классификация институциональных течений.

ляет институт как «совокупность устоявшихся стереотипов мышления, общих для большинства людей» [4, с. 91]. Такой подход берет свои корни из основных традиций социологического институционализма, в числе которых традиция, связанная с Э. Дюркгеймом, Т. Парсонсом, М. Вебером, П. Бергманом, Т. Лукманом и др.

Две эти конкурирующие трактовки и продолжающиеся вокруг них споры вытекают из самой природы устройства институтов, содержащих в себе как нормативный, так и когнитивный аспекты. Сторонники данных подходов лишь указывают на превалирующую роль того или иного фактора в структуре институтов. Однако нормативная и когнитивная составляющие института являются напрямую взаимосвязанными. Правила задают общие нормативные модели, координируют поведение и обеспечивают индивида информацией, а ментальные репрезентации правил и соответствующие им убеждения, ценности и установки обеспечивают мотивацию следования этим правилам [5, с. 5–27]. Однако в последних работах представителей неоинституциональной школы конфронтация двух этих подходов начинает исключаться. Американским экономистом Авнером Грейфом было предложено следующее определение: «Институт – это система социальных факторов, совокупное влияние которых порождает регулярность поведе-

ния» [6, с. 55]. Каждый компонент такой социальной системы является рукотворным нематериальным фактором, являющимся экзогенным по отношению к каждому индивиду, на поведение которого он влияет. Эти социальные факторы Грейф называет институциональными элементами. Суммарно институциональные элементы предоставляют индивидам когнитивные, кооперативные, нормативные и информационные микроосновы для того или иного поведения. Ключевое значение здесь играет именно то, каким образом и в какой степени институциональные элементы могут влиять на регулярность того или иного типа социального поведения. Регулярность здесь понимается как повторяющиеся ситуации, реализуемые индивидами, занимающими одни и те же социальные роли, на протяжении определенного периода времени. Концепция институтов Грейфа, таким образом, не делает упор на том или ином аспекте структуры института, а дает возможность учитывать как формальные (нормативные), так и неформальные (когнитивные и социокультурные) факторы.

Модель экономического субъекта

Данная трактовка института тесно взаимосвязана с моделью экономического субъекта, используемой в неоинституциональной теории. Классическая концепция homo economicus, столетиями использовавшаяся в качестве инструмента экономического анализа, является слишком абстрактной. Она абсолютизирует человеческую рациональность и представляет человека как всеведущее и эгоистичное существо, обладающее сверхъестественными способностями по максимизации своей полезности. Поэтому неоинституционалисты выработали собственную модель экономического субъекта, которая опирается на три основных теоретических предпосылки, связанные с пониманием природы когнитивного устройства и поведения индивидов.

1) Неполная информированность и высокие издержки обработки информации. Неоинституционалисты вводят в неоклассическую модель понятие информационных издержек. Под ними понимаются издержки, связанные с поиском и получением информации о сделке и ситуации на рынке. Как утверждает автор теории информации Джон Стиглер, экономические субъекты должны искать наиболее выгодные для них предложения до тех пор, пока издержки длительности или интенсивности такого поиска не превысят размера ожидаемой выгоды [7, с. 507–529].

*По неоинституционализму,
человек иногда склонен
к оппортунизму. Но здесь важны
транзакционные издержки*

2) Ограниченная рациональность. Психолог Герберт Саймон предположил, что возможности человеческого выбора ограничиваются не только информационными издержками, но и когнитивными возможностями: «Разум, способность к обработке информации тоже являются редкими ресурсами» [8, с. 12]. Поэтому интеллект «расходуется» субъектом экономно, как «ограниченный ресурс».

3). Склонность к оппортунистическому поведению. Неоинституционализм пересматривает положение об эгоистических мотивах человеческого поведения, утверждая, что человек иногда склонен проявлять оппортунизм. Нобелевский лауреат Оливер Уильямсон определил это поведение как «преследование личного интереса, граничащее с коварством» [9, с. 97].

Особенности современной неоинституциональной теории

Разговор о неоинституциональной теории также невозможен без учета транзакционных издержек. В неоклассической школе обмен рассматривался как процесс, происходящий без каких-либо «сил социального трения», в реальности же любой акт обмена сопровождается тем или иным видом транзакционных издержек. Выделяют следующие их виды: издержки поиска информации, издержки ведения переговоров, издержки измерения, издержки спецификации и защиты прав собственности, издержки оппортунистического поведения [10, с. 80]. Открытие существования транзакционных издержек связывают с именем Рональда Коуза. В 1966 году экономист Джон Стиглер вводит понятие «теоремы Коуза», сформулировав ее следующим образом: «Если права собственности четко определены и транзакционные издержки равны нулю, то независимо от первоначальных условий, будет достигнуто оптимальное распределение ресурсов». Открытие теоремы Коуза-Стиглера скорректировало устоявшийся взгляд на природу экономического обмена. Если бы транзакционные издержки были равны нулю, то согласно предпосылкам либерального представления о функционировании рынка, ресурсы распределялись бы там, где они обладают наибольшей ценностью вне зависимости от первоначального распределения прав собственности между экономическими агентами. Однако существование транзакционных издержек не позволяет ресурсам распределиться оптимальным образом. Уровень транзакционных издержек в разных институциональных структурах может быть разным, и именно от этого уровня издержек зависит относительная эффективность социальных институтов.

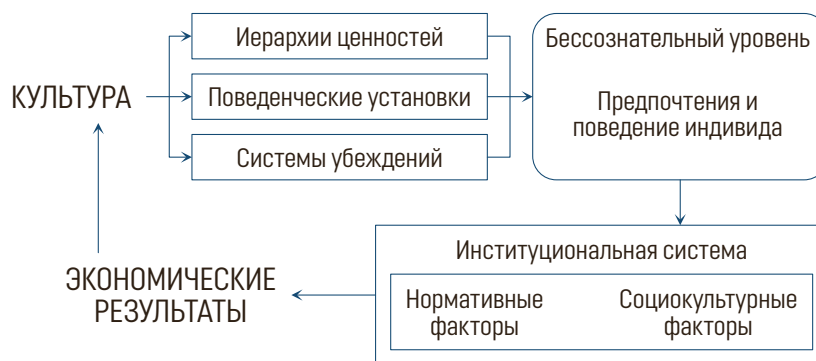

Рис. 2. Взаимосвязь культуры, институтов и экономических результатов

Другое важное понятие вводимое в неоинституциональную теорию – понятие неопределенности. Как утверждал один из «отцов-основателей» современной неоинституциональной школы Дуглас Норт, институты, создаваемые людьми, имеют смысл лишь в качестве непрерывной реакции на различные уровни неопределенности, с которыми мы сталкиваемся ежедневно. «Неопределенность – это не отклонение от нормы, а фундаментальное условие, определяющее развитие структуры соци-

альной организации в ходе истории» [11, с. 28]. И если человеку в общем удалось снизить уровень воспринимаемой неопределенности, связанной с естественной средой, то следствием этого стало усложнение окружающей его социальной действительности. Институты выступают структурами, транслирующими индивидам шаблоны и модели поведения, которые они могут использовать не задумываясь, тем самым снижая уровень неопределенности в их повседневной жизни. И чем богаче институциональная структура той или иной социальной организации, тем ниже степень неопределенности процесса принятия решений [11, с. 61].

Важной особенностью современного неоинституционализма также является интеграция функционалистской и структурной точки зрения на природу институтов. Функционалистская позиция помещает в центр анализа микроуровень индивидов, взаимодействие которых в определенной среде порождает институты. Со структурной точки зрения институты формируют, а не отражают потребности и возможности тех, на чье поведение они влияют [6, с. 67–68]. Однако современные институционалисты объединяют две эти точки зрения, признавая тем самым двойственную структуру институтов как одновременно рукотворных и экзогенных для каждого индивида. Так описывал это Д. Норт: «Институцио-

нальные рамки оказывают решающее влияние и на то, какие именно организации возникают, и на то, как они развиваются. Но в свою очередь и организации оказывают влияние на процесс изменения институциональных рамок» [3, с. 20]. Подобный подход позволяет разработать единый аппарат для изучения институтов и процессов институционального развития. Для одних аналитических целей полезно рассматривать институты в качестве структуры, неподконтрольной индивидам, тогда как для других – полезно изучать институты как рукотворную конструкцию.

Взаимосвязь культуры, институтов и экономических результатов

Одним из ключевых достижений современного неинституционального подхода является включение культуры в экономическую теорию. Несмотря на признание экономистами того факта, что «культура имеет значение», и большое количество проводимых кросскультурных исследований, на сегодняшний день еще не сформирована общепринятая теоретическая база, позволяющая включить культуру в экономическую теорию, что связывается с рядом методологических проблем. Голландские экономисты Шурд Бёгельсдайк и Роберт Маселанд в своей работе «Культура в экономической науке» выделили три основные конфликтные точки, связанные с включением культуры в экономическую теорию: 1) концепция культуры связана с макроуровнем, в то время как основная часть экономической теории действует на микроуровне; 2) культура связана со структурами, которые считаются для индивида данностью, экономисты же работают в плоскости, где поведенческие паттерны можно вывести из рацио-

нальных решений индивида; 3) экономисты ищут универсальные идеи и принципы, что противоречит идеи многообразия культурных контекстов [12, с. 4]. Неинституционалистам удалось решить данные противоречия. Для них «связь между культурой и экономическими результатами проходит через институты, формирующие организацию экономической деятельности» [13, с. 595–619]. Культура здесь рассматривается как неотъемлемая составляющая институциональных систем, влияющая на успешность их функционирования. Она выступает институциональным элементом, влияющим на характер поведенческих реакций индивида в той или иной социальной среде.

Под культурой, как правило, понимается доминирующая в обществе система ценностей, поведенческих установок и убеждений, влияющих на поведение индивидов, в том числе поведенческие экономические. Ценности влияют на цели и ориентиры индивида, поведенческие установки определяют психологическую готовность в определенных условиях действовать определенным образом, а убеждения задают общую картину мира, относящуюся к структуре и устройству окружающей действительности.

В статичном состоянии возможны два базовых сценария соотношения культуры и институтов¹: первый отражает ситуацию, когда обусловленные культурой поведенческие практики, неформальные правила и система формально закрепленных правил соответствуют друг другу; второй сценарий предполагает противоположную ситуацию, когда культура и институты расходятся [14, с. 26–27]. Первый случай является идеальной ситуацией для функционирования институтов, поскольку культура и формальные правила взаимно поддерживают друг друга. Правила не расходятся с поведенческими

привычками, их репрезентации в адекватной форме отражаются в сознании индивидов; существующая система стимулов, ценностей и убеждений создает мотивации следовать правилам, поведение индивида регулируется всеми возможными гарантиями – как формальными (специальными организациями и обученными людьми), так и неформальными (то есть каждым членом социальной группы). Ситуация корреляции социокультурных факторов и институционализированных правил многократно снижает уровень транзакционных издержек и неопределенности, позволяя индивидам быть уверенным в стабильности соблюдения всеми «игроками» правил и практик, существующих в рамках определенного института. В ситуации расхождения культуры и институтов это условие не соблюдается, уровень транзакционных издержек и неопределенности здесь крайне высок. Культура, задавая определенный набор поведенческих установок и направляя человеческую деятельность в фиксированные паттерны, сокращает количество возможных линий поведения индивида. Введение новых правил и норм, не соответствующих устоявшимся социокультурным параметрам среды, требует изменения этого поведения. Причем, когда мы

¹ Необходимо отметить, что в строгом смысле, когда мы говорим об институтах, не корректно разделять социокультурные и нормативные факторы, выделяя их в отдельные категории. Институт представляет собой всю совокупность социальных факторов, влияющих на регулярность поведения людей. В структуру института входят как ценности, поведенческие установки и убеждения, так и система формальных правил, структурирующих определенную сферу социальных взаимоотношений. Причем причастность к тому или иному институту будет определяться именно степенью влияния на регулярность поведения индивидов. Однако в последующем тексте для упрощения описания взаимодействия институтов и культуры в традиции институциональной литературы под институтами будет пониматься система формальных правил и поддерживающих их механизмов контроля.

говорим о формировании новых институтов, новая модель поведения должна стать регулярной практикой, привычкой. Этот процесс требует изменения бессознательных стимулов индивида, на которые невозможно повлиять в краткосрочной перспективе целенаправленным путем. Поэтому постоянное соблюдение новых правил становится невозможным, для этого требуется внедрение сложных механизмов контроля. В такой ситуации выбор модели поведения обуславливается балансом сдержек и противовесов. Если санкции за нарушение новых правил ниже, чем выгода в случае их неисполнения, а механизмы контроля не эффективны (то есть вероятность наступления наказания крайне мала), то выбор индивида в преобладающем большинстве случаев будет склоняться в сторону устоявшихся неформальных практик. Если санкции значительны и комплекс мер контроля достаточно эффективен, то изменение поведения возможно, однако жизнеспособность подобного института крайне низка: как только индивиду будет представлена возможность действовать в обход правила, то он обязательно ей воспользуется. Уровень социальной напряженности и транзакционных издержек будет увеличиваться, при этом подобная система контро-

ля потребует огромных ресурсных затрат. Именно поэтому трансплантация институтов, являющихся «чужеродными» для той или иной социокультурной среды, приводит к их отторжению либо воспроизводству с иным, часто противоположным смыслом. Высокий уровень конфронтации институтов и культуры зачастую приводит к появлению дисфункций государственной машины и обуславливает распространение коррупции и преступности.

Культура, устоявшиеся поведенческие практики и неформальные правила выступают фундаментом, на котором в нормальном режиме могут функционировать институты. Культура задает пределы возможностей развития институтов и может оказывать сопротивление при попытках их изменения [15, с. 172]. Это явление в западных источниках характеризуется как *path dependence problem*. Российский академик Виктор Полтерович назвал этот процесс институциональной ловушкой, а экономист Александр Аузан – «эффектом колеи» (вариант, наиболее распространенный в русскоязычной литературе) – совокупностью неэффективных, но устойчивых институтов и норм поведения, сформированных в прошлом и закрепившихся в культуре, влияющих на решения, принимаемые сегодня.

«Эффект колеи» обуславливает устойчивую траекторию институционального развития стран и является ограничителем при попытке проведения изменений. Разумеется, институциональные рамки возможно сдвигать, однако это очень трудоемкий и долгосрочный процесс. В. Полтерович отмечал: «Устойчивость институцио-

нальной ловушки означает, что при небольшом временном внешнем воздействии на систему она остается в институциональной ловушке, возможно, лишь незначительно меняя параметры состояния, а после снятия возмущения – возвращается в прежнее равновесие» [16, с. 11–12]. Для осуществления трансплантации новых институтов, проведения необходимого комплекса институциональных изменений и преодоления устоявшихся социокультурных барьеров требуются огромные систематические усилия и затраты, основанные на детально проработанных и гибко корректируемых программах.

В каждом обществе существует своя уникальная совокупность социокультурных факторов, которая в сочетании с определенными институтами приводит к тем или иным экономическим результатам. При этом большое количество потенциальных равновесных сочетаний культуры и институтов может привести к разным вариациям экономических результатов. Разные параметры экономической успешности будут достигаться в разных точках пресечения той или иной совокупности социокультурных факторов и институциональных структур.

На рисунке 3 видно, что культура может как ограничивать экономическое развитие и эффективность работы институциональных систем, так и становиться «драйвером» развития и изменений. Данная модель ярким образом показывает, что в каждом обществе существует большое количество потенциальных стратегий для достижения разных параметров экономической успешности. Важно отметить, что подобная модель может быть применима не только к конкретным обществам и странам, но и к отдельным территориям, регионам и даже городам.

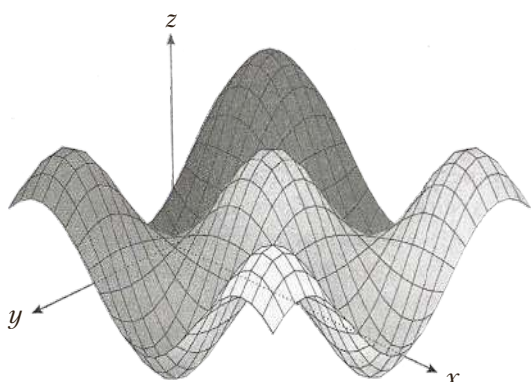

Рис. 3. Трехмерный график с множеством вершин, выражающий взаимосвязь культуры и институциональных систем. Ось z обозначает экономические результаты, ось x – институциональные структуры, а ось y – параметры социокультурной среды.

Заключение

Обобщая вышесказанное, охарактеризуем особенности неинституционального подхода к процессу социально-экономического развития. Экономическое пространство здесь рассматривается с учетом существования в нем транзакционных издержек и фактора неопределенности, а участники экономического процесса имеют ограниченные когнитивные способности, неполную информацию и склонны к оппортунизму. За устойчивое функционирование такой социальной системы отвечают институты. Они выступают структурами, упорядочивающими социальную, экономическую и политическую действительность, посредством установления общих правил игры и трансляции индивидам общих стимулов и моделей поведения. Институты позволяют индивидам преодолевать повседневные проблемы с минимальным количеством усилий, порождая регулярность того или иного поведения. Однако и сами индивиды могут влиять на устройство институциональной структуры и изменение институциональных рамок, хоть и в значительно ограниченной степени. Экономическое развитие для неинституционалистов представляется последовательным процессом институциональных изменений. Ключевым показателем экономического развития являются не количественные показатели, а качество и эффективность функционирования институциональных структур. Сама эффективность работы институтов выражается, прежде всего, в том, насколько они способны снизить уровень транзакционных издержек и неопределенности, а также поддерживать регулярность поведения участников экономического процесса. Этот процесс в огромной степени зависит от того, каким образом сочетаются существующие со-

циокультурные параметры социальной среды и формально закрепленные институциональные элементы. Устоявшиеся социокультурные характеристики могут как увеличивать эффективность функционирования институтов и, как следствие, социально-экономическое развитие, так и препятствовать ему. Таким образом, через призму неинституциональной теории экономическое развитие рассматривается не только как экономический, но и как социокультурный процесс.

Неинституциональный подход к процессу социально-экономического развития позволяет пересмотреть отношение к сложившимся практикам стратегического планирования. Когда в центре внимания оказываются институты, первоочередной задачей стратегического управления становится повышение качества и эффективности их функционирования. Развитие тех или иных институтов не создает быстрых экономических эффектов, однако подготавливает почву для поддержания устойчивого экономического роста и обуславливает качественно иные экономические результаты в долгосрочной перспективе. Необходимо понимать, что для осуществления институциональных изменений ориентации на достижение одних лишь количественных показателей становится недостаточно. Создание, изменение, развитие и повышение эффективности институтов – это долгий и многофакторный процесс, требующий учета множества факторов. Институциональное проектирование предполагает учет и изменение не только характеристик данного института, но и окружающей его институциональной среды, ограничивающих и способствующих развитию социокультурных факторов. Академик Полтерович отмечал, что для выработки перспективной стратегии институ-

циональных изменений необходимо [17, с. 12]:

- 1) учитывать параметры окружающего институционального пространства;
- 2) учитывать ресурсные ограничения;
- 3) учитывать уровень технологического развития;
- 4) учитывать особенности гражданской культуры и уровень развития человеческого капитала;
- 5) учитывать возможности принятия политических решений о реформах и отказа от них;
- 6) учитывать статическую и динамическую комплементарность институтов, предусматривая рациональную последовательность институциональных изменений;
- 7) обеспечивать ослабление ресурсных, технологических и институциональных ограничений вдоль траектории;
- 8) включать эффективные меры по сдерживанию перераспределительной активности;
- 9) формировать институциональные ожидания, стимулирующие движение вдоль траектории;
- 10) предусматривать на каждом шаге, по крайней мере, частичную компенсацию потерь основным группам экономических агентов, которые могли бы проиграть вследствие институциональных изменений;
- 11) учитывать сочетание с государственной политикой стимулирования экономического роста.

Несмотря на сложность проектирования институциональных изменений, именно они являются ключевым фактором успешного социально-экономического развития той или иной территории. В исторической перспективе именно запуск процесса институциональных изменений приводит к выходу на устойчивую траекторию экономического развития, увеличению выгоды от совместной деятельности, усилению стимулов

к изобретению и инновациям, увеличению выгоды от инвестиций в человеческий капитал, снижению стоимости транзакций на рынках [11, с. 34]. При этом неинституциональный подход не дает единого «рецепта» для всех, он предполагает мно-

жество потенциальных стратегий изменений, приводящих к разным вариациям экономических результатов. Различие этих стратегий обуславливается в первую очередь особенностями институциональной и социокультурной среды. Таким обра-

зом, использование неинституционального подхода в стратегическом управлении открывает большое количество возможностей и вариаций для проектирования социально-экономического развития территорий. ■

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

- [1] Разумова В. (2005). Неинституциональная экономическая теория : Учебное пособие М. : Финансовая академия при Правительстве РФ. 338 с.
- [2] Ходжсон Дж. (2007). Что такое институты? // Вопросы экономики. № 8. С. 28–48.
- [3] Норт Д. (1997). Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М. : Начала. 180 с.
- [4] Веблен Т. (2007). Ограниченность теории предельной полезности // Вопросы экономики. № 7. С. 86–98.
- [5] Серл Дж. (2007). Что такое институт? // Вопросы экономики. № 8. С. 5–27.
- [6] Грейф А. (2013). Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли / пер. с англ. И. Кушнаревой. М. : Изд. дом Высшей школы экономики. 536 с.
- [7] Стиглер Дж. (2000). Экономическая теория информации / под ред. В. М. Гальперина. Вехи экономической мысли. Том 2. Теория фирмы. СПб. : Экономическая школа. С. 507–529.
- [8] Simon H. (1978). Rationality as Process and as Product of Thought, *American Economic Review*, vol. 68, no. 2, p. 12.
- [9] Уильямсон О. (1996). Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация / пер. с англ. СПб. : Лениздат ; CEV Press.
- [10] Капелюшников Р.И. (1990). Экономическая теория прав собственности. М.
- [11] Норт Д. (2010). Понимание процесса экономических изменений. М. : Изд. дом Государственного университета – Высшей школы экономики. 256 с.
- [12] Бегельсдейк Ш., Маселанд Р. (2016). Культура в экономической науке / пер. с англ. Н. В. Автономовой ; науч. ред. В. С. Автономов. М. ; СПб : Изд-во Института Гайдара. 464 с.
- [13] Djankov S., Glaeser E., Shleifer A. (2003). The New Comparative Economics, *Journal of Comparative Economics*, vol. 31, no. 3, pp. 595–619.
- [14] Аузан А.А. (2011). Институциональная экономика: новая институциональная экономическая теория : Учебник / МГУ им. М. В. Ломоносова. Москва : ИНФРА-М. 416 с.
- [15] Knight J. (1992). *Institutions and Social Conflict*. Cambridge University Press.
- [16] Полтерович В.М. (1998). Институциональные ловушки и экономические реформы / Российская экономическая школа. Москва. С. 1–37.
- [17] Полтерович В.М. (2006). Стратегии институциональных реформ. Перспективные траектории // Экономика и математические методы. Т. 42. № 1. С. 3–18.

NEOINSTITUTIONAL APPROACH TO STRATEGIC SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF TERRITORIES: BASIC PROVISIONS AND FUTURE FOCUS

ABSTRACT:

A key issue of strategic planning of territorial socio-economic development is a lack of institutional building projects in strategic documents. Hence, measures enshrined in strategic documents are merely structural and, as a rule, are aimed at achieving quantitative indicators only. Therefore, a neoinstitutional approach, considering social reality through the prism of institutions, is of particular interest for the strategic management practices development. The relevance of the research is justified by the growing popularity of the neoinstitutional approach in scientific community.

The article explores main provisions of modern neoinstitutionalism: analyzes normative, cognitive and integrative interpretations of the “institution” category, describes the neoinstitutional model of economic entities, provides a brief overview of the con-

AUTHORS' INFORMATION:

Sergey A. Kovylyayev

Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (66, 8 Marta St., Ekaterinburg, 620144, Russia)

✉ sergeykovylyayev@gmail.com

Vyacheslav V. Skorobogatsky

Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (66, 8 Marta St., Ekaterinburg, 620144, Russia)

✉ skorobogatskiy-vv@ranepa.ru

cept of transaction costs and the uncertainty factor. The neoinstitutional understanding of the relationship between culture and institutions and economic development process is thoroughly considered, and two basic scenarios of the relationship between culture and institutions in a static state are described. The methodological basis of the research is made of works by modern representatives of the neoinstitutional school – A. Greif, D. North, G. Hodgson, J. Searl, O. Williamson, G. Stigler, V. V. Polterovich, A. A. Auzan.

As the research findings, main provisions of neoinstitutionalism were provided, features of the neoinstitutional approach to socio-economic development, expressed in the process of institutional changes and an increase in the efficiency of institutions, were given. The possibility of using neoinstitutional approach in the strategic management of the territorial socio-economic development was also justified. The main advantage of this approach is revealed in the wide variability of strategies for economic transformations based on socio-cultural characteristics of certain territories and the characteristics of the existing institutional environment.

KEYWORDS:

Institutions, institutional theory, neoinstitutionalism, strategic management, socio-economic development, culture in economic theory, socio-cultural factors.

FOR CITATION:

Kovylyayev S.A., Skorobogatsky V.V. (2021). Neo-institutional approach to strategic socio-economic development of territories: basic provisions and future focus, *Municipality: Economics and Management*, no. 4, pp. 109–117.

REFERENCES:

- [1] Razumova V. (2005). Neo-Institutional Economic Theory. Textbook. Moscow: Financial Academy under the Government of the Russian Federation. 338 p.
- [2] Hodgson J. (2007). What are Institutions? *Voprosy Ekonomiki*, no. 8, pp. 28–48.
- [3] North D. (1997). Institution, institutional changes and operation of the economy. Moscow: Nachala. 180 p.
- [4] Veblen Th. (2007). Limitations of the theory of utmost utility, *Voprosy Ekonomiki*, no. 7, pp. 86–98.
- [5] Serl J. (2007). What is the Institute? *Voprosy Ekonomiki*, no. 8, pp. 5–27.
- [6] Greif A. (2013). Institutions and the Path to the Modern Economy: Lessons from Medieval Trade. Cambridge University Press. 536 p.
- [7] Stigler G. (1961). The economics of information, *The Journal of Political Economy*, vol. 69, no. 3. (Jun., 1961), pp. 213–225.
- [8] Simon H. (1978). Rationality as Process and as Product of Thought, *American Economic Review*, vol. 68, no. 2, p. 12.
- [9] Williamson O. (1996). The Economic Institutions of Capitalism: firms, markets, relational contracting. CEV Press.
- [10] Kapelyushnikov R.I. (1990). Economic theory of property rights. Moscow.
- [11] North D. (2010). Understanding the process of economic change. Moscow: Ed. House of State University – Higher School of Economics. 256 p.
- [12] Beugelsdijk S., Maseland R. (2011). Culture in economics: History, methodological reflections and contemporary applications. Cambridge University Press.
- [13] Djankov S., Glaeser E., Shleifer A. (2003). The New Comparative Economics, *Journal of Comparative Economics*, vol. 31, no. 3, pp. 595–619.
- [14] Auzan A.A. (2011). Institutional Economics: New Institutional Economic Theory. Textbook. Lomonosov Moscow University. Moscow: INFRA-M. 416 p.
- [15] Knight J. (1992). Institutions and Social Conflict. Cambridge University Press.
- [16] Polterovich V.M. (1998). Institutional traps and economic reforms. Russian Economic School. Moscow. Pp. 1–37.
- [17] Polterovich V.M. (2006). Institutional reform strategies. Perspective trajectories, *Economics and mathematical methods*, vol. 42, no. 1, pp. 3–18.

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ХАРАКТЕРИСТИКЕ АДАПТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКОЙ ЛОКАЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Качанова Елена Анатольевна

Уральский институт управления,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ (620144, Россия,
Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66)

✉ kachanova-ea@anepa.ru

Ударцев Николай Сергеевич

Уральский институт управления,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ (620144, Россия,
Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66)

✉ udartsev_n@mail.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

адаптивное управление, глобальные вызовы, социально-экономическое развитие, адаптивность, региональная экономика.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Качанова Е.А., Ударцев Н.С. Актуальные теоретико-методологические подходы к характеристике адаптивного управления экономикой локальных территорий // Муниципалитет: экономика и управление. 2021. № 4. С. 118–125.

АННОТАЦИЯ:

В 2020 году мировое сообщество столкнулось с очередным глобальным вызовом – новой коронавирусной инфекцией COVID-19. Вследствие пандемии наступил глобальный экономический кризис. Все более очевидным становится то, что возникновение глобальных экономических кризисов – циклическое явление. Мы предполагаем, что существующие механизмы и инструменты социально-экономического развития локальных территорий характеризуются недостаточной адаптивностью к возникающим глобальным вызовам, в связи с чем происходит усугубление их негативных последствий. Необходимо совершенствование подходов к организации управления социально-экономическим развитием регионов и муниципальных образований. Это возможно через внедрение механизмов адаптивного управления в систему управления социально-экономическим развитием территорий. Статья представляет собой анализ и обобщение подходов отечественных и зарубежных экономических школ по исследуемой теме.

Цель работы – рассмотрение, анализ и обобщение теоретико-методологических подходов к характеристике адаптивного управления экономикой локальной территории (региона, муниципального образования) в условиях экономической рецессии.

Методы и объект исследования. Использованы общенаучные методы познания, в том числе теоретический анализ, синтез (включая междисциплинарный), обобщение, сравнение, индукция, дедукция и др. Объект исследования – экономические отношения по поводу формирования и реализации модели адаптивного управления социально-экономическим развитием локальных территорий.

Результаты. Приведены результаты эволюционно-терминологического анализа понятия «адаптивное управление», сформулировано авторское определение «адаптивного управления»,

характеризующее его в контексте управления социально-экономическим развитием локальных территорий в условиях глобальных вызовов и скорректированное с учетом результатов рассмотрения сложившихся до настоящего времени научных подходов к характеристике адаптивного управления и особенностей соответствующей предметной области.

Выводы. Отмечается достаточно «юный» возраст концепции адаптивного управления (с 70-х гг. XX в.) и вместе с тем всё нарастающий интерес к использованию адаптивных подходов в расширяющемся круге областей (в том числе в государственном управлении, здравоохранении, транспорте, бизнесе, информационных технологиях, энергетике, международном развитии, сельском хозяйстве, экологии и управлении природными ресурсами и др.). Адаптивное управление социально-экономическим развитием локальных территорий в условиях глобальных вызовов можно определить как осознанную и нормативно закреплённую государственную (муниципальную) политику, обеспечивающую стрессоустойчивость социально-экономического развития территорий, в т. ч. путем эффективной реализации механизма предупреждения, возникновения и преодоления кризисных ситуаций, а также быстрой реакции на изменяющиеся условия внутренней и внешней среды в целях достижения запланированных результатов.

Введение

В 2020 году мировая экономика и мировое сообщество столкнулись с очередным глобальным вызовом – новой коронавирусной инфекцией COVID-19, распространившейся по планете со скоростью, опережающей в ряде территорий возможности публичной власти своевременно принять меры, необходимые не только для сохранения жизни и здоровья граждан, но и для защиты национальной экономики. Вместе с пандемией наступило ограничение деловой и потребительской активности и, как следствие, глобальный экономический кризис. Данные тренды еще раз подтвердили тот факт, что возникновение глобальных экономических кризисов – циклическое явление.

Авторы предполагают, что существующие механизмы и инструменты социально-экономического развития локальных территорий (регионов, муниципальных образований) характеризуются недостаточной адаптивностью к возникающим глобальным вызовам, в связи с чем происходит усугубление их негативных последствий.

Особую актуальность в современных условиях приобретает необходимость совершенствования подходов к организации управления социально-экономическим развитием территорий. Современному обществу так или иначе суждено адаптироваться к постоянно изменяющимся условиям. Понимание этого позволяет осознанно готовиться к возникновению кризисных ситуаций, предусматривать возможность предупреждения и достойных ответов на глобальные вызовы на всех уровнях публичного управления. Это возможно через внедрение механизмов адаптивного управления в систему регулирования социально-экономи-

Адаптивное управление дает развитию территорий стрессоустойчивость

«Крик». Эдвард Мунк (1893).

ческого развития регионов и муниципалитетов.

В работе представлены результаты анализа российских экономических школ, тематически связанных с использованием концепции адаптивного управления, на материалах кандидатских и докторских диссертаций, научных публикаций.

В качестве перспективных направлений для дальнейших исследований можно обозначить разработку общей концепции адаптивного управления социально-экономическим развитием локальных территорий, включая формулировку принципов адаптивного управления в данном контексте; описание механизма адаптации, предусматривающего конкретный набор инструментов.

Цель исследования – проанализировать и обобщить научные подходы к характеристике адаптивного управления.

Задачи исследования:

- рассмотреть исторический аспект адаптивного управления;
- привести актуальные подходы к характеристике термина «адаптивное управление»;
- предложить авторское определение понятия «адаптивное управление социально-экономическим развитием локальных территорий в условиях глобальных вызовов», скорректированное с учетом ре-

зультатов рассмотрения сложившихся до настоящего времени подходов к характеристике адаптивного управления и особенностей предметной области.

Основная часть

Анализируемое понятие используется в науке достаточно давно. Слово «адаптация» происходит от лат. *adapto* «приспосаблию». Понятие адаптивности имеет свое начало в эволюционно-смысловом содержании [1]. Термин «адаптация» возник в XIX веке и активно стал применяться в эволюционной антропологии, начало которой как самостоятельной науки принято отсчитывать с публикации работы Ч. Дарвина «Происхождение человека и половой отбор». Стоит отметить, что у ее истока также стояли Э. Геккель, Т. Гексли, К. Фогт [2].

Адаптация в рамках эволюционной антропологии является средством для выживания организмов. Процесс адаптации организмов к изменяющимся условиям окружающей среды представляет собой эволюцию.

Впоследствии термин «адаптация» и его производные получили распространение в широком спектре областей. Например, адаптивные системы управления и контроля на данный момент применяются в сфере IT, машиностроительной отрасли,

методах непрерывного повышения качества организационных процессов (англ. *Total Quality Management*) и методах оптимизации, системном анализе. Понятие «адаптация» может быть отнесено к разным процессам: физиологическая адаптация, психологическая адаптация, профессиональная адаптация и пр.

Началом существования концепции адаптивного управления, по мнению О. П. Михайловой, является формирование подхода к управлению ресурсами в сфере природопользования (70-е гг. XX века). Так, фундаментальное исследование К. С. Холлинга «Адаптивное управление и оценка окружающей среды» заложило научную основу адаптивного управления. В качестве развития адаптивного подхода в социально-политических сферах выделяется работа К. Н. Ли, в которой рассматривается влияние социально-политических проблем на управление устойчивого развития (в 90-е гг. XX века) [3].

Результаты анализа современных отечественных кандидатских и докторских диссертаций, тематически связанных с использованием концепции адаптивного управления, показывают, что большинство таких работ относятся к техническим и физико-математическим отраслям науки. Вместе с тем име-

ют место ряд диссертаций, относящихся к экономическим наукам, характеризующиеся определенной отраслевой направленностью (напр.: П. Г. Желтов – строительство, А. А. Соколов – промышленность, В. И. Александров-Соболев-Кабалевский – образование, И. В. Казмина – высокотехнологичные предприятия).

Более широкий спектр научных публикаций отечественных экономистов по тематике адаптивного управления наблюдается в периодических изданиях (в том числе работы А. В. Харитоновой, О. П. Михайловой, К. А. Баргиновского, Д. Ю. Жмурко, И. В. Скопиной, В. В. Колмакова, А. Н. Чобанова, И. П. Кузьменко, В. П. Кирпанева, Б. А. Сушлакова, Е. В. Болнокиной, Т. А. Голвиной, Д. В. Валько, А. В. Романенко, В. Г. Антонова и др.).

В том числе отдельно стоит отметить ряд публикаций, связанных с вопросами адаптивного управления локальными экономическими системами (И. В. Скопиной, В. В. Колмакова, Д. В. Валько и др.).

По итогам изучения публикаций зарубежных авторов отметим, что теоретические и практические вопросы применения адаптивного управления рассматриваются в различных сферах, в том числе в государственном управлении, здравоохране-

нии, транспорте, бизнесе, информационных технологиях, энергетике, международном развитии, сельском хозяйстве, экологии и управлении природными ресурсами (D. Swanson, S. Bhadwal, R. Djalante, B. C. Chaffin, H. Gosnell, B. A. Cosens, M. Janssen, H. van der Voort, T. Țiclău, C. Hîncea, B. Andrianu, K. P. W. Kok, A. M. C. Loeber, J. Grin).

Отдельно стоит выделить публикации зарубежных авторов 2020–2021-х гг., в центре внимания которых находятся вопросы необходимости применения и развития концепции адаптивного управления в контексте возникновения глобального вызова в виде пандемии COVID-19 (Т. Țiclău, С. Hîncea, В. Andrianu, М. Janssen, Н. van der Voort).

В результате изучения трудов ряда отечественных и зарубежных авторов подготовлена подборка характеристик понятий «адаптация», «адаптивное управление» и их производных.

По результатам рассмотрения существующих подходов к характеристике адаптивного управления можно отметить, что в узком смысле авторы подходят к понятию как к реакции системы на внешние факторы, выражающейся в изменении ее параметров, в целях достижения оптимального состояния.

Эволюция теоретико-методологических подходов к содержанию понятия «адаптивное управление» в экономических школах

- 1999 ○ Баргиновский К.А. (Центральный экономико-математический институт РАН): «В общем смысле целью адаптивного управления является обеспечение способности объекта эффективно функционировать в постоянно возникающих новых ситуациях.» [4] – *Акцент на сохранение эффективности в изменяющихся условиях.*
- 2009 ○ Swanson D., Bhadwal S. (Университет Вирджинии – США, Университет Ноттингем Трент – Великобритания): «Адаптивная политика способна превосходить и реагировать на множество условий, которые ждут впереди, и может ориентироваться на успешные результаты в контексте неопределенности.» [5] – *Указано на способность предупреждения изменений (не только реакция на изменения).*
- 2011 ○ Чобанова А.Н. (Южный федеральный университет): «Адаптивность – свойство систем изменять свою структуру и функции в ответ на изменение среды с целью обеспечения заданного критерия качества функционирования. Сущность адаптивного управления заключается в присутствии адаптивного регулятора (алгоритма управления), который обеспечивает достижение цели в условиях неопределенности знаний об объекте и среде его функционирования.» [6] – *Отмечается нацеленность на достижение планируемого*

- результата (в отличие от однозначных – эффективности, успешности). Вместе с тем имеет место акцент на реактивность системы.*
- 2013 ○ Харитонов А.В. (Хакасский государственный университет): «Адаптация характеризуется как модель поведения субъекта в рыночных условиях, адаптивное управление – метод (способ) реализации данной модели поведения.» [7] — *Адаптивное управление характеризуется как способ поведения в изменяющихся условиях.*
- Жмурко Д.Ю. (Краснодарский университет МВД РФ): «Адаптация – это процесс изменения параметров и структуры системы, а возможно, и управляющих воздействий на основе текущей информации с целью достижения оптимального ее состояния при начальной неопределенности и изменяющихся условиях работы. Управление с адаптацией – это управление в системе с неполной априорной информацией об управляемом процессе, которое изменяется по мере накопления информации и применяется с целью улучшения качества работы системы. Сущность адаптивного управления состоит в реально получаемых результатах деятельности объекта управления, в той модели поведения, которая может сочетать в себе конкурентное противостояние аналогичным сложно организованным системам и приспособление к быстро меняющимся условиям глобального рынка. С экономической точки зрения адаптивная система управления (АСУ) представляет собой совокупность защитных механизмов экономической организации при возникновении рецессии (кризиса).» [8] — *Акценты на реактивной модели поведения системы в целях достижения оптимального состояния. Отмечается антикризисный характер адаптивного управления.*
- 2014 ○ Романенко А.В., Попов А.И., Пархоменко В.Л. (Тамбовский государственный технический университет): «Основная идея адаптивного управления состоит в гибкой организации системы управления, когда система управления не только генерирует управляющие воздействия как реакцию на появляющиеся во внешней среде объекта управления возмущения, но и способна изменять режим функционирования самой системы путем изменения ее параметров или структуры.» [9] — *Отмечается реактивный характер на изменения внешней среды.*
- Chaffin В.С., Gosnell Н., Cosens В.А. (Университет Монтаны, Университет штата Орегон, Университет Айдахо – США): «Адаптивное управление определяется как диапазон взаимодействий между субъектами, сетями, организациями и институтами, возникающими в погоне за желаемым состоянием систем.» — *Акцент на цель достижения желаемого состояния системы.*
- 2019 ○ Антонов В.Г., Румянцева И.А., Кротенко Т.Ю., Казеева О.Г. (Государственный университет управления): «Адаптивность многими специалистами трактуется как способность системы изменять свои параметры и характеристики для повышения эффективности деятельности в зависимости от внешних факторов.» [10] — *Акцент на определяющую роль внешних факторов для изменения параметров системы в рамках процесса адаптации.*
- 2020 ○ Соколов А.А. (Санкт-Петербургский государственный экономический университет): «Под понятием «адаптация» понимают способность системы распознать целенаправленное приспособляющееся поведение субъекта управления, которое проявляется в сложных экономических системах, к условиям изменения внешней среды, научно-технологического прогресса и т.д. Адаптивное управление же обозначает систему управления, где вследствие меняющихся и колеблющихся внутренних и внешних параметров идет соответствующая нужная так называемая подстройка организационной структуры и системы в целом.» [11] — *Отмечается роль не только внешних, но и внутренних параметров для изменения параметров системы в рамках процесса адаптации.*
- Ticiău T., Hințea С., Andrianu В. (Университет Бабеша-Бойяи – Румыния): «Авторы относят концепцию адаптивного управления к способу управления неопределенностью и сложностью в социальных системах.» [12] — *Адаптивное управление характеризуется как способ управления неопределенностью.*
- Janssen M., van der Voort H. (Делфтский технический университет – Нидерланды): «Адаптивное управление представляется как отражение системы управления, которая позволяет адаптироваться к пожеланиям общественности и к глобальным событиям, таким, например, как пандемия COVID-19.» [13] — *Приведенные примеры позволяют отметить реакционный характер адаптивного управления в видении данных авторов.*
- 2021 ○ Казьмина И.В. (Воронежский государственный технический университет): «Механизм адаптивного развития представляет собой систему связей и форм организации и управления, осознанно реализуемых субъектом развития на основе объективных экономических законов, ориентированных на максимизацию достижения поставленной цели. Сущность категории «механизм адаптивного развития» может быть также определена как система основных форм, методов и ключевых факторов применения экономических законов, разрешения противоречий, достижения основной цели, а также формирования требований, создающих систему стимулов, и согласовывающих экономические интересы.» [14] — *Отмечается осознанный характер мер, принимаемых в рамках реализации механизма адаптивного развития.*

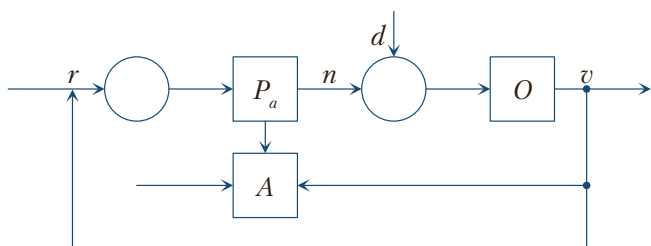

Рис. 1.
Графическая
модель
системы
адаптивного
управления

Вместе с тем более широкий взгляд на адаптивное управление предполагает:

- учет как внешних, так и внутренних изменений;
- не только реакцию на изменение, но и их предупреждение;
- осознанную реализацию мер для достижения планируемых результатов.

На рисунке 1 представлен вариант графической модели системы адаптивного управления, где: A – адапционный блок; P_a – регулятор; O – объект адаптивного управления; r – сигнал входа; u – сигнал выхода; d – внешний фактор; v – реакция объекта адаптивного управления [6].

Для понимания сущности адаптивного управления целесообразно выразить его принципы.

В настоящее время существуют разные подходы к характеристике принципов адаптивного управления.

Так, А. В. Харитонов в числе принципов адаптивного управления предлагает:

- 1) «вариативность или интеграцию различных подходов к управлению»;
- 2) «сбалансированность или обоснование и согласованность планов управления субъектом, принятие сбалансированных управленческих решений».

В зарубежной литературе, охватывающей значительный пласт теоретических трудов по адаптивному управлению (D. Swanson и S. Bhadwal), сформулированы основополагающие принципы эффективной адаптивной политики (табл. 1) [5]. Отметим, что в контексте соответствующей работы это понятие близко к адаптивному управлению.

Авторы считают целесообразным рассматривать в дальнейшем следующие дополнительные принципы:

- развитие информационно-аналитических систем (цифровое развитие, интеграция и повышение эффективности систем позволит значительно повысить эффективность управления);
- нормативность и стратегический характер (механизм адаптации территорий к глобальным вызовам следует интегрировать в правовую базу, а также в систему стратегического планирования).

Кроме того, для дальнейшего использования стоит отметить некоторые предложения отечественных экономистов, направленные на развитие адаптивного управления.

И. В. Скопина предполагает, что для успешного внедрения прогнозно-адаптивной системы управления региональной экономикой необходимо обеспечить создание специализированных органов – «региональных информационно-аналитических центров, в функции которых войдет не только предоставление рыночной информации субъектам рынка, но и прогнозирование развития ры-

ночной ситуации на основе имеющихся данных, что способствует созданию условий для рентабельного функционирования и развития хозяйствующих субъектов при условии адекватного информационного обеспечения и эффективному управлению региональной экономикой в целом» [16].

В. В. Колмаков отмечает, что в ходе непосредственной реализации концепции адаптивного управления в практике управления развитием территорий необходимо обеспечить ее встраивание в существующую систему стратегического планирования. При этом отмечается неэффективность действующей системы управления и подчеркивается ее несоответствие текущим условиям социально-экономического развития [17].

По результатам изучения различных подходов к характеристике понятий предложим собственное определение понятия «адаптивное управление» с учетом специфики выбранной предметной области научных исследований.

По мнению авторов, адаптивное управление социально-экономическим развитием локальных территорий в условиях глобальных вызовов представляет собой осознанную и нормативно закреплённую государственную (муниципальную) политику, обеспечивающую стрессоустойчивость социально-экономического развития территорий, в том числе путем реализации механизма предупреждения возникновения и преодо-

Таблица 1 – Принципы эффективной адаптивной политики

№	Краткая формулировка принципа
1	Комплексный и перспективный анализ
2	Обсуждение с участием многих заинтересованных сторон
3	Автоматическая корректировка
4	Обеспечение самоорганизации и социальных сетей
5	Децентрализация процесса принятия решений
6	Стимулирование вариации
7	Формальный обзор политики, непрерывное обучение

ния кризисных ситуаций, а также быстрой реакции на новые условия внешней и внутренней среды в целях достижения запланированных результатов.

Заключение

В целом следует отметить достаточно «юный» возраст концепции адаптивного управления (с 70-х годов XX века) и вместе с тем все нарастающий интерес к использованию адаптивных подходов в расширяющемся круге областей (в том числе в государственном управлении, здравоохранении, транспорте, бизнесе, информационных технологиях, энергетике, международном развитии, сельском хозяйстве, экологии и управ-

лении природными ресурсами и др.).

В последние годы все отчетливее проявляется более широкое представление о роли адаптивного управления. Ранние подходы рассматривали его в общем виде как реакцию в виде корректировки параметров системы в ответ на внешние изменения. Теперь же в рамках концепции адаптивного управления представляется целесообразным учитывать также и внутренние изменения, использовать опыт и имеющиеся технологии для их прогнозирования с целью предупреждения негативных последствий и эффективного использования ожидаемых в связи с ними возможностей.

В последующих исследованиях представляется целесообразным проработать следующие основные перспективные направления:

- проанализировать угрозы и глобальные вызовы для социально-экономического развития локальных территорий;
- конкретизировать механизм и инструменты адаптивного управления социально-экономическим развитием локальных территорий;
- предложить концепцию внедрения адаптивного управления в деятельность органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления муниципальных образований. ■

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

- [1] Кузьменко И.П., Кирпанев В.П. (2011). Адаптивное управление как инструмент повышения устойчивости хозяйствующих субъектов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/adaptivnoe-upravlenie-kak-instrument-povysheniya-ustoychivosti-hozyaystvuyuschih-subektov> (дата обращения: 09.05.2021).
- [2] Козлова М.С. (2009). Эволюция человека. История и теория // Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-cheloveka-istoriya-i-teoriya> (дата обращения: 09.05.2021).
- [3] Михайлова О.П. (2017). Условия возникновения адаптивного управления // Общество: политика, экономика, право. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/usloviya-vozniknoveniya-adaptivnogo-upravleniya> (дата обращения: 07.05.2021).
- [4] Багриновский К.А. (1999). О методах адаптивного управления в переходной экономике // ЭНЕР. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-metodah-adaptivnogo-upravleniya-v-perehodnoy-ekonomike> (дата обращения: 08.05.2021).
- [5] Swanson D., Bhadwal S. (2009). Creating adaptive policies: a guide for policymaking in an uncertain world, *Sage Publications*. IDRC.
- [6] Чобанова А.Н. (2011). Использование принципов адаптивного управления в самообучающихся социально-экономических системах // Известия ЮФУ. Технические науки. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-printsipov-adaptivnogo-upravleniya-v-samoobuchayuschih-sotsialno-ekonomicheskikh-sistemah> (дата обращения: 08.05.2021).
- [7] Харитонов А.В. (2011). Взаимосвязь адаптации и адаптивного управления // УЭК. № 33. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-adaptatsii-i-adaptivnogo-upravleniya> (дата обращения: 07.05.2021).
- [8] Жмурко Д.Ю. (2013). Понятие, сущность и классификация адаптивного управления системами с организационной сложностью // Научный журнал КубГАУ. № 90. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-suschnost-i-klassifikatsiya-adaptivnogo-upravleniya-sistemami-s-organizatsionnoy-slozhnostyu> (дата обращения: 08.05.2021).
- [9] Романенко А.В., Попов А.И., Пархоменко В.Л. (2014). О системных основах управления в реальном секторе экономики // Вестник ВУиТ. № 2 (31). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sistemnyh-osnovah-upravleniya-v-realnom-sektore-ekonomiki> (дата обращения: 08.05.2021).
- [10] Chaffin B.C., Gosnell H., Cosens B.A. (2014). A decade of adaptive governance scholarship: synthesis and future directions, *Ecology and Society*, vol. 19, no. 3, pp. 1–14.
- [11] Антонов В.Г., Румянцева И.А., Кротенко Т.Ю., Казеева О.Г. (2019). Методические подходы к формированию адаптивных структур управления // Вестник ГУУ. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodicheskie-podhody-k-formirovaniyu-adaptivnyh-struktur-upravleniya> (дата обращения: 08.05.2021).
- [12] Соколов А.А. (2020). Адаптивное управление структурными преобразованиями в промышленности: диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук : 08.00.05 / Санкт-Петербургский государственный экономический университет. Санкт-Петербург. 198 с.
- [13] Tîclău T., Hîntea C., Andrianu B. (2020). Adaptive and Turbulent Governance. Ways of Governing that Foster Resilience. The Case of the COVID-19 Pandemic, *Transylvanian Review of Administrative Sciences*, vol. 16, no. SI, p. 172.
- [14] Janssen M., van der Voort H. (2020). Agile and adaptive governance in crisis response: Lessons from the COVID-19 pandemic, *International Journal of Information Management*, vol. 55, 102180, p. 6.
- [15] Казьмина И.В. (2021). Адаптивное развитие системы управления высокотехнологичными предприятиями: диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук : 08.00.05 / Воронежский государственный технический университет. Воронеж. 380 с.

[16] Скопина И.В. (2006). Формирование прогнозно-адаптивной системы управления региональной экономикой // УЭКС. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-prognozno-adaptivnoy-sistemy-upravleniya-regionalnoy-ekonomikoy> (дата обращения: 08.05.2021).

[17] Колмаков В.В. (2020). Адаптивное управление регионом в условиях сетевизации экономического пространства // Инновации и инвестиции. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/adaptivnoe-upravlenie-regionom-v-usloviyah-setevizatsii-ekonomicheskogo-prostranstva> (дата обращения: 08.05.2021).

CURRENT THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO CHARACTERISTICS OF ADAPTIVE MANAGEMENT OF THE LOCAL TERRITORIES ECONOMY

AUTHORS' INFORMATION:

Elena A. Kachanova

Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (66, 8 Marta St., Ekaterinburg, 620144, Russia)

✉ kachanova-ea@ranepa.ru

Nikolay S. Udartsev

Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (66, 8 Marta St., Ekaterinburg, 620144, Russia)

✉ udartsev_n@mail.ru

KEYWORDS:

adaptive management, global challenges, socio-economic development, adaptivity, regional economy.

FOR CITATION:

Kachanova E.A., Udartsev N.S. (2021). Current theoretical and methodological approaches to characteristics of adaptive management of the local territories economy, *Municipality: Economics and Management*, no. 4, pp. 118–125.

ABSTRACT:

In 2020 the global community faced another global challenge – COVID-19 new coronavirus infection, which caused the global economic crisis as a consequence of the pandemic. It is ever more obvious that the emergence of global economic crises is of cyclical nature. We assume that the existing mechanisms and tools of socio-economic development in local areas can be characterized as insufficiently adaptable to emerging global challenges, hence, their negative consequences are aggravated. The approaches to the regional and municipal socio-economic development management should be improved. This can be applied through the introduction of adaptive management mechanisms into the territorial socio-economic development management system. The given article analyzes and generalizes the approaches of domestic and foreign economic schools on the researched issue.

Purpose of this article is to consider, analyze and generalize theoretical and methodological approaches to characterizing the adaptive management of the economy of a local territory (region, municipality) under economic recession.

Research methods and object. General scientific methods of inquiry are used, including theoretical analysis, synthesis (including interdisciplinary), generalization, comparison, induction, deduction, etc. The object of the research is economic relations in terms of formation and implementation of an adaptive management model of socio-economic development of local territories.

Results. The results of the evolutionary-terminological analysis of the “adaptive management” concept are provided, the author's definition of “adaptive management” is formulated, characterizing it in the context of managing socio-economic development of local territories under global challenges, which was adjusted with reference to consideration of results of the currently developed scientific approaches to the adaptive management characteristics and the relevant subject area specifics.

terizing it in the context of managing socio-economic development of local territories under global challenges, which was adjusted with reference to consideration of results of the currently developed scientific approaches to the adaptive management characteristics and the relevant subject area specifics.

Conclusions. The authors emphasize a rather 'young' age of the adaptive management concept (from the 70-s of the XX-th century), and at the same time, an increasing interest to adaptive approaches use in an expanding range of fields (including public administration, healthcare, transport, business, information technologies, energy, international development, agriculture, ecology and natural resource management, etc.). Adaptive management of socio-economic development of local territories under global challenges can be defined as a conscious and normatively fixed public (municipal) policy ensuring stress resistance of the territorial socio-economic development, including through the efficient implementation of a mechanism for preventing, arising and overcoming crisis situations, as well as quick reaction to changing conditions of internal and external environment to achieve the planned results.

REFERENCES:

- [1] Kuzmenko I.P., Kirpanev V.P. (2011). Adaptive management as a tool for increasing the stability of economic entities, *Bulletin of the Adygea State University. Series 5: Economy*, no. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/adaptivnoe-upravlenie-kak-instrument-povysheniya-ustoychivosti-hozyaystvuyuschih-subektov> (accessed 09.05.2021).
- [2] Kozlova M.S. (2009). Human evolution. History and theory, *Bulletin of Moscow University. Series 23. Anthropology*, no. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-cheloveka-istoriya-i-teoriya> (accessed 09.05.2021).
- [3] Mikhailova O.P. (2017). The conditions for the emergence of adaptive management, *Society: Politics, Economics, Law*, no. 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/usloviya-vozniknoveniya-adaptivnogo-upravleniya> (accessed 07.05.2021).
- [4] Bagrinovsky K.A. (1999). On the methods of adaptive management in the transition economy, *ENSR*, no. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-metodah-adaptivnogo-upravleniya-v-perehodnoy-ekonomike> (accessed 08.05.2021).
- [5] Swanson D., Bhadwal S. (2009). Creating adaptive policies: a guide for policymaking in an uncertain world, *Sage Publications*. IDRC.
- [6] Chobanova A.N. (2011). Using the principles of adaptive management in self-learning socio-economic systems, *Izvestia of SFedU. Technical science*, no. 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-printsipov-adaptivnogo-upravleniya-v-samoobuchayuschih-sotsialno-ekonomicheskikh-sistemah> (accessed 08.05.2021).
- [7] Kharitonova A.V. (2011). The relationship of adaptation and adaptive management, *UEcS*, no. 33. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-adaptatsii-i-adaptivnogo-upravleniya> (accessed 07.05.2021).
- [8] Zhmurko D.Yu. (2013). The concept, essence and classification of adaptive management of systems with organizational complexity, *Scientific Journal of KubSAU*, no. 90. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-suschnost-i-klassifikatsiya-adaptivnogo-upravleniya-sistemami-s-organizatsionnoy-slozhnostyu> (accessed 08.05.2021).
- [9] Romanenko A.V., Popov A.I., Parkhomenko V.L. (2014). On system basics of management in the real sector of the economy, *VUIT Bulletin*, no. 2 (31). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osistemnyh-osnovah-upravleniya-v-realnom-sektore-ekonomiki> (accessed 08.05.2021).
- [10] Chaffin B.C., Gosnell H., Cosens B.A. (2014). A decade of adaptive governance scholarship: synthesis and future directions, *Ecology and Society*, vol. 19, no. 3, pp. 1–14.
- [11] Antonov V.G., Rumyantseva I.A., Krotchenko T.Yu., Cazeeva O.G. (2019). Methodical approaches to the formation of adaptive control structures, *GUU Bulletin*, no. 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodicheskie-podhody-k-formirovaniyu-adaptivnyh-struktur-upravleniya> (accessed 08.05.2021).
- [12] Sokolov A.A. (2020). Adaptive management of structural transformations in industry. Ph. D. thesis. St. Petersburg State Economic University. St. Petersburg. 198 p.
- [13] Țiclău T., Hîrțea C., Andrianu B. (2020). Adaptive and Turbulent Governance. Ways of Governing that Foster Resilience. The Case of the COVID-19 Pandemic, *Transylvanian Review of Administrative Sciences*, vol. 16, no. SI, p. 172.
- [14] Janssen M., van der Voort H. (2020). Agile and adaptive governance in crisis response: Lessons from the COVID-19 pandemic, *International Journal of Information Management*, vol. 55, 102180, p. 6.
- [15] Kazmina I.V. (2021). Adaptive development of the management system of high-tech enterprises. Ph. D. thesis. Voronezh State Technical University. Voronezh. 380 p.
- [16] Skopina I.V. (2006). Formation of a projected and adaptive regional economy management system, *UEcS*, no. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-prognozno-adaptivnoy-sistemy-upravleniya-regionalnoy-ekonomikoy> (accessed 08.05.2021).
- [17] Kolmakov V.V. (2020). Adaptive control of the region in the conditions of networking of economic space, *Innovation and Investment*, no. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/adaptivnoe-upravlenie-regionom-v-usloviyah-setevizatsii-ekonomicheskogo-prostranstva> (accessed 08.05.2021).